



Яков Рабинович

Почему
евреи не любят
Сталина

Яков Рабинович

Почему евреи не любят Сталина

«Этерна»

2014

Рабинович Я. И.

Почему евреи не любят Сталина / Я. И. Рабинович — «Этерна», 2014

Проблемы, связанные с памятью о сталинизме, в сегодняшней России болезненны и остры. На прилавках – масса просталинской литературы: художественной, публицистической, квазиисторической. В социологических опросах Сталин неизменно в первой тройке «самых выдающихся деятелей всех времен». В оправдательном духе интерпретируется сталинская политика и в новых учебниках истории для школы. А рядом – безусловные достижения историков и архивистов, сотни посвященных сталинизму фундаментальных томов документов, научных статей и монографий. Но они если и оказывают влияние на массовое сознание, то слишком слабое. Причины этого и в недостатке практических механизмов такого влияния, и в исторической политике последних лет. Но более всего – в особенностях нынешнего состояния нашей национальной исторической памяти о сталинизме.

Содержание

Сталин и Троцкий: поединок палачей	6
Синхронный старт	6
Блестящий теоретик и скромный террорист	7
История реальная и виртуальная	8
Ближний бой	10
Охота на льва	11
Операция «Философским пароход»	18
«К интеллигенции я симпатии не питаю»	19
«Безымянная» элита	21
Уходящему – Синай, остающимся – Голгофа...	23
Коминтерн и его наследники	25
Раскол рабочего движения и приход к власти нацистов	29
Исторические корни третьего рейха	30
Тайны «ядовитой» лаборатории	35
Мой дед Генрих Ягода	40
Иудаизм, как и православие, – злейший враг новорожденного пролетарского государства. Православный иерарх защищает евреев	43
Смерть поэта Мандельштама	51
Биробиджанская сказка – великое переселение еврейского народа	55
Дипломатия Гитлера против дипломатии Сталина	71
Еврейские проблемы в семье Сталина	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Яков Иосифович Рабинович

Почему евреи не любят Сталина

© Я.И. Рабинович, 2014

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сталин и Троцкий: поединок палачей

Синхронный старт

Так случилось, что первые двое детей крестьянина Виссариона Джугашвили и Екатерины Геладзе умерли и только третий – Иосиф – выжил. Практически в то же самое время в семье Давида и Анны Бронштейн появился мальчик Лева (Лейба).

1888 г.: оба ребенка пошли учиться. Иосиф – в Горийское духовное училище, где все четыре года был первым учеником, а Леву отдали в Одесскую гимназию. В 1894 г. блестящий выпускник духовного училища Джугашвили поступает в Тифлисскую духовную семинарию. Лев Бронштейн университетам государственным предпочел университеты революционные.

С восемнадцати лет он начинает участвовать в социал-демократическом движении, а в девятнадцать, после первого ареста, продолжает обучение в тюрьмах Одессы, Николаева и Херсона.

В это время семинарист Джугашвили настойчиво овладевает религиозной премудростью да пописывает романтические стишки в местную газету «Иверия» под псевдонимом Коба (имя героя из книги писателя Казбеги о приключениях грузинского Робин Гуда). Увы, к великому сожалению, ни церковнослужителем, ни поэтом Кобе не суждено было стать. Многие борцы с царским режимом, в связи с запретом на проживание в обеих столицах, обосновались в Тифлисе, создав высокую концентрацию революционной мысли на единицу площади. И вот уже Иосиф Джугашвили, начитавшийся «Катехизиса революционера», исключен из семинарии и с головой окунается в «новое дело».

«Сибирский этап» своей политической карьеры оба наших героя начали почти синхронно. В 1902 г. арестованного Кобу отправляют в село Нижняя Уда Иркутской губернии. В этом же году из иркутской ссылки бежит Лева Бронштейн. На пути в Лондон Бронштейн меняет фамилию. В чистый паспортный бланк он не без юмора вписывает фамилию знакового тюремного надзирателя – Троцкий. Через десять лет то же сделает Джугашвили. Свою первую статью, напечатанную в Вене, он подпишет «Сталин».

Блестящий теоретик и скромный террорист

О первых шагов на революционном поприще Троцкий становится заметной и самостоятельной фигурой русского социал-демократического движения. Добравшись из Сибири в Лондон, он знакомится с Лениным, а уже через год на II съезде РСДРП вступает с ним в жесткий конфликт по вопросу Устава партии и переходит на позицию меньшевиков. Однако еще через год Троцкому становится тесно в рамках меньшевистской платформы, и он выдвигает собственную теорию «перманентной революции», объявив себя независимым социал-демократом. В то время Лев Давыдович был фигурой не менее, а может быть, и более яркой, чем нестигаемый большевик Ульянов. Не случайно в 1905 г., в разгар первой русской революции, именно он возглавляет Петербургский совет рабочих депутатов. После поражения восставших Троцкий вновь арестован и вновь бежит с этапа.

В 1907 г. на V съезде РСДРП в Лондоне происходит первое «физическое» пересечение будущих участников войн за наследство Ильича. Правда, в то время Троцкий проявил политическую близорукость, даже не заметив скромного представителя «товарищей с Кавказа». Карьера Троцкого как видного теоретика революционного движения набирала обороты, и он по-спринтерски рвался вперед.

С точки зрения истории Сталин в этом соревновании оказался грамотным и выносливым стайером. Пока Троцкий блистал на трибунах, Коба (по некоторым данным – по прямому указанию Ленина) занялся революционной работой «вручную», то есть с бомбой и револьвером в руках. 26 июля 1907 г. происходит вооруженный налет на два экипажа, перевозивших деньги в Госбанк. Партии нужны деньги, цель оправдывает средства. Всего за 1907 г. экспроприации и теракты унесли жизни 1230 человек. Ко многим смертям из этого списка Коба лично причастен. Власти «оценили» эту активность. К 1913 г. на его счету восемь арестов. Трехсотлетие дома Романовых Сталин встречает в туруханской ссылке.

А Троцкий тем временем продолжает вести бурные дискуссии с Лениным, явно не стесняясь в выражениях. В своих памфлетах он называет последнего «профессиональным эксплуататором всякой отсталости» и «кандидатом в диктаторы». Но наступает 1914 г., выстрел в Сараеве дает старт мировой войне. Антивоенная программа объединяет Ленина и Троцкого. Оба понимают: поражение царской России – шанс для победы революции.

История реальная и виртуальная

Февраль 1917-го. Узнав о буржуазно-демократическом перевороте, в Россию со всех концов спешат революционеры. Одним из первых в Питере появляется Сталин. Вместе с Камневым он берет на себя руководство редакцией «Правды» и штабом большевиков, занявшим бывший особняк балерины Кшесинской.

В апреле в Петроград приезжает Ленин, и только в мае из Нью-Йорка через Галифакс прибывает Троцкий. Кстати, в Канаде он был арестован, но Петроградский совет надавил на Временное правительство, те послали ноту и добились освобождения Льва Давыдовича. На свою голову.

Главной ошибкой Троцкого в противостоянии со Сталиным было то, что Троцкий этого противостояния... не заметил. А когда заметил, было поздно. До конца двадцатых Троцкий не считал Сталина достойным противником. Да и немудрено. Сталин прозябал на третьих ролях, не имея ни авторитета, ни популярности, в то время как Троцкий на пару с Лениным был у кормила революции. Даже сам Сталин в своей статье к 1-й годовщине Октября признавал, что если Ленин был безусловным вдохновителем переворота, то вся практическая организация восстания проходила под руководством Троцкого. Правда, в начале 1930-х эта статья по указанию автора была изъята из всех сборников и более в печати не появлялась.

Позже в своей книге «Сталин» Троцкий с фактами в руках и пеной у рта доказывал, что никакого значительного участия ни в Октябрьском перевороте, ни в Гражданской войне Сталин не принимал. Однако, не обладая талантом теоретика, оратора и полководца, Сталин в совершенстве владел мастерством постепенного и незаметного превращения истории реальной в историю виртуальную. Схема процесса была проста и эффективна. Сначала роль и заслуги противника признаются безоговорочно (как в случае с Троцким). Затем его действия противопоставляются действиям ЦК партии. Дальше одиночка-отщепенец остается за бортом. И завершает картину поэтапная клевета на всех соратников по борьбе. В результате на пьедестале почета остается один Сталин.

Однако все это Лев Давыдович осознает позже, поэтому все его попытки «восстановить историческую справедливость» будут напоминать бесполезное махание кулаками после драки. А пока именем революции он вершит судьбу бывшей империи, ввергая ее в кровавую Гражданскую войну. И если Ленин делает это, сидя в Кремле, то Троцкий работает на местах. Звание наркомвоенмора давало ему неограниченную свободу решений и действий. Новую Красную армию он создавал безжалостными инструментами репрессий и террора. Именно Троцкому принадлежит идея создания заградительных отрядов. Кроме того, он ввел практику захвата заложников. По приказу Троцкого составлялись списки родственников офицеров, ушедших к белым. Мало того, в инструкции армейским комиссарам Троцкий указывает на необходимость иметь точные сведения о семейном положении комсостава Красной армии. Во-первых, чтобы в случае гибели командарма в бою семья не осталась без помощи, а во-вторых, для немедленного ареста всех родственников в случае измены.

На самых опасных и ответственных участках фронта появлялся Троцкий на своем знаменитом поезде. И если самого наркомвоенмора называли «львом революции», то его поезд был настоящим «драконом». Три локомотива тянули тяжелый состав, в вагонах которого располагались канцелярия, библиотека, медпункт, радио и телеграф, походная типография, мотоциклетный гараж. Гарнизон этой крепости на колесах состоял из отборных и лично преданных Троцкому бойцов. С платформы поезда Троцкий произносил свои зажигательные речи, рассказывая полуграмотным красноармейцам о величии мировой революции. Там награждал он героев именным оружием. Но горе командирам и бойцам, проявившим трусость. В полках, покинувших окопы, расстреливался каждый десятый. Позже эту тактику возьмет на вооруже-

ние Сталин, подписывая в начале Великой Отечественной свой знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад!».

Ближний бой

После смерти Ленина столкновение Сталина и Троцкого стало неизбежным. Вождь мирового пролетариата предвидел эту опасность и в своем завещании призывал соратников не допустить раскола. Однако ленинское письмо до широких масс не дошло. С молчаливого согласия партийного руководства на нем был поставлен гриф «Для служебного пользования». Руки у Сталина оказались развязаны, и он перешел в атаку.

Смерть Ленина застала Троцкого в Сухуми на отдыхе. По телеграфу он запрашивает о дате похорон. Сталин убеждает Троцкого продолжать лечение. Тем временем похороны Ильича назначены на день раньше срока. Отсутствие Троцкого на траурной церемонии сильно снизило его шансы стать «наследником». Зато Сталин оказался центральной фигурой на прощании с вождем, положив начало многолетней традиции советской номенклатуры: кто первый у гроба, тот и следующий у власти.

Схватка Сталина и Троцкого не была борьбой идей. Она напоминала бой без правил, где противники руководствуются только личными амбициями. Советские историки-ортодоксы уверяли, что Сталин отстаивал ленинские принципы построения социализма в пику ультра-левым идеям Троцкого. На самом деле Сталин оказался самым верным и последовательным «троцкистом». Ведь тотальная милитаризация страны, индустриальные пятилетки, коллективизация, трудовые армии эков, плановая экономика – все это идеи оппозиционера Троцкого, претворенные в жизнь его непримиримым врагом.

Троцкий попытался нанести ответный удар, резко выступая против организации Мавзолея (в этом вопросе его активно поддерживала Крупская). Но Сталин и тут переиграл противника. Мумификацию образа Ленина он начал с бальзамирования его тела.

Тогда Троцкий попытался перехватить инициативу на том участке, где был традиционно сильнее, – в области печатной полемики. В 1924 г. он пишет статью «Уроки Октября», где с присущим ему блеском раскрывает механизм Октябрьского переворота, распределяя роли по принципу: Ленин – вне конкурса, я – самый крутой, Зиновьев и Каменев – трусы, Сталин – вообще никто. Желая усилить эффект, Троцкий использовал в статье некоторые тезисы ленинского завещания. И это была роковая ошибка. В личных целях Троцкий нарушил заговор партийного молчания, и против него ополчилась вся советская верхушка.

На пленуме 1925 г. Сталин предложил сместить Троцкого с поста председателя Реввоенсовета, выбивая из рук врага главное оружие – власть над армией. Под угрозой вывода из Политбюро Троцкий подчиняется партийной дисциплине.

Охота на льва

Накануне XV съезда первого из соратников Ленина исключают из партии, а в январе 1928-го высылают в Алма-Ату. Через год Сталин решил, что этого недостаточно, и Политбюро послушно голосует за высылку Льва Давыдовича из страны.

На первых порах единственной страной, согласившейся принять изгнанника, была Турция.

Четыре года в Турции, затем Франция, Норвегия и, наконец, Мексика. В 1932 г. Троцкий лишается советского гражданства и уже в статусе политэмигранта ведет активную и беспощадную войну против Сталина на страницах зарубежной печати. Иосиф Виссарионович в долгу не остался. Всех, кто был хоть как-то связан с Троцким, арестовали и уничтожили. А вскоре дошла очередь и до него самого.

Лев Троцкий в статье «За стенами Кремля», опубликованной в 1938 г. в эмигрантском журнале «Бюллетень оппозиций», утверждает, что Сталин имел в своем распоряжении достаточно компрометирующих данных на М. И. Калинина и К. Е. Ворошилова, чтобы их шантажировать на полную послушность; Калинин, ставший после смерти Я. М. Свердлова в 1919 г. Председателем ЦИК, то есть формальным главой СССР, был в составе Политбюро представителем интересов крестьянства. Как пишет Троцкий, Калинин в первые годы своего председательства в ЦИК вел себя очень скромно. «Но со временем и под влиянием формальной власти он приобрел рутину “государственного человека” и перестал робеть перед профессорами, артистами и особенно артистками. Мало посвященный в закулисную сторону жизни Кремля, я узнал о новом образе жизни Калинина с большим запозданием и притом из совершенно неожиданного источника. В одном из советских юмористических журналов появилась, кажется в 1925 г., карикатура, изображавшая – трудно поверить! – главу государства в очень интимной обстановке. Сходство не оставляло места никаким сомнениям. К тому же в тексте, очень разнузданном по стилю, Калинин назван был инициалами М. И. Я не верил своим глазам. “Что это такое?” – спрашивал я некоторых близких мне людей, в том числе Серебрякова. “Это Сталин дает последнее предупреждение Калинину” – “Но по какому поводу?” – “Конечно, не потому, что оберегает его нравственность. Должно быть, Калинин в чем-то упирается”»¹.

После такого «предупреждения» Калинин, по словам Троцкого, перестал упираться и постепенно стал полностью послушен воле Сталина, подписывая в форме указов любой его проект. Указы Центрального исполнительного комитета СССР имели силу закона и подписывались председателем и секретарем. Секретарем ЦИК много лет был друг Сталина А. С. Енукидзе, которого он держал под полным контролем. Чтобы такой указ-закон вступил в силу, было достаточно этих двух подписей. Формально считалось, что этот закон принят голосованием всех членов Президиума ЦИК, но на практике согласие большинства членов Президиума ЦИК получали телефонным опросом. Телефонный опрос был обычным методом принятия и указов Президиума Верховного Совета СССР, и этот быстрый способ преобразования директив Сталина в законодательные акты обеспечивался Калининным.

Троцкий также утверждал, что к 1928 г. ему стало известно, что «у Сталина есть особый архив, в котором собраны документы, улики, порочащие слухи против всех без исключения видных советских деятелей. В 1929 г. во время открытого разрыва с правыми членами Политбюро, Бухариным, Рыковым и Томским, Сталину удалось удержать на своей стороне Калинина и Ворошилова только угрозой порочащих разоблачений»².

¹ Троцкий Л. За стенами Кремля // Бюл. оппозиции. 1938. Дек. № 72. С. 9–10. [Париж].

² Троцкий Л. За стенами Кремля // Бюл. оппозиции. 1938. Дек. № 72. С. 12. [Париж]

Как способ, гарантирующий политику полной послушности подчиненных, эта «технология власти» достаточно широко распространена. Группа секретных осведомителей Сталина могла быть очень небольшой. Важным для такой группы был доступ к любым архивам, что давало возможность для сбора информации среди обслуживающего персонала кремлевской элиты и работников охраны этой же элиты. По воспоминаниям бывшего личного секретаря Сталина Бориса Бажанова, бежавшего за границу через Туркестан и Персию в 1928 г., в 20-е гг. двое из личных секретарей-помощников Сталина, Григорий Каннер и Лев Мехлис, были главными организаторами этой осведомительной сети³. Каннер был расстрелян в 1937 г. Очевидно, он слишком много знал. Мехлис оставался доверенным Сталину человеком до смерти вождя, а в 1930–1937 гг. занимал ключевой для Сталина пост редактора «Правды». В последующем осведомительская сеть Сталина работала в основном через так называемый Секретный отдел ЦК, переименованный в Особый сектор ЦК в 1934 г. С 1930 по 1952 г. бессменным заведующим этим отделом был А. Н. Поскребышев. Он был одним из наиболее преданных Сталину людей, но и его преданность цементировалась шаткостью политического основания. Жена Поскребышева была арестована, так как являлась родной сестрой жены сына Троцкого. Самого Поскребышева «обеспечили» через НКВД новой женой. По линии НКВД Сталин получал интересующую его информацию через начальника своей личной охраны генерала Н. С. Власика, который одновременно был также и начальником охранной службы НКВД. Рядовые охранники и шоферы других членов Политбюро находились в подчинении у Власика. Он стал охранником Сталина еще со времен Гражданской войны. У Власика были проблемы и с женщинами, и с деньгами, но Сталин ему все прощал до 1952 г.

Ключевые фигуры в репрессивном аппарате Сталина – Генрих Ягода, Николай Ежов и Берия – также обладали достаточно «темным» прошлым (в период до 1920 г.) и моральными проблемами, которые в случае Ежова и Берии имели хорошо доказанный к настоящему времени характер сексуальных патологий. Сталин выдвинул этих людей на высшие посты в НКВД не потому, что он ничего об этом не знал, а потому, что понимал, что именно это сделает их послушными исполнителями любых преступных акций. По сравнению с их должностными преступлениями сексуальные не добавляли слишком много к сделанному по отношению к этим палачам историческому приговору. Выбор людей для организации массового террора не мог проводиться по моральным критериям. Такое же объяснение истории сталинских репрессий дают и полной послушности воле Сталина Генерального прокурора СССР в период террора Андрея Вышинского. Вышинский был до 1921 г. членом меньшевистской фракции в РСДРП. Он начал работу как юрист еще в 1913 г. и был прокурором-меньшевиком уже в период Временного правительства Керенского. Имелись сведения о том, что летом 1917 г. он выписывал в Москве ордера на аресты большевиков⁴. После победы большевиков в октябре 1917 г. было достаточно оснований для того, чтобы обвинить Вышинского в контрреволюционной деятельности. Однако Сталин, знавший Вышинского с 1908 г., когда они вместе оказались в бакинской тюрьме⁵, обеспечивал ему алиби. Такое же алиби Сталин обеспечивал и Берии по поводу его службы в контрразведке в независимом Азербайджане в 1918–1920 гг. Была создана легенда о том, что Берия был там в качестве секретного агента от большевиков бакинской организации.

20 мая 1940 г. два десятка боевиков, переодетых в полицейскую форму, пошли на штурм виллы Троцкого в пригороде Мехико. И хотя этот дом больше напоминал крепость, нападавшие смогли проникнуть внутрь. Спальня хозяина была изрешечена в клочья, но Троцкий с супругой скатились с кровати и забились в дальний угол, избежав смерти. Налет наделал много

³ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.; СПб.: Всемир. Слово, 1992.

⁴ Медведев Р. К суду истории. Нью-Йорк; А. Кнопф, 1974. С. 601; *Medvedev Roy. Let History Judge. The Origin and Consequences of Stalinism.* New York: Columbia Univ. Press, 1989. P. 550.

⁵ *Tucker Robert. Stalin in Power.* New York; London; W.W. Norton, 1990. P. 77.

шума. Дело было взято под личный контроль президента Мексики. Выяснилось, что командовал террористами известный художник и убежденный сталинист Давид Альфаро Сикейрос.

На самом деле главным организатором нападения выступал чекист Леонид Эйтингон. В Москве он стоял во главе специального отдела, созданного для устранения Троцкого, и лично курировал акцию Сикейроса. Когда она провалилась, был использован запасной вариант. Уже давно в окружение Троцкого был введен Хайме Рамон Меркадер дель Рио. Первоначально его заданием был лишь план дома, но теперь Меркадеру пришлось сыграть главную роль. 20 августа он явился в кабинет Троцкого с просьбой посмотреть наброски статьи. Когда Лев Давыдович склонился над столом, Меркадер нанес свой исторический удар альпинистским ледорубом. Консилиум лучших врачей и срочная операция не помогли. 21 августа Лев Троцкий скончался.

* * *

В своей партии со Сталиным Троцкий получил смертельный мат. Он был сильной фигурой, но у противника оказалось слишком много пешек, причем одна из них с ледорубом. Сталин победил. Однако времени на торжество у него оставалось немного. Пройдет каких-то тринадцать лет, и сам «отец народов» будет жалким паралитиком лежать в луже собственной мочи, тщетно ожидая помощи от перепуганных и озлобленных соратников.

А. Авторханов в книге «Технология власти», изданной в 1976 г., ссылаясь на слухи и неидентифицированные источники, приводит некоторые детали подобного морального шантажа, которые обеспечивали Сталину «преданность» некоторых высших партийных и государственных чиновников. Согласно этим данным, Андрей Андреев, верный Сталину член Политбюро с 1926 по 1952 г. (в 1926–1932 гг. кандидат в члены ПБ), до 1917 г. был меньшевиком и «оборонцем» (т. е. поддерживал участие России в войне), а после революции был уличен в растрате денег одного из профсоюзов⁶.

Для наиболее близких к Сталину в 1952 г. членов Политбюро, Маленкова, Берия и Хрущева, не могла быть секретом эта технология создания полной лояльности вождю. Они сами были прочно привязаны к нему мафиозным принципом круговой поруки и тайными «досье», которые, в чем они были уверены, имелись в распоряжении Сталина. Берия в период его работы в НКВД Грузии и в НКВД СССР сам участвовал в обеспечении Сталина подобной информацией. Маленков, бывший в 1934–1939 гг. заведующим отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), также по характеру своей работы должен был не только формировать подобные «досье», но и активно использовать их для решения судьбы того или иного ответственного работника. Маленков в этот период не был ни членом, ни кандидатом в члены ЦК ВКП(б), но его роль в репрессиях 30-х гг. была ключевой. Сталин наделил Маленкова в этот период чрезвычайными правами, и он часто вместе с Ежовым составлял планы репрессивных кампаний в республиках и областях СССР. Маленков был как бы представителем партийного аппарата в НКВД. После войны именно Маленков и Берия организовали в 1949–1950 гг. репрессивные кампании в Ленинграде и в Москве, завершившиеся физической ликвидацией члена Политбюро Н. А. Вознесенского, секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова и большого числа ответственных партийных работников Ленинграда. Хрущев также был не пассивным, а активным участником репрессивных кампаний 30-х и 40-х гг. В 1935–1938 гг. он руководил репрессиями в Москве и, как первый секретарь МК и МГК, был членом «московской тройки», утверждавшей смертные приговоры по представлениям НКВД. После назначения на пост первого секретаря ЦК КП(б) Украины в 1938 г. Хрущев руководил репрессивными кампаниями и депортациями из западных областей Украины, присоединенных к СССР в 1939 г. Борьба с украинским национализмом была особенно беспощадной в 1944–1949 гг. Напутствуя его,

⁶ Авторханов А. Технология власти. М.; Франкфурт: Посев, 1976. С. 208.

Сталин предложил: «Подбери себе людей в помощь». В своих воспоминаниях Никита Сергеевич писал, что в Украине к этому времени словно Мамай прошел. Не было ни одного секретаря обкома или председателя облисполкома и даже отсутствовал председатель Совнаркома. Не было заведующих отделами обкомов и горкомов партии. В ЦК Компартии Украины тоже не было ни одного заведующего отделом: все сидели в тюрьме или были расстреляны. Вот такую картину встретил новый руководитель большевиков Украины.

Правда, в своих мемуарах тот самый Хрущев, который потряс весь мир своим докладом о преступлениях Сталина на XX съезде КПСС, умолчал о том, что вскоре после приезда в Киев отправил Сталину телеграмму с просьбой разрешить расстрелять еще 20 тыс. человек.

Приехавшие с новым секретарем ЦК были расставлены на ключевых постах – Бурмистенко стал вторым секретарем ЦК, Коротченко – председателем Совнаркома, Успенский – наркомом внутренних дел, Сердюк – секретарем Киевского обкома. Встал вопрос о кандидатуре на пост первого секретаря Днепропетровского обкома. Этот регион играл важную политическую и экономическую роль. Хрущев попросил Сталина направить туда Семена Задонченко, работавшего в то время и. о. председателя Совнаркома Российской Федерации. «Это человек проверенный, – говорил Сталину Никита Сергеевич, – энергичный, опытный – такой подойдет». Сталин тоже знал Задонченко и выразил свое согласие: «А что? Он будет хорошим секретарем обкома. Давайте его возьмем, он там в Совнаркоме занимается только дублированием постановлений Совнаркома СССР». Так Семен Задонченко оказался в кресле первого секретаря Днепропетровского обкома, затем вошел в состав Политбюро Компартии Украины. Характеризуя его деятельность в своих воспоминаниях, Хрущев писал: «Задонченко работал в Днепропетровске хорошо, справлялся с делом. Он умный человек, отличный организатор, непоседа, не кабинетный по характеру работник».

Однако вскоре произошел такой случай. В Одессе проходила областная партийная конференция. На ней присутствовал председатель Совнаркома республики Демьян Коротченко. Возвратившись в Киев, он рассказал Хрущеву о своих впечатлениях от поездки и поведал о таком эпизоде. В перерыве к нему подошел какой-то делегат конференции и спросил: «Как поживает мой дядя?» Коротченко не понял: «Какой дядя, кто дядя?» Тот отвечает: «Задонченко – мой дядя». Посмотрел Коротченко на этого человека – внешне очень похож на еврея. Задонченко же украинец, какое может быть кровное родство? «Задонченко – мой дядя, – повторил делегат, – передайте ему привет». «Фамилия того человека была Зайончик», – продолжал свой рассказ Хрущеву Демьян Коротченко.

Хрущев в своих воспоминаниях писал: «В то время происходило бурное разыскивание всяких родословных, чтобы не затесались в наши ряды какие-то враги. Я и сказал: “Лучше всего спросим у самого Задонченко”, и попросил Бурмистенко побеседовать с ним. Они старые знакомые. Поговорит и скажет, что мы просим откровенно обо всем рассказать».

Бурмистенко вызвал попавшего под подозрение секретаря обкома. Однако тот настойчиво доказывал, что он именно Задонченко, украинец, никакого племянника Зайончика у него в Одессе нет. Предоставим опять слово Хрущеву: «Тогда мы посчитали своим долгом выяснить, чтобы не оказаться в дураках; мы вовсе не считали, что это какая-то клевета. Ведь Зайончик гордился дядей и передавал ему привет». Для выяснения всех обстоятельств Хрущев привлек НКВД. Впрочем, чекисты еще раньше подключились, ибо обо всех событиях узнавали, как правило, первыми.

НКВД не потребовалось больших усилий, чтобы установить истину и расследовать некоторые факты из биографии первого секретаря Днепропетровского обкома партии. Вскоре нарком внутренних дел Украины Успенский представил Хрущеву детальную справку, в которой сообщалось: Задонченко родился в 1898 г. в местечке Ржищев Киевской губернии в еврейской семье. Отец его был кустарем-жестянщиком, мать работала на табачной фабрике в Кременчуге, куда семья переехала. Отец вскоре умер, через некоторое время мать забо-

лела туберкулезом и тоже умерла. Задонченко – тогда Шимона Зайончика – приютила семья ремесленника, которая и без него бедствовала, жила в крайней нищете. Подросток был предоставлен сам себе, рос на улице, там же и воспитывался. Кормился за счет того, что находились добрые люди, которые жалели бедного сироту. В шестнадцать лет поступил работать на табачную фабрику, где когда-то трудилась его мать. Революция и Гражданская война не прошли мимо Шимона. Как-то через Кременчуг проходил кавалерийский полк Красной армии, и Шимон примкнул к этой части. Он проявил себя смелым бойцом. В полку в основном служили украинцы, и Шимон решил тоже стать украинцем. В 1919 г. он вступил в РКП(б), при этом назвался Семеном Борисовичем Задонченко. Так исчез еврей Шимон Зайончик, а взамен появился украинец, член Коммунистической партии Семен Задонченко.

После Гражданской войны Семен учился, работал, медленно, но верно продвигался по служебной лестнице. Он прошел все стадии партийной карьеры – инструктор, заведомо райкома партии. В 1936 г. стал секретарем Бауманского райкома ВКП(б) Москвы. В столице Задонченко еще в 1931 г. близко познакомился с Хрущевым, когда тот был секретарем Бауманского райкома, Задонченко там заведовал отделом. Никита Сергеевич во многом способствовал его успешной карьере.

Но вернемся опять в 1938 г. Хрущев вызвал к себе первого секретаря Днепропетровского обкома и сообщил ему:

– Товарищ Задонченко! Товарищ Бурмистенко беседовал с вами, вы все отрицали, а теперь мы сами все узнали. Помог НКВД. Зачем вы сами себе вредите? Нет никакой нужды скрывать свое прошлое.

И, по рассказу Хрущева, Задонченко просто стал рыдать. Потом он сказал:

– Да, я не имел мужества рассказать правду сразу же. А теперь не знаю, что со мной будет. Раскаиваюсь, что скрыл эти факты из своей биографии, но никакого злого умысла я, конечно, не имел. Скрыл, потому что уже много лет ношу фамилию Задонченко, и даже моя жена не знает, что я еврей.

Выслушав это объяснение, Хрущев сказал:

– Давно надо было все рассказать, а сейчас сложнее. К этому делу подключился НКВД. Именно отсюда мы получаем документы. Возвращайтесь в Днепропетровск, работайте, никому ничего не говорите, даже своей жене, а я доложу в ЦК.

Хрущев позвонил Маленкову, который ведал в ЦК кадрами и хорошо знал Задонченко, довольно часто общался с ним. Маленков сказал: «Надо доложить товарищу Сталину. Когда появишься в Москве, сам это сделай».

Однако Успенский, нарком внутренних дел Украины, успел уже сообщить Ежову о возникшем деле Задонченко во всех подробностях. Когда Хрущев приехал в Москву, Маленков ему сообщил: «Имей в виду, что Задонченко, по-твоему, еврей, а Ежов говорит, что он поляк». Тогда как раз было время охоты на поляков: в каждом из них видели агента вражеской разведки. По словам Хрущева, он на это ответил: «Ну как же можно так говорить? Я теперь точно знаю, что он еврей. Мы даже знаем синагогу, где совершался еврейский религиозный обряд после его рождения».

Никиту Сергеевича принял Сталин. Вождь уже был осведомлен о возникшем «деле Задонченко». Вот как Хрущев описывает реакцию Сталина: «“Дурак, – сказал Сталин, – надо было самому сообщить: ничего бы не случилось. Вы не сомневаетесь в его честности?” Отвечаю: “Конечно, не сомневаюсь. Он честный коммунист, преданный партии. Теперь пытаются сделать из него польского шпиона”. – “Пошлите их к черту, – сказал Сталин, – защищайте его”. Отвечаю: “Буду защищать с вашей помощью”».

Далее Хрущев сокрушается и пишет в своих мемуарах: «Из-за такой смены фамилии чуть не произошла беда с преданным партийцем. Не знаю, зачем он менял фамилию? Может

быть, красноармейцы подшучивали над ним как еврейским мальчиком, а он хотел избавиться от этих неприятных шуток».

Как это ни странно, но «разоблачение» Задиянченко осталось без последствий. Он тогда был чуть ли не единственным евреем в высшем эшелоне партийного руководства: на постах первых секретарей обкомов к концу 1937 г. практически не осталось евреев: всех уничтожили. Возможно, тогда Сталину, в душе которого всегда сидел антисемит, понравилось, что Шимон Зайончик «выписался» из евреев и «приписался» к украинцам. Задиянченко остался на своем посту. Более того, на XVIII съезде партии был избран членом ЦК. В то время состав Центрального комитета был довольно ограничен, в него не вошли даже некоторые первые секретари ЦК республик.

Так что карьера Семёна Задиянченко успешно продолжалась. Именно он «запустил на партийную орбиту» будущего генсека Леонида Брежнева. Как-то во время посещения Днепродзержинска первый секретарь обкома заметил молодого и энергичного заместителя председателя горсовета. Он тут же предложил Брежневу перейти на работу в обком заведующим одним из отделов. В феврале 1939 г. Брежнев по предложению Задиянченко утверждён секретарём обкома по пропаганде, а затем третьим секретарём.

Когда началась Великая Отечественная война, Задиянченко уходит в армию. Его назначают членом Военного совета Южного фронта. Вместе с ним Брежнев – заместитель начальника политуправления этого фронта. Однако на фронте Задиянченко пробыл недолго. Сталин довольно высоко оценивал его способности организатора производства, умеющего вникать в детали и вместе с тем решать сложные хозяйственные проблемы. С декабря 1941 г. С. Задиянченко – первый секретарь Башкирского обкома партии. На территории этой автономной республики размещаются многие эвакуированные с запада предприятия, в том числе авиационные заводы, предприятия по производству вооружений, строятся нефтеперерабатывающие заводы. В такой сложной обстановке в полной мере проявились организаторские качества Задиянченко. Работая в Башкирии, а с января 1943 г. – первым секретарём Кемеровского обкома, он успешно выполняет многие задания Государственного комитета обороны по расширению производства военной продукции. После войны Задиянченко переводят на работу в Москву инспектором ЦК ВКП(б). У него устанавливаются дружеские отношения со многими высшими партийными функционерами, ему протектирует Маленков, с которым Задиянченко теперь постоянно общается. Неоднократно по конкретным вопросам он докладывает на заседаниях Политбюро и Оргбюро ЦК, а бывало – и лично Сталину.

В 1949 г. в разгар антисемитской кампании, проходившей под флагом «борьбы с космополитизмом», естественно, вспомнили, что в самом ЦК сидит еврей, который пожелал числиться украинцем. Задиянченко удаляют из аппарата ЦК, правда, назначают на довольно высокий пост первого заместителя министра заготовок СССР.

В 1951 г. по ходатайству Маленкова и с санкции Сталина Задиянченко снова возвращают в аппарат Центрального комитета партии: помогают старые связи, высокие деловые качества, а главное – умение приспособиться к жестоким реалиям высшей партноменклатуры. Некоторых «руководящих евреев», поменявших свою национальность в документах, в этот период разгара антисемитизма подвергли жестоким наказаниям. Так, директор Московского завода малолитражных машин А. М. Баранов с позором был снят с работы. Его обвинили в том, что начиная с 1919 г. он скрывал свою национальность и «незаконно» именовал себя вместо Абрама Моисеевича Алексеем Михайловичем.

Задиянченко не трогают: он лично известен вождю, и Сталин его ценит. В аппарате ЦК он «единственный ответственный работник еврейского происхождения, хотя и отрекшийся от этого». И конечно, чувствует себя Задиянченко не очень уютно: антисемитский шабаш набирает все новые обороты. Однако он выдержал, выстоял, дождался лучших, во всяком случае более спокойных, для него времен. После смерти Сталина ситуация в стране стабилизирова-

лась. Правда, антисемиты, которыми буквально кишел ЦК, не уgomонились. Пытаются и без вoждя проводить его «генеральную линию». И Задюонченко часто ощущает это на себе. Однако новый первый секретарь ЦК Хрущев относится к нему благосклонно, и Семен продолжает работать в центральном партийном аппарате.

В феврале 1956 г. секретарем ЦК КПСС становится выдвиженец Задюонченко Леонид Брежнев, который у Хрущева в особом фаворе. На первых порах Брежнев часто приглашает Задюонченко к себе, советуется по многим вопросам. Отличительной особенностью Леонида Ильича было то, что друзей своих он всегда помнил, не оставлял без поддержки. Задюонченко никогда не был его близким другом, но все же Брежнев не забывал, что именно ему он обязан успешным началом своей карьеры. В 1958 г. Семен Борисович отметил свое 60-летие. Его поздравили Хрущев и Брежнев, наградили в связи с юбилеем орденом. Однако вскоре после юбилея Задюонченко покидает ЦК, переходит на работу в Совет Министров РСФСР.

В 1972 г. Семен Борисович скончался. Под опубликованным в газетах некрологом стояли подписи Брежнева и других партийных руководителей⁷.

⁷ *Тельман Иосиф*. Карьера Шимона Зайончика. Еврей, открывший Леонида Брежнева. «Еврейская газета», № 6 (130), июнь, 2013.

Операция «Философским пароход»

По словам главы Управления регистрации Архивного фонда ФСБ России В. Христофорова, в силу ряда обстоятельств этот исторический факт до настоящего времени остается своеобразной *terra incognita* в истории русской культуры XX в. Этим объясняется издание лишь в 2005 г. книги «Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ, 1921–1923», которая сопровождается соответствующими комментариями.

«К интеллигенции я симпатии не питаю»

В 1921–1922 гг. аресты, высылки и расстрелы политических противников большевиков стали обычным делом. К числу своих противников те относили не только меньшевиков, эсеров и т. п., но и многих представителей интеллигенции. Любопытно признание, сделанное Лениным в 1921 г., в беседе с художником Ю. Анненковым, работавшим над портретом вождя: «Вообще к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг “ликвидировать неграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к зарождению новой интеллигенции. Ликвидировать безграмотность следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель – вполне практическая».

В мае 1921 г. в важнейших центральных учреждениях составлялись досье на каждого «антисоветского элемента» и те или иные «контрреволюционные» явления. Были созданы «бюро содействия ГПУ» (БС). Их деятельность проходила в обстановке строгой секретности, и вся информация о ней концентрировалась в спецотделе ГПУ. К августу 1922 г. БС работали в 45 учреждениях, куда были направлены специальные инструкции.

Идею высылки представителей оппозиции за границу выдвинул Ленин, ознакомившись со статьей экономиста Бруцкуса в петроградском журнале «Экономист». В ней автор предрекал крушение социалистической экономики и предлагал меры по ее преобразованию в связи с введением НЭПа. Ленин почему-то увидел в этом дельном предложении угрозу НЭПу и 19 мая 1922 г. в письме Дзержинскому назвал журнал «явным центром белогвардейцев», уточнив: «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих военных шпионов изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу». Помнится, авторы вузовских учебников истории КПСС отмечали, что после Гражданской войны началось масштабное воплощение в жизнь философских идей марксизма-ленинизма, и в качестве примера называли статью Ленина «О значении воинствующего материализма», написанную в марте 1922 г.

Но почему-то обходили молчанием тот факт, что в этой работе, по сути, была сформулирована идея «вежливенько препроводить» за рубеж кое-кого из «духовной элиты».

27 марта 1922 г. в политическом отчете XI съезду РКП(б) Ленин подчеркивал: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением партии преследовалась, достигнута... Теперь цель выдвигается другая – перегруппировка сил». Частью этой перегруппировки и было изгнание из страны представителей интеллигенции, не одобрявших большевистского террора. Разумеется, эти мероприятия Ленин планировал и осуществлял не один: он опирался на партийно-государственный аппарат и своих ближайших сподвижников – Зиновьева, Троцкого, Каменева, Сталина, Калинина. Особая роль отводилась ГПУ – Дзержинскому, Менжинскому, Уншлихту, Дерибасу, Манцеву, Ягоде. Сегодня по-новому воспринимаются указания Ленина о дополнениях к Уголовному кодексу и его записка, адресованная наркому юстиции Д. Курскому: «Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа на (срок или бессрочно)» и «Добавить: расстрел за неразрешенное возмущение из-за границы».

Спустя некоторое время Ленин направляет Железному Феликсу письмо, в котором разъясняет, какую подготовительную работу к изгнанию интеллигенции следует провести карательным органам. Помимо ряда указаний, касавшихся сотрудников ВЧК и отдельных литераторов-коммунистов, в письме содержалось требование поручить систематический сбор сведений о политической платформе и деятельности профессоров и писателей «толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ».

Этим человеком – «продавцом билетов» на «философский пароход» – стал чекист Я. С. Агранов, надзиравший за искусством и назначенный начальником Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции. Как отмечает автор книги «Рассекреченный Ленин» А. Паташев, можно предположить, что именно вышеупомянутое ленинское письмо положило начало сбору на Лубянке досье на каждого свободомыслящего интеллигента, которого следовало рассматривать как «пособника Антанты».

Вожди дали отмашку на шельмование «кандидатов на высылку» большевистскими публицистами и прочими борзописцами, выслуживавшимися перед властью. Высланный петроградский журналист Н. Волковский вспоминал: «Сегодня на безбожном фронте ругали философа Н. О. Лосского, завтра – на хозяйственном – Б. Д. Бруцкуса, послезавтра – на идеолого-публицистическом – А. С. Изгоева или А. Б. Петрищева... Рубилось с плеча, доносилось – от всего продажного сердца». 2 июля 1922 г. «Правда» опубликовала статью Л. Д. Троцкого под программным заголовком «Диктатура, где твой хлыст?». В ней Юлий Айхенваль, автор книги «Поэты и поэтессы», содержащей оценки поэмы Блока «Двенадцать», стихов Анны Ахматовой и расстрелянного Николая Гумилева, назывался «подкольным эстетом». Троцкий призывал «хлыстом диктатуры заставить айхельвальдов убраться... в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежали по праву со всей своей эстетикой и со своей религией». Это предложение вполне отвечало намерениям Ленина.

16 июля 1922 г. Ильич пишет письмо в ЦК с предложением арестовать и выслать без объяснения причин несколько сот представителей интеллигенции. На следующий день в письме Сталину Ленин упоминает А. Потресова, А. Изгоева-Ланде и всех сотрудников журнала «Экономист», В. Розанова («враг хитрый»), Н. Вигдорчика, Л. Радченко с дочерью («понаслышке злейшие враги большевизма»), Н. Рожкова («надо выслать: неисправим»), С. Франка («автор “Методологии меньшевизма”»). «Надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго», – пишет Ленин.

Только в 1922 г. Политбюро около трех раз обсуждало вопрос об отношении к представителям непролетарских партий и колеблющейся интеллигенции и меры по их депортации. В августе были проведены аресты и обыски в Москве, Петрограде, в Казани и на Украине. Темпы высылки тормозились лишь из-за болезни Ленина. 18 августа 1922 г. в секретариат председателя Совнаркома были переданы списки, утвержденные Политбюро. А в конце августа Ленин пишет заместителю начальника ГПУ И. Уншлихту записку с просьбой вернуть ему бумаги с пометками, кто выслан, кто сидит, кто и почему избавлен от высылки. Вождь постоянно следил за ходом подготовки высылки интеллигенции. Статс-секретарь ФСБ России Владимир Шульц утверждает: «Высылка интеллигенции в 1922 г. из Советской России была не акцией Политбюро ЦК и ГПУ, а акцией Политбюро, выполненной силами ГПУ, которое было инструментом в руках партии в борьбе с теми, кого посчитали инакомыслящими».

«Безымянная» элита

Чтобы принизить авторитет высылаемых и умалить значимость совершенной акции, в «Правде» было сообщено о том, что среди высылаемых наиболее активных контрреволюционных элементов – профессуры, врачей, агрономов, литераторов – почти нет крупных научных имен. Это было ложью.

В. Костиков, автор книги «Не будем проклинать изгнание», отмечает характерную деталь в судьбе изгнанников: «В отличие от писателей, известность которых фактически не выходила за круг эмиграции, работы русских философов получили в Западной Европе широкое распространение. Их знали не только в русских кварталах Берлина и Парижа – они сделались величинами мирового масштаба, а русская философская мысль благодаря их трудам стала частью культуры человечества».

Только на пароходе «Oberbürgermeister Haken», отплывшем 29 сентября из Петрограда, среди пассажиров были философы Н. Бердяев, В. Франк, И. Ильин, С. Трубецкой, Б. Вышеславцев, А. Кизеветтер, М. Ильин (Осоргин), А. Угримов, В. Зворыкин. 19 сентября 1922 г. на пароходе из Одессы в Константинополь отправились представители украинской интеллигенции историк А. В. Флоровский и физиолог Б. П. Бабкин. 16 ноября 1922 г. из Петрограда отплыл пароход «Preussen», на котором в изгнание отправились Н. Лосский, Л. Карсавин, И. Лапшин, академик Н. Котляревский, профессора Ф. Левинсон-Лессинг и М. Кирпичев, математик Д. Селиванов. 3 декабря 1922 г. в Берлин прибыли 60 человек, депортированных из Грузии. Высылки проводились также пароходами из Одессы и Севастополя и поездами из Москвы – в Латвию и Германию. М. Г. Главацкий, автор книги «“Философский пароход”: год 1922-й», отвергает утверждение о том, что большинство высланных «на Западе принципиально нового не создали». На примере Н. Бердяева он доказывает обратное. Работы Бердяева были переведены на двадцать языков, а их общий список насчитывал пятьсот названий.

Значительны результаты научной работы почти всех пассажиров «философского парохода». Обруганный Троцким Юлий Айхенвальд, оказавшись в Берлине, читал лекции в Русском научном институте и вскоре был избран профессором этого института. Его приглашали периодические издания в качестве постоянного обозревателя литературного отдела. Узнав о безвременной смерти Юлия Айхенвальда (1928), Бунин в некрологе писал: «Вот и последний... Для кого теперь писать? Младое незнакомое племя... Что мне с ним? Есть какие-то спутники в жизни – он был таким».

Среди высланных в 1922 г. был Борис Осипович Харитон, отец одного из будущих создателей советской атомной и водородной бомбы Юлия Харитона. Сперва он редактировал в Берлине популярный журнал «Спохохи», с 1924 г. был в Риге редактором еврейской русскоязычной газеты «Народная мысль», затем до 1940 г. редактировал крупнейшую в Прибалтике вечернюю газету «Сегодня». Б. О. Харитон был редактором вышедших в Риге собраний сочинений Лермонтова, Толстого, Тургенева, Пушкина. В ноябре 1936 г. русская эмиграция отметила его 60-летие, а в 1940 г. Б. О. Харитон был арестован в Латвии органами НКВД СССР и осужден на семь лет лагерей. Знаменитый советский физик так и не узнал о судьбе своего отца.

Еще в 1921 г. президент Академии наук А. Карпинский предупреждал Ленина о пагубных последствиях для развития науки в России расправ с талантливыми учеными.

Максим Горький писал о последствиях высылки 1922 г.: «Страна, лишившись своей интеллигенции, двигается вспять».

Из книги В.В. Зеньковского «История русской философии» читатель узнает: «Когда власть в 1922 г. изгнала из России виднейших представителей религиозной и философской мысли (С. Булгаков, Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, И. Ильин, С. Франк, Л. Карсавин, Н. Лосский), их философское творчество, затихшее в России, расцвело как раз в эмиграции, дав

целый ряд замечательных трудов... Философы, оставшиеся в России (Лопатин, скончавшийся от голода, Флоренский, сосланный в Сибирь, Шпет, отправленный в ссылку, замолчавший Лосев, судьба которого осталась неизвестной), сошли со сцены...»

Советская власть сочла необходимым подчеркнуть, что высылка интеллигенции является первым предупреждением инакомыслящим: большевики будут ценить лояльных представителей старой интеллигенции, но будут на корню пресекать любую попытку открытой или тайной борьбы с рабоче-крестьянской властью. Параллельно с арестами и высылкой интеллигенции внимание властей было направлено и на студентов вузов: были приняты новые правила приема в высшие учебные заведения, ужесточены требования к социальному происхождению абитуриентов. Аресты не миновали и студенческую среду.

Подготовка к высылке проводилась в условиях строгой секретности. Только в конце августа 1922 г. завеса была приоткрыта. В интервью, данном американской журналистке Луизе Брайант, вдове автора известной книги «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида, Лев Троцкий объяснил: «Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений – а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены – все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага, и мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочли сами в спокойный период выслать их заблаговременно, и я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением». Говоря это, «демон революции» вряд ли мог предвидеть, что в 1929 г. его также вышлют из страны.

Н. О. Лосский, автор «Истории русской философии», вспоминал: «На пароходе с нами находился отряд чекистов. Поэтому все чувствовали себя скованно и не выражали своих чувств и мыслей. Только после Кронштадта, когда пароход остановили и чекисты на лодках покинули корабль, уезжающие почувствовали себя более свободными. Однако угнетение от пятилетней жизни под бесчеловечным режимом большевиков было так велико, что месяца два, живя за границей, мы все еще рассказывали об этом режиме и выражали свои чувства, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то опасались».

Уходящему – Синай, остающимся – Голгофа...

Ленинскую линию в отношении интеллигенции усвоил и по-своему углубил Сталин, физически уничтожая цвет отечественной науки и культуры. Чего стоил один лишь его постулат об обострении классовой борьбы при продвижении к социализму.

Показательно, что В. Христофоров, задаваясь вопросом о том, была бы доля изгнанников лучше, останься они на родине, однозначно отвечает: «Уверен, что нет». Жизненный путь многих оставшихся в СССР ученых, философов, литераторов закончился в тюрьмах и лагерях. А. Флоренский и Г. Шпет были расстреляны в 1937 г., А. Слесарев и Л. Карсавин скончались в лагерях. Н. Кондратьев, один из тех, кто должен был уехать, но остался, был арестован, подвергнут жестоким пыткам и расстрелян 17 сентября 1938 г. Этот скорбный список можно продолжить...

Показательна в этом плане судьба профессора Московского университета и Института народного хозяйства им. К. Маркса Михаила Соломоновича Фельдштейна (1884–1938). Первый раз правовед М. Фельдштейн был арестован в феврале 1920 г. по делу «Всероссийского национального центра». В августе военный трибунал признал его «виновным в сотрудничестве с контрреволюционной организацией в целях свержения советской власти путем вооруженного восстания» и приговорил к расстрелу, замененному позже пожизненным заключением. Вскоре Фельдштейна, однако, освободили. Но 16 августа 1922 г. он был арестован вновь. Его обвинили в том, что он «с Октябрьской революции до настоящего времени не примирился с существующей в России рабоче-крестьянской властью, а, наоборот, занимался антисоветской деятельностью». Постановлением Коллегии ГПУ от 21 августа 1922 г. Фельдштейн был приговорен к высылке за границу, которая, однако, была отменена по его просьбе.

В 1922–1927 гг. М. С. Фельдштейн – сотрудник иностранного отдела ВСНХ, помощник редактора журналов «Советская торговля» и «Вопросы торговли». В третий раз его арестовали 26 ноября 1927 г. по обвинению в связях с сотрудниками иностранных миссий. Постановлением Коллегии ОГПУ от 11 декабря 1927 г. Фельдштейн был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде из Москвы. 22 мая 1932 г. дело в отношении него было прекращено, и он работал научным консультантом. 26 июля 1938 г. Фельдштейн был арестован в четвертый раз по обвинению в том, что «с 1921 г. до дня ареста являлся одним из руководителей подпольной кадетской организации в Москве», а также в том, что «вел на территории СССР разведывательную работу в пользу Германии». 20 февраля 1939 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. В 1957 г. определением Верховного суда СССР дело в отношении М. С. Фельдштейна было прекращено за отсутствием состава преступления, он был реабилитирован посмертно. Но и тогда об этом никто, кроме ближайших родственников, не узнал. Во всяком случае, в изданной в 1997 г. «Российско-еврейской энциклопедии» Фельдштейну посвящены 10 строк, доведенных до 1921 г. Дальше не решились.

Известно, что высланный в 1922 г. видный экономист Б. Д. Бруцкус эмигрировал из Парижа в Палестину, где читал лекции в Иерусалиме. В 1923 г. в Берлине он издал книгу, в предисловии к которой писал: «Строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация; его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего построить нельзя; его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что собственно придется строить, ибо социалистический строй есть мера, в погоне за которой можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти...»

Бруцкус умер в 1938 г., успев написать о том, что оправдались его самые худшие опасения относительно коммунистического государства и созданной им социально-экономической системы.

Философ С. Франк поселился в Берлине, где стал доцентом и до 1932 г. был лектором Религиозно-философской академии, основанной Бердяевым. Приход нацистов к власти в Германии вынудил его с женой и сыном переехать в 1937 г. во Францию. Они пережили оккупацию в небольшом городке на юге этой страны. В ноябре 1945 г. Франк уехал к дочери в Англию, где и скончался в 1950 г.

Тема изгнания интеллигенции из Советской России и поныне продолжает интересовать как российских, так и зарубежных исследователей. В декабре 2002 г. на проходившей в Москве конференции «120 лет еврейской эмиграции» историк Вадим Телицын сделал доклад на тему «Судьбы евреев – пассажиров “философского парохода”». В 2003 г. в Санкт-Петербурге на набережной Лейтенанта Шмидта был установлен памятный знак с надписью: «С этой набережной осенью 1922 г. отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки». В 2007 г. был учрежден Международный кинофестиваль «Русское зарубежье», главным призом которого стало скульптурное изображение «философского парохода» работы Галины Шилиной⁸.

⁸ Семен Киперман. Выбор новой Россией приоритетов своего развития заставляет вспомнить о событиях 90-летней давности. «Еврейская газета», 2012. № 12, декабрь.

Коминтерн и его наследники

Большевики поделили человечество на «своих» и «чужих». «Своими» были фанатики идеи, верные ленинцы, «чужими» – остальные. Но были еще так называемые идиоты. «Полезные» служили режиму, от «беспольных» избавлялись: сажали в ГУЛАГ, высылали из страны. «Более полезные» выбивались в элиту, «менее полезные» выпадали в «осадо́к», становились диссидентами и, в конце концов, разделяли участь «беспольных». Профессоров и писателей, не приносящих выгоды режиму, Ленин объявил пособниками Антанты, шпионами и растлителями молодежи с вытекающими из этого последствиями. Для коммунистов мир делится на два лагеря. «Всё дозволено в отношении к лагерю враждебному», – отмечал другой русский философ Николай Бердяев.

Даже полезному пролетарскому писателю Горькому не простили, что вскоре после революции он понял: «Ленин, Троцкий и другие вожди отравились гнилым ядом власти и будут подавлять свободу слова и личности».

Союз интеллигентов-марксистов с «лицами унылыми и постными от умственного голода» (по Мережковскому) и босяков-безбожников принес с собой тот новый порядок – мертвый позитивизм казенщины, паралич церкви и диктатуру босячества, – который вскоре назвали социалистическим строем, государством рабочих и крестьян.

«Полезные идиоты» из среды дооктябрьской немарксистской интеллигенции, прошедшей школу революционной демократии Чернышевского, который считал икону вредной, а красоту лишней, поверили в созидательный характер большевистского разрушительства. Это они травили Достоевского как реакционера и поднимали на щит реалистов-передвижников. Они составили несколько поколений конформистов.

Ленин по сути дела первым по-настоящему оценил скрытые возможности дезинформации. Держать в неведении значило держать в страхе, а страх помогал удерживать власть. Большевики научились так ловко посылать по всем направлениям розы ветров искаженную информацию о Стране Советов, что она, многократно отражаясь зеркалами «правдивых» средств массовой информации Запада, возвращалась и поражала бумерангом собственных сограждан, заставляя их принимать тоталитарную систему за светлое царство социальной справедливости, окруженное врагами капиталистами.

Советский режим разработал собственную технологию тотальной дезинформации. Она помогала дестабилизировать политические режимы в соседних странах, влиять на происходящие там политические процессы, заставлять Запад идти на уступки.

Преимущественное внимание уделялось Германии, особенно ее социал-демократическому движению. Оно постоянно находилось в поле зрения советских спецслужб. Ленин воевал с ренегатами по отдельности, обращая мощный пыл полемики то на Шейдемана, то на Каутского. Сталин решил разделаться с ними скопом, пустив в обращение термин «социал-предатели» и поставив тавро «социал-фашистов» на всей СДПГ, причем совершил эту историческую расправу руками немецких коммунистов, чем облегчил нацистам легальный захват власти. Новую линию партии вождь определил в сентябре 1924 г.:

«Фашизм – это боевая организация буржуазии, которая опирается на поддержку социал-демократии. Фашизм и социал-демократия не исключают друг друга; это не антиподы, а близнецы-братья».

Поскольку дискредитация СДПГ исторически не удалась, восточные спецслужбы попытались использовать в своих целях массовость социал-демократического движения на Западе. Они не отказались и от подрывных действий, поддерживая коммунистические и другие экстремистские группировки в целях дестабилизации этого движения слева и справа. В соответствии с требованиями момента делался акцент то на буржуазном характере социал-демократизма,

то на совпадении его политики с интересами коммунистических и рабочих партий. Вокруг лидеров СДПГ плелись интриги, чтобы скомпрометировать их либо... помочь им победить на выборах.

Особое место в расколе единства в рядах рабочего движения принадлежит Коминтерну и руководству Советской России, а также в организации социалистической революции в Германии, которая стала одной из главных причин прихода к власти Адольфа Гитлера.

Современному читателю, если он не интересовался вопросами международного коммунистического движения, название Коминтерн мало что говорит. Поэтому вначале следует дать некоторые объяснения.

Коминтерн – так сокращенно назывался Международный союз коммунистических партий разных стран. Коммунистический интернационал был основан левыми партиями по инициативе В. Ленина в 1919 г. Для развития и распространения идей пролетарской революции. В разгар Второй мировой войны, в 1943 г., он был распущен.

Руководящим органом Коминтерна был периодически созываемый конгресс. Всего за время существования Коминтерна состоялось семь конгрессов. В период между конгрессами руководство Коминтерном осуществлял Исполнительный комитет (ИККИ). В разное время ИККИ возглавляли: Г. Зиновьев (1919–1926), Н. Бухарин (1926–1928), Г. Дмитров (1934–1943). Фактическое руководство Коминтерном осуществляли сначала В. Ленин, а затем И. Сталин.

Организационная структура Коминтерна полностью повторяла организационную структуру Российской коммунистической партии (большевиков) РКП(б).

Свою деятельность Коминтерн осуществлял через входящие в него коммунистические партии, а также через свои международные организации: Международную организацию помощи революционерам (МОПР), Интернационал красных профсоюзов (Профинтерн), Коммунистический интернационал молодежи (КИМ) и ряд других.

С помощью этих организаций ИККИ осуществлял подготовку вооруженных выступлений пролетариата в различных странах, а также разведывательную деятельность в пользу СССР.

Важнейшей стороной деятельности Коминтерна являлась борьба с социал-демократическими партиями и движениями, которые, в свою очередь, создали в мае 1923 г. Единый рабочий социалистический интернационал (Социнтерн). В оценке кризиса капитализма социал-демократы тех лет мало чем отличались от коммунистов, но были противниками революций и отвергали диктатуру пролетариата.

В 1924 г. сначала Г. Зиновьев, а потом И. Сталин охарактеризовали социал-демократию как «крыло фашизма». Среди коммунистов, с легкой руки Зиновьева, получил распространение термин «социал-фашизм». Сталин неоднократно подчеркивал, что нужна «не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней».

С начала развития левой социал-демократии (большевизма) лидеры этого движения делали упор на пролетарскую революцию в Германии. Большевики-ленинцы считали, что революция в Россию придет через революции в наиболее промышленно развитых странах, на первое место среди них они ставили Германию. В конце XIX – начале XX в. это была страна с наиболее организованным рабочим классом, с самой многочисленной и авторитетной социал-демократической партией. В своих работах, написанных в начале Первой мировой войны, В. Ленин призывал к поражению России в войне и созданию условий для революции сначала в Германии, а затем в России.

Февральская революция в России и предложение, сделанное Ленину напрямую от имени германского правительства, об организации свержения в России существующего строя изменили взгляды Ленина, большевики перешли к подготовке и осуществлению пролетарской революции в России.

После Октябрьского переворота большевистские лидеры не оставили планы организации пролетарской революции в Германии и других странах Европы. В апреле 1918 г. В. Ленин писал:

«Победоносная пролетарская революция в Германии сразу с громадной легкостью разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали...), осуществила бы победу мирового социализма, наверняка без трудностей или с легкими трудностями...»

Для реализации этих планов значительная часть средств, полученных от германского правительства на осуществление революции в России, была направлена на подготовку революции в Германии.

Выступление моряков в Киле и все последующие события, произошедшие в Германии, являются прямым следствием действий правительства Советской России. Поражение левых экстремистских сил и создание демократического правительства Германии не убедило большевиков в необходимости пересмотра своих позиций по экспорту революции.

По решению ИККИ ЦК компартии Германии принял решение начать немедленную подготовку антиправительственной акции, способной «заставить массы прийти в движение». Воспользовавшись приказом обер-президента Саксонии Отто Герзинга о введении полиции на предприятия округа Галле-Мерзебург, а также объявлением осадного положения в Гамбурге, коммунисты попытались развернуть широкомасштабные действия, призвав 24 марта 1921 г. к общегерманской забастовке. Однако широкой поддержки немецкого народа это движение не получило и к 1 апреля полностью заглохло.

Германия, униженная и ограбленная в результате поражения в Первой мировой войне, стала естественным союзником Советской России, существование которой не признавали большинство государств мира.

16 апреля 1922 г. в итальянском городе Рапалло СССР и Германия подписали договор об установлении дипломатических отношений. Секретная часть договора предусматривала использование советской территории для модернизации германской армии. Германское военное командование получило возможность осуществлять на территории и на предприятиях СССР то, что было запрещено Германии Версальским договором: например, выпускать оружие (часть его поставлялось Красной армии), готовить летчиков и танкистов и т. д.

Казалось, в этой ситуации следовало бы прекратить подрывную деятельность против дружественной страны, но в Советском Союзе сотрудничество и подрывная деятельность удивительным образом всегда совмещались. Организация революционных выступлений в Германии и других странах Европы была поручена Коминтерну, который формально являлся неправительственной организацией, а значит, советскому правительству подчинен не был.

После перехода большевиков к новой экономической политике началась корректировка взглядов руководства Коминтерна на ситуацию в мире. Осознание необходимости уступок рыночным отношениям в России во многом явилось констатацией слабости революционной волны на Западе:

«В международном положении нашей республики, — отмечал Ленин, — политически приходится считаться с тем фактом, что теперь бесспорно наступило известное равновесие сил, которые веля между собой открытую борьбу с оружием в руках за господство того или другого руководящего класса, — равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и советской Россией — с другой...»

Ленин был вынужден признать, что: «Развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали...»

Обострение внутривнутриполитической ситуации в Германии летом 1923 г. воскресило в Москве надежду на близкую победу мировой революции. Для нелегальной деятельности в Гер-

манию выехала большая группа партийных и военных работников, в том числе выпускники Военной академии РККА. Они закладывали базы с оружием, готовили боевые отряды, обучали военному делу активистов местных организаций германской компартии. В октябре в Германию для координации революционной работы прибыли Карл Радек, Георгий Пятаков и Василий Шмидт. Назначили даже ориентировочную дату восстания – 9 ноября 1923 г.

Однако бурная подготовка германского «Великого Октября» обернулась мыльным пузырем, лопнувшим без особых брызг. Руководство КППГ во главе с Генрихом Брандлером, опасаясь изоляции, в последний момент не решилось подтвердить сигнал к выступлению. Только коммунисты Гамбурга, не зная об отмене приказа, 23 октября совершили попытку овладеть городом. Выступление было подавлено войсками.

8 ноября 1923 г. в Мюнхене начался путч (подавленный, впрочем, уже на следующий день), который инициировала организация правого толка. Она называлась Немецкая национал-социалистическая рабочая партия (NSDAP), и ее возглавлял мало кому известный человек, носивший псевдоним Гитлер.

В результате событий 1923 г. деятельность компартии была запрещена на всей территории Германии. В создавшейся ситуации Коминтерн был вынужден перейти к новой тактике революционной борьбы.

Начавшийся в Германии процесс стабилизации, а затем и бурного роста экономики также требовал изменения подхода в отношениях с Германией.

Раскол рабочего движения и приход к власти нацистов

В 1925 г. компартия Германии вновь перешла на легальное положение, и Коминтерн поставил перед ней новые задачи. 8 марта 1926 г., выступая на пленуме ИККИ, И. Сталин сказал:

– В чем состоит задача компартии Германии? В том, чтобы проложить дорогу к социал-демократически настроенным рабочим массам, заблудившимся в дебрях социал-демократической неразберихи, и завоевать таким образом большинство рабочего класса на сторону компартии... Тут возможны два метода подхода к рабочим массам. Один метод специфически-интеллигентский, метод подхлестывания рабочих, метод «завоевания» рабочих, так сказать, с хлыстом в руках. Нечего и доказывать, что этот метод не имеет ничего общего с методом коммунизма, ибо он не привлекает, а лишь отталкивает рабочих. Другой метод состоит в том, чтобы найти общий язык с заблудившимися братьями, оказавшимися в лагере социал-демократов... облегчить им переход на сторону коммунизма. Этот метод является единственно коммунистическим методом работы.

Так Сталин сформулировал задачи, стоящие, по его мнению, перед немецкими коммунистами. Немецким коммунистам эту программу оставалось только выполнять.

Межпартийная борьба, в которую, с одной стороны, включилась КППГ, а с другой – НСДРП, в условиях начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса привела к усилению как крайне правых, так и крайне левых. Компартия Германии на средства, полученные от Коминтерна, открывала по всей стране рабочие дома, молодежные спортивные клубы и кино-театры, где демонстрировались советские фильмы, что привлекло довольно большую часть рабочих. В то же время сообщения в газетах о практике коммунистических преобразований в СССР, о раскулачивании и насильственной коллективизации внушали немцам ужас.

Угроза захвата власти коммунистами заставила огромное большинство немцев отдать предпочтение альтернативе – нацизму.

Вместо объединения антифашистских сил руководство КППГ, выполняя прямые указания Коминтерна, основную свою работу направляло против социал-демократии. Секретариат ЦК КППГ в циркулярном письме от 18 сентября 1930 г. утверждал:

– СДПГ по-прежнему является главным врагом рабочего класса; ее влияние должно быть сломлено, чтобы добиться успеха в борьбе против капитализма и фашизма.

В результате этой политики на выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г. КППГ получила 5,3 миллиона голосов, СДПГ – почти 8 миллионов, а НСДПР – 13,7. Двести тридцать депутатов-нацистов составили в рейхстаге самую крупную фракцию за все время существования Веймарской республики.

Один из основателей Коминтерна Лев Троцкий писал:

«В Германии компартия под руководством Коминтерна преследовала ультралевую линию, осуждая социал-демократов как “социал-фашистов” и раскалывая рабочий класс. Таким путем дорога Гитлера к власти была открыта. Эта ультралевая, международная линия была навязана сверху на все партии Коминтерна».

После прихода к власти национал-социалистов изменилось отношение Коминтерна к Германии. Начали использовать иные методы работы.

Такая политика левых партий привела к тому, что сторонник твердой руки Пауль фон Гинденбург 30 января 1933 г. назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером Германии.

С этого момента Германия вступила в самый страшный и самый позорный период своей истории.

Можно много говорить о причинах, которые привели к власти Гитлера.

Исторические корни третьего рейха

На протяжении многих десятилетий человечество задает себе вопрос: как случилось так, что в стране, давшей миру великих философов, гениальных ученых и талантливых инженеров, к власти пришли преступники, перед которыми все злодеи прошлых веков кажутся невинными младенцами? Причем они стали во главе государства законным путем, победив на демократических парламентских выборах. И что это за демократия, которая позволяет уже в наше время террористической организации ХАМАС получить большинство голосов в парламенте Палестины? Попытаемся дать ответы на поставленные вопросы.

Немного о демократии вообще

Многим нашим современникам, прожившим большую часть жизни в условиях советского тоталитарного режима, казалось, что с его крушением наступит эра демократии и, как следствие этого, экономическое процветание страны. Увы, путь к подлинной демократии оказался сложен и противоречив. Страна, казалось, шла к построению демократического общества, но одновременно погружалась в пучину хаоса, происходило обнищание большей части населения. Может быть, именно поэтому авторитаризм Путина и определенный подъем жизненного уровня населения поддерживаются большинством россиян. Жить в условиях демократии оказалось гораздо сложнее, чем в обществе, где всё подчинялось указаниям сверху.

Основой современной демократии являются всеобщие тайные и равные выборы, а также верховенство демократических законов, защищающих права и свободы граждан. Посредством выборов граждане осуществляют добровольную передачу части своих прав и свобод избранным ими представителям с целью защиты своих интересов. Но общество должно уметь пользоваться этим правом, а это, как свидетельствует история, дело непростое.

Как не может ребенок сразу же после детского сада поступить в университет, так и общество не может лечь спать при тоталитарном режиме, а проснуться в стране, где верховенствует, например, «Билль о правах» или «Декларация прав человека». Именно поэтому в результате демократических выборов в Боливии и Венесуэле к власти пришли крайне левые, а в Иране и Палестине – откровенные террористы.

Да и в странах с развитой демократией возможны всплески крайних проявлений. Вспомним события недавних лет: последние президентские выборы во Франции или парламентские выборы в Германии.

Невольно вспоминается известное изречение У. Черчилля: «Демократия – самый лучший способ правления, не считая всех остальных». В этом изречении опущено важнейшее определение слова «демократия» – зрелая. Незрелая демократия в Германии и привела ее к нацизму.

Исторические корни

В нацистской Германии была популярна открытка, на которой были изображены Фридрих Великий, Бисмарк, Гиденбург и Гитлер. Надпись на открытке гласила: «Всё, что завоевал король, укрепил князь, защитил фельдмаршал, спас и объединил солдат».

Таким образом, немцам внушалась мысль о том, что Гитлер-солдат был не только создателем Третьего рейха, спасшим и объединившим Германию, но преемником и продолжателем великих немцев, которые возвеличили германскую нацию.

Первый рейх – Священная Римская империя германской нации – просуществовал со времени коронации в Риме Оттона Великого, второго правителя из Саксонской династии, до заключения Тильзитского мира между Россией и Францией, т. е. с 962 по 1806 г.

Второй рейх был основан князем Отто фон Бисмарком в 1871 г. и просуществовал до 1918 г., до конца правления Гогенцоллернов и образования Веймарской республики.

Нацистская пропаганда постоянно утверждала, что оба рейха прославили Германию, а Веймарская республика растоптала ее доброе имя в грязи. Гитлер обещал, что Третий рейх восстановит былую славу нации.

Словосочетание «Третий рейх» предложено не Гитлером, он лишь использовал название книги «Третий рейх», выпущенной немецким писателем-националистом Артуром Мёллером Ван ден Бруком в 1923 г. Слова «Третий рейх» привлекали его некой мистической связью со Средневековьем, во времена которого «третье царство» считалось тысячелетним.

Таким образом, нацистская Германия представлялась как логически predetermined этап истории развития страны, как наследница ее великих традиций.

Разделенная еще в начале предыдущего тысячелетия на конгломерат отдельных государств, Германия оставалась таковой и тогда, когда Англия и Франция завершали процесс объединения наций. Национальная раздробленность в значительной степени сказалась на ходе развития Германии в период с конца Средних веков до середины XIX столетия, что отличало ее от других ведущих стран Западной Европы.

Отсутствие политического и династического единства в XVI–XVII вв. усугубилось ожесточенными религиозными распрями – следствием Реформации.

Тридцатилетняя война (1618–1648) была последней крупной религиозной войной в Европе. От этой войны особенно пострадала Германия, ее города и села были разрушены и разграблены, ветер носил над страной пепел пожарищ, хоронить убитых было некому. По подсчетам историков, в ходе этой варварской войны погибла треть германской нации.

Вестфальский мир, завершивший Тридцатилетнюю войну, явился таким же губительным для будущего Германии, как и сама война. Германские князья были признаны абсолютными правителями своих лоскутных владений, число которых достигло примерно 350, а император оставался лишь формальным главой государства.

Стремление к проведению объединительных реформ и жажда просвещения, охватившие Германию в конце XV – начале XVI в., были задушены. Алчные правители отрицательно относились к проявлениям германского патриотизма своих подданных, а потому и всячески их подавляли. Как заметил известный историк, Первый рейх... «искусственно стабилизировался на средневековом уровне беспорядков и слабости».

Всё это привело к тому, что идеи демократии и парламентаризма, получившие столь широкое развитие в Англии в XVII–XVIII вв. и всколыхнувшие Францию в 1789 г., не затронули Германию. Раздробленность Германии на множество мелких государств и изолированность немцев от бурных течений европейской мысли привели к отставанию Германии от других стран Запада, к политической незрелости значительной части населения страны.

Нужна была сила, которая вывела бы Германию из создавшегося тупика. И такая сила нашлась к востоку от Эльбы. Там простиралась Пруссия.

На протяжении столетий это германское государство находилось в стороне от основного направления развития истории и культуры Германии. Пруссия возникла как окраинное пограничное государство Бранденбург на песчаных землях к востоку от Эльбы. С этих земель начиная с XI в. рыцари Тевтонского ордена силой оружия постепенно вытесняли славян.

Согласно императорскому указу, в Германской империи князьям не разрешалось присваивать себе королевские титулы, но в 1701 г. император согласился на избрание в Кенигсберге Фридриха I прусским королем.

Наиболее известен Фридрих II Великий (1712–1786), с 1740 г. прусский король из династии Гогенцоллернов. Он был крупным полководцем, и в результате его завоеваний территория Пруссии почти удвоилась.

При Фридрихе II Пруссия превратилась в одно из ведущих государств Европы. Гогенцоллернам удалось создать военное государство, чья хорошо обученная армия одерживала одну победу за другой и чья макиавеллевская дипломатия, ориентированная на создание временных союзов с любым более сильным в данный момент партнером, способствовала неуклонному расширению территории.

Абсолютная власть правителя, сильный бюрократический аппарат и армия, построенная на жесткой дисциплине, сплотили Прусское государство. Две трети, а в некоторые годы и пять шестых государственного бюджета тратились на военные нужды, а армия стала государством в государстве.

– Пруссия, – заметил Мирабо, – это не государство с армией, а армия с государством.

Государство, которое управляло страной с фабричной деловитостью и безжалостностью, стало всем. Люди были в нем не более чем винтиками налаженного механизма. Не только короли и унтер-офицеры, муштровавшие солдат, но и философы утверждали, что смысл жизни состоит в послушании, работе, самопожертвовании и долге.

Даже великий Кант учил, что долг предполагает подавление человеческих чувств, а прусский поэт Виллибальд Алексис в эту эпоху прославлял порабощение народа.

Готтольд Лессинг, который не разделял таких взглядов, писал: «Пруссия – самая рабская страна Европы».

Именно в Пруссии появился государственный деятель, поставивший перед собой цель любыми средствами объединить Германию, естественно во главе с Пруссией. Звали этого человека Отто фон Бисмарк.

Во второй половине XIX в. Пруссия взяла судьбу Германии в свои железные руки. «Великие проблемы, стоящие перед нами сегодня, – заявил Бисмарк, став в 1862 г. премьер-министром Пруссии, – нельзя решать принятием резолюций большинством, в чем состояла ошибка тех, кто находился у власти в 1848–1849 гг., а лишь “железом и кровью”».

Канцлер имел в виду попытки либералов создать в 1848–1849 гг. во Франкфурте некое подобие демократической объединенной Германии.

Именно таким образом Бисмарк и пытался решать важнейшие национальные проблемы. Целью Бисмарка было сокрушить либералов, поддержать власть консерваторов, иными словами, юнкерства, армии и государства, превратить Пруссию, в противовес Австрии, в государство, играющее доминирующую роль не только в Германии, но и по возможности во всей Европе.

Этому талантливому политику, апостолу «железа и крови», удалось в период с 1866 по 1871 г. покончить с раздробленностью Германии, существовавшей почти тысячу лет, заменить ее Великой Пруссией или, если можно так выразиться, прусской Германией.

Несмотря на демократический фасад, появившийся благодаря наличию рейхстага, члены которого избирались лицами мужского пола путем всеобщих выборов, Германская империя представляла собой милитаристскую автократию во главе с королем Пруссии, одновременно являвшимся германским императором.

Рейхстаг, обладавший весьма скромными полномочиями, мало чем отличался от дискуссионного клуба, в котором депутаты излагали свои проблемы и вымаливали подачки для тех слоев населения, интересы которых они представляли.

В 1910 г. Вильгельм II провозгласил, что королевская корона «...дарована ему милостью Божией, а не разными парламентами, национальными собраниями и решениями народа, Рассматривая себя проводником воли Всевышнего, – добавил он, – я буду поступать по своему усмотрению».

Назначенный кайзером канцлер подчинялся ему, а не рейхстагу; национальное собрание не могло отправить канцлера в отставку, этой прерогативой обладал лишь монарх.

Таким образом, в Германии, в отличие от других западных стран, идеи демократии, верховенства избранного избирателями парламента не нашли своего развития даже с наступлением XX в.

Большим влиянием во Втором рейхе пользовалась армия – рейхсвер. Огромные средства государственного бюджета предназначались вооруженным силам. Построенная по прусскому образцу, руководимая прусским Генеральным штабом, армия вмешивалась во все сферы государственной жизни. Следствием созданной Генеральным штабом доктрины тотальной войны стало и финансирование революции в России. В конечном счете эта доктрина явилась причиной поражения Германии в Первой мировой войне. Даже в Веймарской республике офицеры и генералы рейхсвера провозглашались героями войны, защитниками отечества. Первым в списке героев был главнокомандующий немецкими войсками в конце войны генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, будущий президент Веймарской республики.

В «Майн Кампф» Гитлер довольно подробно останавливается на причинах падения Второго рейха:

«...терпимость по отношению к евреям и марксистам, грубый материализм и эгоизм буржуазии,

...бесчестное влияние низкопоклонников и льстецов, окружавших престол Гогенцоллернов,

...безрассудная союзническая политика Германии, которая связала ее с деградирующими Габсбургами и ненадежными итальянцами вместо Англии, а также отсутствие основополагающей социальной и расовой политики».

Гитлер обещал, что эти причины будут устранены национал-социалистами, в случае их прихода к власти.

Одаренным и трудолюбивым людям, составляющим основу немецкого народа, пропагандисты национал-социализма сумели привить жажду владычества, страсть к безудержному милитаризму, презрение к демократии и свободе личности, стремление к автократии и деспотизму. Немцы превратились в послушный придаток государственной машины.

Германия 1932 года

В стране не было зрелой демократии. Конституция, принятая после образования Веймарской республики, не предусматривала системы сдержек, необходимых в демократическом государстве. Кроме того, президент страны был наделен слишком большой властью, в том числе правом назначать главу правительства – рейхсканцлера независимо от позиции парламентского большинства.

Наличие сильного левого центра (социал-демократическая партия) и полное отсутствие правого центра должно было привести к образованию «третьей силы» – сильной крайне правой партии. Появление такой харизматической личности, как Адольф Гитлер, существенно ускорило этот процесс.

Непонятное для многих немцев поражение Германии в Первой мировой войне дало повод националистической пропаганде говорить о предательстве национальных интересов. И действительно, в конце войны положение на фронтах было следующим: германские войска находились на территориях противника, а вот войска Антанты не сумели захватить ни одного метра немецкой территории. Позорный Версальский мир, условия которого унижали германскую нацию, дали националистам дополнительные аргументы для обвинения социал-демократов в предательстве интересов Германии.

Всемирный экономический кризис 1929 г., который привел к массовому разорению крестьян и мелких предпринимателей, когда безработица достигла 45 %, дал возможность нацистской пропаганде говорить о неспособности демократических институтов управлять экономикой.

Необходимо учесть, что в руководстве социал-демократов в то время было немало евреев, а, кроме того, евреи, значительная часть которых была банкирами, предпринимателями, врачами и юристами, в меньшей степени пострадали от последствий кризиса. Это позволило нацистской пропаганде вновь провозгласить тезис о «всемирном еврейском заговоре» с целью уничтожения немецкого народа.

Нельзя игнорировать и тот факт, что коммунисты оттянули на себя значительную часть левого электората. Всё это помогло национал-социалистам стать к концу 1932 г. крупнейшей парламентской партией.

Итак, Второй рейх был построен на военных захватах Пруссии, Веймарская республика возникла в результате поражения в войне и кабальных условий, навязанных победителями, а Третий рейх был создан в мирное время и мирными средствами. Никто извне не навязывал немецкому народу нацистскую тиранию. Многие из немецких граждан, а вероятно большинство, даже не поняли, что произошло в полдень 30 января 1933 г., когда президент Гинденбург, действуя в рамках Конституции, вверил пост канцлера Адольфу Гитлеру.

Тайны «ядовитой» лаборатории

Писать о мерзавцах мне тягостно. Тем более если они – мои соплеменники. Но что поделаешь: из Истории ничего нельзя изъять. Так было! Для того она и существует, чтобы донести до нас опыт многих поколений, в том числе и нравственный. А потому придержим на время эмоции и обратимся к фактам.

Применение такого орудия политической борьбы, как отравление противников «потихому», восходит к глубокой древности. Большевики, явно не склонные к высокой морали, придя к власти, тоже взяли метод тайных убийств на вооружение. Вот что рассказывает заслуженный юрист России писатель Андрей Сухомлинов, кропотливо собиравший сведения по этой теме...

Первая тайная токсикологическая лаборатория в Советской России была создана еще в 1921-м. Называлась она «Кабинет». О ее существовании был прекрасно осведомлен Ленин, попросивший яда, чтобы покончить с мучениями в ходе своей тяжелой болезни.

Спустя несколько лет под руководством профессора Явича заработала аналогичная лаборатория при Химических курсах комсостава. Ее сотрудниками были врачи Власов, Соколов, Александрова. Там проводили опыты с боевыми отравляющими веществами (БОВ). Когда понадобились подопытные, в печати была развернута настоящая рекламная кампания: дескать, небольшие дозы БОВ помогают в лечении таких-то болезней. А значит, граждане, смелее соглашайтесь на новые методы лечения! Граждане, конечно, соглашались. Но, как говорится, лиха беда начало. Темы научных работ уже обозначали не способы лечения, а совсем другое: «Изучение токсичности отравляющих веществ при введении их в пищу», «Систематическое исследование порога действия на кожу человека люизита, иприта, дика»... В рабочих журналах тщательно фиксировали данные опытов, число подопытных: «Людей с темной кожей – 9, с болезнями кожи – 8, венеритиков – 20, причем два из них с мягким шанкром... Препарат во всех опытах наносился на внутреннюю поверхность правого предплечья, в верхней ее трети и по средней линии...» Фамилии при этом не указывались: «объект № 14», «объект № 23»...

Начальник Химического управления Наркомата обороны Яков Фишман получал рапорты об опытах с ядами. В одном из них (в 1930 г.) сообщалось об испытании нового токсичного препарата под кодовым названием «вещество № 409»: «Испытывалось на людях по принятой... методике. Объектами являлись красноармейцы Московского гарнизона».

Чины, дававшие санкции на эти опыты, угрызениями совести не терзались. Что для них ценность человеческой жизни? Буржуазная сентиментальность. А превратить людей в «объекты», как говорится, дело техники...

Рассказанное А. Сухомлиновым не было чем-то исключительным в том расчеловечивании, что начали большевики во главе с Лениным, отменив многовековую библейскую мораль в угоду «классовой целесообразности». Но, как известно, в этом мире все относительно. Среди научных учреждений, так или иначе связанных с разработками разнообразных ядов, наиболее зловещую репутацию получила лаборатория, в которой ведущим специалистом четырнадцать лет был Григорий Моисеевич Майрановский.

Он родился в 1889 г. в многодетной семье в Батуми, где его родители держали столовую. Окончил гимназию и осенью 1917-го поступил в Тифлисский мединститут. Но закончить его не успел: закрутили революционные вихри. Вступил в «Бунд» (Всеобщий еврейский рабочий союз), перебрался в Баку, где его брат Абрам был одним из лидеров местных «бундовцев». Там же некоторое время учился в университете. Видя, что большевики терпеть «Бунд» не намерены, быстро сориентировался и в апреле 1920 г. вступил в РКП(б). Выходец из мелкобуржуазной семьи, честолюбивый молодой человек из всех сил старался показать преданность новой власти. Усердие было замечено: карьера Майрановского пошла вверх. В 1920–1922 гг. он слу-

жил инспектором, затем начальником отдела кустовой промышленности Совнархоза Азербайджанской ССР. В 1922-м переехал в Москву, где завершил медицинское образование.

Послужной список Григория Моисеевича длинен и успешен. С января 1935-го он возглавляет токсикологическую лабораторию Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). В августе 1937-го его вместе с руководимой им исследовательской группой переводят в Наркомат внутренних дел. Работа та же: с ядами. Только не для лечения – для умерщвления тех, кого руководство страны решило тайно ликвидировать. Требования к продукции высокие: яд должен действовать быстро и надежно, не оставляя следов, которые можно было бы обнаружить при вскрытии. Человек скончался от острой сердечной недостаточности. А вот определить, почему она внезапно наступила, даже опытному патологоанатому должно быть не под силу.

Токсикологическая лаборатория в НКВД была строго засекречена, как и должность Майрановского. Начальник группы 7-го отделения 2-го спецотдела наркомата. А затем начальник группы 1-го отделения 4-го спецотдела. Поди догадайся, что это за должность и в каком именно подразделении всесильного ведомства. А в узком кругу работников наркомата в этой сверхтайной структуре тоже менялись индексы: «лаборатория-1», «лаборатория-12», «лаборатория-Х» и просто «Камера». Не менялась только суть: яды, яды, яды... Здесь же испытывались и способы их использования – традиционный шприц, отравленные пули или, например, укол острием зонтика, авторучкой или иным внешне безобидным предметом. Работали в лаборатории высококвалифицированные специалисты: Филимонов, Аничков, Емельянов, Муромцев (впоследствии профессор и академик). Подопытными служили приговоренные к расстрелу. Кто были эти люди? Отъявленные уголовники или безвинные жертвы, попавшие в сталинскую мясорубку и объявленные врагами народа? До сих пор их имена хранятся в тайне. Нынешняя ФСБ России открывать свои архивы даже 75-летней давности не торопится.

«Засветилась» «Камера» в августе 1953-го, когда Л. П. Берия и его подручные были арестованы и стали давать показания. Тогда и всплыли некоторые подробности этой дьявольской работы как доказательства «злодеяний английского шпиона и злейшего врага Советского государства Берии».

Отбирали на муки «для научных исследований» молодых и пожилых, полных и поджарых, мужчин и женщин. Разрешение на выдачу из тюрьмы тех или иных «объектов» давали заместители наркома, чаще В. Н. Меркулов и Б. З. Кобулов. Яды вводили с пищей или напитками, при помощи уколов шприцем, тростью и другими колющими предметами. Использовались и портативные бесшумные пистолеты, стрелявшие миниатюрными пулями, в которых были капсулы с различными ядами. Нередко из таких пистолетов стрелял и Майрановский. Обычно делал по три выстрела, беря за точку прицеливания ту часть тела, попадание в которую обычной пули не приводит к смертельному исходу. Сделает выстрел и наблюдает, как срабатывает яд. Если жертва корчится в муках – заряжает пистолет новым патроном, где пуля уже с другим ядом. И так до трех раз. Тех, кто после опытов выживал, «списывали», т. е. просто добивали выстрелом в затылок. А потом имена умерщвленных ядами, как и всех подвергнутых экспериментам, вносили в список со стандартной формулировкой: «Приговор приведен в исполнение».

Сколько несчастных прошло через «Камеру»? Майрановский потом признает: около 100 человек. Но его высокопоставленный шеф – начальник 4-го Управления НКВД П. А. Судоплатов – на допросе 1 сентября 1953 г. покажет не менее 150. По другим данным – свыше 200.

Однажды после введения яда один из подопытных стал что-то говорить, перемешивая бессвязную речь с фрагментами личных воспоминаний. Майрановского осенило: а что, если создать такой препарат, после введения которого «объект» «раскалывается» и дает ценные признания? Идея начальству понравилась. И снова опыты, опыты...

Словом, энтузиастом был. Вдохновенно работал. Естественно, начальство его ценило. Еще до войны, в июле 1940-го, он защитил в Институте экспериментальной медицины докторскую диссертацию на тему «Биологическая активность продуктов взаимодействия иприта с тканями кожи при поверхностных аппликациях». Высшая академическая комиссия при Комитете высшей школы защиту не утвердила, указав, что диссертация нуждается в доработке. Но в феврале 1943-го Майрановский по представлению первого замнаркома НКВД СССР Меркулова без «лишних формальностей» стал доктором медицинских наук, профессором, заодно получив звание полковника медслужбы. Поскольку яды, разработанные в «Камере», в годы войны использовались диверсионными группами и специальной агентурой в немецком тылу, на Майрановского посыпались и боевые награды. После ордена «Знак Почета», врученного ему «за выполнение заданий в тылу противника», Майрановский получил ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали «За оборону Москвы», «Партизану Отечественной войны» I степени. Словом, этот доблестный партизан, ни разу не бывавший в тылу противника, очень даже преуспевал.

Разработанные в «Камере» яды действовали безотказно. Ими тайно устранили людей, санкцию на убийство которых давали первые лица страны, начиная со Сталина. Далеко не все жертвы этих убийств были врагами Советского государства. Многих «убирали» по тем или иным причинам как неудобных высшему советскому руководству или «органам». Так, архиепископ Юрий Теодор Ромжа, епископ Мукачевской епархии, был убит в 1947-м по инициативе Н. С. Хрущева, бывшего тогда членом Политбюро ЦК ВКП(б) и первым секретарем ЦК Компартии Украины.

Хрущев убедил Сталина: Ромжа «мутит воду», связан с украинскими националистами и Ватиканом. Сталин распорядился: «Убрать». Украинские гэбисты организовали авиакастрофу, но архиепископ выжил. Тогда Хрущев снова обратился к Сталину: надо дело довести до конца. Сталин не возражал. В Ужгород, где Ромжа лежал в больнице, выехали министр ГБ Украины Сергей Савченко и Григорий Майрановский. Медсестра – агент МГБ, получив от Майрановского ампулу с ядом кураре, сделала смертельный укол...

Не менее трагична судьба Исаака Оггинса, американского коммуниста, давнего агента Коминтерна и НКВД. По поручению «органов» он выполнял секретные задания в Китае и США. В 1938-м по фальшивому паспорту приехал в СССР, где был арестован по подозрению в ведении двойной игры, хотя веских доказательств этого и не было. Официально Оггинса обвинили в «троцкизме». Виновным он себя не признал, но все же был приговорен к восьми годам лагерей. Его жене удалось вернуться в США, откуда она через правительство пыталась вызволить мужа – гражданина США. В 1942-м через посольство США в МИД СССР поступил запрос: почему арестован Оггинс, на какой срок осужден и каково состояние его здоровья? Не исключено, что у американских спецслужб тоже были свои виды на него. Началась дипломатическая переписка. Выпускать из СССР бывшего разведчика, пусть даже невиновного в предательстве, в «органах» не хотели: слишком много знал. Тогдашний министр госбезопасности Абакумов направил на имя Сталина и Молотова докладную записку, в которой изложил историю с недавним своим агентом и приписал: «Исходя из этого МГБ СССР считает необходимым Оггинса Исаяю ликвидировать... Прошу Ваших указаний». Указания были получены. В 1946-м Оггинса доставили в «Камеру», где под видом профилактического осмотра ему сделали смертельный укол.

В своих мемуарах генерал-лейтенант Судоплатов высказал предположение о том, что похищенный сотрудниками советской контрразведки в 1945 г. в Будапеште шведский дипломат Рауль Валленберг, теперь всемирно известный праведник народов мира, спасший несколько тысяч венгерских евреев, в 1947-м был умерщвлен в лаборатории Майрановского.

Если перечислять только установленные факты тайных отравлений, санкционированных «сверху», к которым причастна «Камера», список получится длинный. Не все ее сотрудники

выдерживали эту дьявольскую работу. М. Филимонов уже после десяти «экспериментов» ушел в безнадежный запой. В. Щеголев покончил жизнь самоубийством. У двоих сотрудников обнаружили серьезные психические расстройства...

Ну а сам Майрановский? Терзали ли его хоть какие-то угрызения совести? Непохоже. До последнего дня пребывания в «Камере» он трудился ревностно. Но разве мог он предположить, что «великий вождь», отягощенный старческой паранойей, уже задумал в государстве новую гигантскую «чистку»? А тут и «дело врачей» стало вызревать как запал всесоюзной антисемитской кампании. Для начала Сталин решил избавиться от тех своих приближенных, которые уже сделали свое дело и стали ему не нужны. Одним из первых в 1951 г. был арестован министр госбезопасности В. С. Абакумов (расстрелян в 1954 г.). Не потерпел Сталин и наличия в «органах» немногочисленных евреев. Их холуйская преданность никакого значения уже не имела: «У нас незаменимых нет. Убрать!»

Их не просто убрали. Арестовали. За обвинением дело не стало: «сионистский заговор в органах госбезопасности». В этот карательный поток попал и Майрановский. 13 декабря 1951 г. его арестовали и обвинили в шпионаже в пользу Японии, злоупотреблении служебным положением и незаконном хранении ядов. Позднее «шпионаж» из дела исчезнет, а «незаконное хранение ядов» превратится в «подготовку террористических актов». В декабре 1952-го Майрановский пишет из тюрьмы отчаянные письма на имя нового министра госбезопасности С. Д. Игнатьева, доказывая свою невиновность. Не помогло. Его приговаривают к десяти годам тюремного заключения. Из одиночки Владимирской тюрьмы № 2 в апреле 1953-го Майрановский пишет Берии. Довольно подробно перечисляет свои «заслуги», напоирая на то, что по отношению к нему допущена чудовищная ошибка. Он же свой, свой! Его оклеветали! «Моей рукой был уничтожен не один десяток врагов советской власти, в том числе и националистов всяческого рода (и еврейских) – об этом известно генерал-лейтенанту П. А. Судоплатову...».

Не знал Григорий Моисеевич, что дни недавно могущественного Берии сочтены. Его письмо послужило еще одним обвинением бывшему всесоюзному карателю, да и самому Майрановскому пошло во вред. «Засветившиеся» отравители уже не вписывались в «оттепель», связанную с именем Хрущева, набиравшего властную силу.

Свою «десятку» Майрановский отсидел полностью, уже лишенный научных титулов и званий полковника и заслуженного работника НКВД. Вернувшись после освобождения в Москву, предпринял усилия для своей реабилитации. И снова не прошло. Более того, в 1962-м указом Президиума Верховного Совета СССР он был лишен всех наград. Постановлением Совета Министров СССР ему запрещалось жить в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик. Пришлось довольствоваться жильем в Махачкале и работой в должности заведующего биохимической лабораторией НИИ токсикологии. Умер Майрановский в декабре 1964-го.

Как бы хотелось, чтобы изуверские опыты над людьми и тайные политические убийства навсегда ушли в прошлое! Не знаю, как теперь в России с подобными опытами, но тайное устранение неудобных власти лиц продолжается. Совершенствуются и яды. В 2003 г. был отравлен публицист Юрий Щекочихин. Его книга «Рабы ГБ» до сих пор – обвинительный документ, изобличающий гбэшные преступления. В 2004-м была предпринята попытка отравить Анну Политковскую, летевшую в Беслан. В самолете она выпила предложенную стюардессой чашку чая (до этого почти сутки ничего не ела) и потеряла сознание. Тогда журналистку удалось спасти. Убили ее в 2006-м. Преступление по-настоящему до сих пор не раскрыто, но есть основания предполагать, что и к нему приложили руку сотрудники ФСБ. В 2006-м отравлен радиоактивным полонием-210 бывший сотрудник российских спецслужб Александр Литвиненко, получивший политическое убежище в Англии...

Да что тут перечислять! Со сменой государственных структур и политических вывесок суть и методы «органов» практически не изменились. И в этом нет ничего удивительного:

в спецслужбах авторитарного государства руководствуются не столько принципами общечеловеческой морали, сколько совсем другими – «по понятиям». От кого исходят эти «понятия»? Почему они столь живучи в государственных сферах? Вот здесь, как говорится, и собака зарыта. Но это уже другая тема⁹.

⁹ Нордиштейн М. Григорий Майрановский – палач и жертва. «Еврейская газета», 2011. № 11 (111), ноябрь.

Мой дед Генрих Ягода

Прошлый век ползучей змеей перебрался в нынешний, принеся оттуда старые болезни, споры о состоянии страны, смене формаций. Когда я буду старым, мне тоже присвоят какой-нибудь статус типа «труженик тыла» или «ветеран перестройки». А что, мое поколение не побежало из Сибири толпой в столицы, в теплые края, а осталось на последних рубежах, сохраняя ее богатства, увы, для столичных богачей.

Мы пережили путчи, войны в Чехословакии, Чечне, Афганистане, несколько финансовых кризисов, не говоря уже про «МММ» и «Русский дом Селенга». А еще больше досталось нашим дедам: одних унес вихрь войны, других поглотили пучины ГУЛАГа, поэтому с возрастом мы будем бережнее относиться к прошлому, не перечеркивая события и не вымарывая из летописи людей, какими бы они ни были. Оба моих деда пали на войне, я даже не знаю, как они выглядели.

Мое предисловие возникло для того, чтобы этим прошлым не захлестнуть детей и внуков, их предки оказались винтиками в страшной мясорубке.

После встречи с внучкой наркома НКВД Генриха Ягоды Викторией Генриховной Авербах-Комарицыной у меня отпало желание клеймить позором ее деда. Она не знала его, не слышала от отца о своем знаменитом родственнике по прямой линии, может, поэтому ей, как и многим людям среднего поколения, хочется сохранить о дедушке самые добрые чувства.

У всех деды в XX веке совершали что-то героическое: одни поднимали ДнепрогЭС и Магнитку, другие осваивали целину, третьи сражались на войне, четвертые ударно работали в тылу.

Виктория, сама того не ведая, впитала в себя лучшие черты рода Ягоды (не на одном же деде замыкается семейная линия). По воспоминаниям современников, ее бабушка – Эсфирь Григорьевна Ягода-Шохар – отличалась необыкновенной красотой. Высокая, статная, она казалась царственной. Тетушка Виктории Генриховны – Вероника Знаменская – прошла через все бури эпохи с несокрушимой жизненной силой, они с сестрой Диной выглядели романтическими, в них чудились неуловимая прелесть и таинственность.

В конце концов, один Ягода не может перечеркнуть всех страданий, которые выпали на долю рассеянных по стране, расстрелянных и репрессированных из-за него родственников. В Виктории Генриховне, внучке Ягоды, тоже чувствуется порода, она наделена лучшими нравственными качествами, доставшимися ей от отца. Генрих Авербах, как известно, много лет прожил в Ангарске, а потом переехал в Северодонецк Ворошиловградской области, в Гусь-Хрустальный, откуда перебрался в Израиль.

В истории семьи наркома НКВД Ягоды до сих пор остается много темных пятен. Авторы исследований, историки до сих пор не могут уложить все кирпичики в один монолитный блок, всегда какие-то детали ускользают. Беседа с Викой Комарицыной пролила свет на многие неизвестные моменты.

– У нас была очень дружная семья: папа, мама, бабушка и мы с братом Витей, – рассказывала Виктория Генриховна. – Отец сконцентрировался на мне, а младший брат больше тяготел к маме. На маму возлагались такие функции, как шитье, штопка, приготовление еды, а папа привозил из командировок замысловатые игрушки, везде со мной ходил: в кинотеатр, на детские мероприятия, в детский садик. Отец много читал, поэтому был изумительным собеседником. В письме мне он написал: «Вика, я всю жизнь буду учиться, уже сдал кандидатский минимум». Генрих Генрихович работал и попутно учился в Москве в техническом вузе и с успехом закончил его. Он любил классику и приобщал нас к музыке. Играть на трубе он, вероятно, научился в Москве, да в детских домах.

Не был привередлив в еде, правда однажды я услышала от него просьбу к бабушке. Она прекрасно готовила, единственное, что ему не нравилось в ее изысках... картошка в мундире.

О Сталине отец отзывался как об убийце. Про свое происхождение папа ничего не говорил и про деда не рассказывал. Он говорил: «Вика, Сталин расстрелял моих родителей – папу и маму, а меня спрятали и потом отдали в детский дом». В 10 лет я задала ему вопрос, почему он взял фамилию мамы, он ответил: «Тогда так надо было».

Родственников у него почти не было, разве что тетя Руня, у которой он жил в Москве, когда полгода защищался в институте. К тете Руне приходила какая-то родня, но о ней никто ничего не знал, да и папа нас с теми родственниками не знакомил. Однажды он привез из Москвы большой портрет. На нем в профиль была сфотографирована аристократичного вида женщина, очень величественная и красивая.

Отец сказал: «Это портрет моей бабушки». Мы поставили фотографию на письменный стол и с восхищением смотрели на него.

К нам в Ангарск приезжала Виола, двоюродная сестра папы.

Мы переписывались с ней, а потом она решилась на путешествие в Сибирь из Караганды. Изящная, добрая, как и все медицинские работники того времени, она излучала теплоту, отличалась высокими нравственными принципами, как отец. От Виолы веяло культурой, Западом, просвещенностью. Своим приездом она привнесла свежую струю в нашу жизнь. Позже отец обрадовался одному ее письму, и особенно сообщению, что его сестричка вышла замуж, хотя и поздно – в 32 года. Сейчас связь с Виолой потеряна.

В 1969 г. мама с папой расстались, мне было 14 лет. Многого о судьбе отца, деда, его семье я так и не узнала.

Здесь было бы уместно немного рассказать о том, что случилось с Генрихом-младшим после ареста и расстрела Ягоды в 1937 г. Первый летописец наркома НКВД Ягоды Владимир Некрасов написал в очерке о судьбе единственного сына Ягоды, который чудом избежал расстрела. Автор очерка лично встречался с Генрихом Генриховичем и многое знал с его слов.

«После ареста отца его, 7-летнего мальчика, вместе с матерью Идой Леонидовной и бабушкой Софьей Михайловной Авербах (родной сестрой Якова Михайловича Свердлова) выслали в Оренбург. Мать и бабушку впоследствии арестовали, а Генрих воспитывался в детских домах в Оренбургской и Куйбышевской областях. Примерно в 1940 г., когда мальчику было 11 лет и он находился в детдоме Бугуруслана, по предложению директора детдома Ксении Прокофьевны Поздняковой и заведующей учебной частью Нелли Филатовны Хатунцевой, о которых Генрих Генрихович вспоминает с большой теплотой, ему сменили фамилию и тем самым спасли от гибели. Правда, уже после войны, в 1945 г., как рассказал мне Генрих, он допустил оплошность: при поступлении в железнодорожный техникум Куйбышева в анкете указал, что его отцом был Ягода. Из техникума его исключили, а позднее – в 1949 г. – по решению особого совещания при МГБ СССР он был осужден на пять лет. Из лагеря Генрих Генрихович вышел по амнистии в 1953 г. В дальнейшем он получил инженерное образование, был реабилитирован и живет сейчас вместе с семьей в одном из городов Украины.

Древо жизни Г. Г. Ягоды, в отличие, скажем, от А. И. Рыкова, не остановилось. В 1989 г. его внук Станислав Генрихович поступил в один из московских институтов, а теперь уже окончил его и приступил к работе».

Интересная деталь: Генрих Авербах не стал выдавать историку своих ангарских детей – Вику и Виктора, дабы отвести от них угрозу. Не забывайте, на дворе стояли 90-е, еще случился путч, была большая вероятность возврата к коммунизму.

Генрих продолжал общаться письмами с прежней семьей через дочь Викторию. Девочка сильно переживала развод родителей. Когда ей исполнился 21 год и она вышла замуж, Вика решила поехать в гости к отцу. В свадебное путешествие. Она приехала в Северодонецк к папе и его новой супруге Валентине Дмитриевне без обид и попреков. При встрече Вика сказала

ему: «Папа, все, что есть во мне хорошего, это от тебя!» Он удивился и обрадовался. Дочь до сих пор помнит слова отца: «Вика, стоит тебе хоть раз обмануть человека, тебе никто больше не будет верить». С тех пор Виктория Генриховна лучше промолчит, чем обманет или слукавит.

– В Северодонецке отцу предложили работу ведущего инженера, дали жилье от предприятия, – рассказала Виктория Авербах-Комарицына. – Он приходил с работы усталым, с красными глазами. Работал над чертежами машины по переработке глины. Просил меня не убираться на его столе, там, в «художественном беспорядке», лежали его важные чертежи.

Вторая жена приняла супругов Комарицыных дружелюбно. Во втором браке у Авербахов родился сын Стас, ему в то время было лет пять. Когда гости из Сибири гуляли со Стасиком по Северодонецку, жители принимали его за их сына. Позже семья Авербахов переехала поближе к Москве, в Гусь-Хрустальный, для того, чтобы Стас получил образование. Жизнь и быт в частном доме угнетали Генриха. Он писал дочери: «Я очень городской житель, здесь прекрасный сад, дышится легче, но все это не мое!»

Когда Вика уезжала от отца из Северодонецка, он ей признался, что очень болен. И если бы не Валентина Дмитриевна, его бы уже давно не было в живых.

После Гусь-Хрустального переписка с отцом внезапно прекратилась, а потом пришло письмо из Израиля, в котором супруга сообщила о смерти папы. Генрих Авербах ушел из жизни 28 июля 2003 г.

Валентина Дмитриевна написала, что, несмотря на большую разницу в возрасте (20 лет), она прожила с ним счастливую жизнь. В Израиль они уехали по состоянию здоровья, Авербаху были созданы исключительные условия, поставлена виброкровать, проведены реабилитационные мероприятия. Сын Станислав и его жена Юля находились рядом. Отец часто вспоминал своих ангарских детей – Вику и Витю.

– Мой папа был необыкновенным человеком, я его почитаю и люблю, – говорит Виктория Генриховна. – Для меня он всегда останется примером отца и образцом мужчины.

После этой характеристики я нашел слова Исаака Бабея про дедушку Вики: «При Ягоде, по сравнению с теперешним (времена Ежова), наверное, было еще гуманное время».

Чем дальше уносит нас время от грозных событий XX века, тем светлее они становятся. С них смывается грязь, забывается наносное и остается самое светлое¹⁰.

«Не судите, да не судимы будете». Лучше обо всем и не скажешь.

¹⁰ Мухин А. Мой дед Генрих Ягода. «Еврейская газета», 2012. № 29. 4 сентября – 10 сентября.

Иудаизм, как и православие, – злейший враг новорожденного пролетарского государства. Православный иерарх защищает евреев

В мае 1944 г. при СНК СССР был создан Совет по делам религиозных культов (СДРК). Одновременно подтверждался статус иудаизма как официально признанной конфессии (одной из тринадцати), что формально предполагало наделение ее рядом организационных прав, в том числе таким основополагающим, как формирование центрального координационно-управленческого органа, наделенного следующими важными полномочиями: планирование и направление деятельности региональных общин, созыв всесоюзных съездов их представителей, организация религиозного образования, подготовка и аттестация служителей культа, производство и распределение богослужебной литературы, обрядовых облачений, ритуальных предметов и продуктов питания, поддержание связей с зарубежными и международными единоверческими организациями, подготовка поездок за границу (с целью паломничества и образования). Однако на деле иудаизму, в отличие от православия и ислама, эти возможности предоставлены не были. В частности, сверху так и не последовало санкции на создание общесоюзного раввината и избрание «всесоюзного» главного раввина. Впрочем, когда в ходе тех или иных проводившихся властью пропагандистских мероприятий (главным образом внешнеполитического характера) ей нужно было продемонстрировать выражение верноподданнических чувств всего советского религиозного еврейства, эта роль поручалась главному раввину Московской хоральной синагоги. Но подобное могло лишь микшировать, но никак не компенсировать существовавшую в советском иудействе организационную разобщенность, которая не только осложняла его существование, но и, как это ни парадоксально, ограничивала манипулятивные возможности самой власти, неразумно лишившей себя такого действенного инструмента воздействия на еврейство, каким мог быть в ее руках, скажем, тот же общесоюзный раввинат.

Осенью 1943 г. власти наконец обратили внимание на совершенно жалкое положение с кадрами раввинов, сложившееся в общинах после кровавых чисток «большого террора». Такой позитивный сдвиг произошел, думается, не только вследствие общерелигиозного потепления в стране, но и благодаря тому, что летом – осенью 1943 г. представители ЕАК С. М. Михоэлс и И. С. Фефер, предпринявшие пропагандистскую поездку в США, Великобританию и другие союзные страны, встретились там с руководителями влиятельных еврейских организаций, как светских (Всемирный еврейский конгресс и др.), так и религиозных. Все они живо интересовались религиозной жизнью советских евреев, в том числе и видный американский ортодоксальный раввин Эпштейн, попросивший посланцев Москвы оказать содействие в установлении связей с единоверцами в Москве.

Возможно, под воздействием такого «внешнего» влияния СДРК поспешил устранить затянувшийся кадровый кризис в Московской хоральной синагоге, предложив должность ее главного раввина С. М. Шлиферу (1889–1957). Шлойме (Соломон) Шлифер был потомственным священнослужителем. Его отец, Михель Шлифер, который с конца 1880-х гг. являлся главным раввином Александрии (Херсонская губерния), по сути передал ему эстафету духовного служения. Произошло это в 1913 г., когда С. Шлифер, успешно пройдя аттестацию раввина, возглавил ту же александрийскую общину, продолжив тем самым дело родителя. Пережив бедствия Гражданской войны, С. Шлифер в 1922 г. переехал в столицу и с тех пор связал свою судьбу с Московской хоральной синагогой.

Возвратившись из эвакуации в начале 1944 г. в Москву, Шлифер принял от Чобруцкого полномочия главного раввина, а через два года сменил его и в председательском кресле правления общины. Все это не могло не вызвать сильные трения в тогдашней столичной иудейской

элите. Амбициозный и мстительный, Чобруцкий стал активно интриговать против своего премника, используя при этом свои обширные связи с властями¹¹.

В 1945 г. были назначены раввины и в другие московские синагоги – Арбатскую и Марьино-рошинскую.

Введенный властями режим относительного благоприятствования религии способствовал тому, что в первые послевоенные годы отмечался рост количества официально учтенных синагог. В январе 1946 г. их числилось 75, в октябре 1946-го – 124, в январе 1947-го – 162, в январе 1948-го – 181 (в том числе в УССР – 73). Это был пик, после которого, вследствие развернувшейся борьбы с еврейским национализмом и космополитизмом, наметилась обратная тенденция. В апреле 1949 г. количество зарегистрированных синагог составило уже 180, в январе 1950-го – 151, в январе 1951-го – 141, в январе 1952-го – 136 (при выявлении 244 нелегальных миньянов)¹².

В те годы происходило и ухудшение общерелигиозной ситуации в стране. Секретарь ЦК ВКП(б) Суслов и вверенный ему Агитпроп стали исподволь инспирировать новую антицерковную кампанию. В августе 1948 г. Д. Т. Шепилов, назначенный незадолго до этого заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК, направил Маленкову пространную записку «О состоянии антирелигиозной пропаганды», в которой, сетуя на то, что в стране с 1941 г. перестала издаваться атеистическая литература, отмечал: «особенно усилили свою деятельность баптисты, католики и еврейские клерикалы», которые ведут «подпольную борьбу против советской власти, поддерживают нелегальную связь с заграницей, получают оттуда указания и материальную помощь».

В результате Шепилову удалось провести через Секретариат ЦК решение о разработке в двухнедельный срок проекта постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». Однако несмотря на то что таковой вскоре и был представлен Маленкову, тот не спешил его утверждать. Будучи, в отличие от партаппаратчика-ортодокса Суслова, прагматиком-«государственником», Маленков, видимо, не желал отравлять отношения государства и церкви, подозревая к тому же Шепилова в нелояльности к себе и закулисных интригах.

Не добившись желаемого, Шепилов в марте 1949 г. решил продублировать свое похеренное антирелигиозное обращение, направив скорректированный текст на сей раз непосредственно Сталину. В этом варианте особо отмечалось, что «за последнее время деятельность многих еврейских религиозных общин приняла ярко выраженный националистический характер». Однако главной новацией второй редакции записки стали появившиеся в ней обвинения против государственных органов управления религиозными организациями (особенно против Совета по делам русской православной церкви во главе с Г. Г. Карповым). Этот Совет обвинялся Агитпропом в том, что, заняв позицию примиренчества и нейтралитета в отношении к «церковникам», тот встал «на путь попустительства», «срачивания» с ними (приводились факты обмена подношениями) и тем самым создавал «благоприятные условия для возрождения варварских обычаев и обрядов». Приложенный проект постановления ЦК теперь именовался «О неправильной линии в работе Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР». В нем даже предусматривалась отмена института уполномоченных Совета в РСФСР и других республиках, за исключением Украины и Белоруссии¹³.

Однако эта попытка представителя «партийной фракции» номенклатуры использовать «религиозную карту» в борьбе с «госаппаратчиками» не удалась. В июле 1949 г. Маленков добился снятия Шепилова с поста руководителя Агитпропа. Кроме того, когда 18 августа

¹¹ Сионов Ю. Л. Председатель Самуил Чобруцкий как деятель Московской еврейской религиозной общины: вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х годов // 100 лет. Московская хоральная синагога. М., 2006. С. 169–175.

¹² Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 63–64.

¹³ Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 63–64.

1951 г. министр государственной безопасности СССР С. Д. Игнатьев обратился к Маленкову с предложением арестовать главного раввина Шлифера (для пущей убедительности в МГБ была составлена совершенно секретная справка «О враждебной националистической деятельности раввина Шлифера С. М.»), то соответствующей санкции не последовало. И хотя в еврейской среде тогда широко были распространены слухи об антисемитизме Маленкова, он, тем не менее, смог, видимо, убедить Сталина «оставить без последствий» это зловещее ходатайство¹⁴.

Хотя против ареста главного раввина мог, конечно, выступить и сам вождь. На это предположение настраивает тот факт, что зимой 1953 г., в дни печально знаменитого «дела врачей», сколько-нибудь значительных репрессий против религиозных евреев не последовало. Хотя синагоги и в Москве, и других советских городах тогда вдруг обезлюдели. В них даже в иудейские праздники молящихся можно было пересчитать по пальцам руки. Охваченные общим для еврейства страхом, некоторые раввины и члены «двадцаток» стали отказываться от должностей, обходя потом синагоги стороной. И лишь после опубликования 4 апреля 1953 г. в газетах сообщения об освобождении «врачей-вредителей» ситуация изменилась. В последние дни праздновавшегося тогда Песаха синагоги вновь заполнились людьми, среди которых было и немало тех, кто прежде был далек от религии. Среди воспрянувших духом молящихся слышны были экзальтированные возгласы: «Мы спасены!», «С евреев смыто грязное пятно».

К моменту смерти Сталина на территории СССР насчитывалось 129 зарегистрированных общин и 250 нелегальных миньянов с общим количеством верующих 200–250 тыс. человек, что составляло примерно 7–9 % всего еврейского населения СССР. На Украине, в Белоруссии и Молдавии (бывшая «черта оседлости»), где, по подсчетам С. А. Парного, детально исследовавшего «хрущевский период» истории отечественного иудаизма, насчитывалось тогда 1,1 млн евреев, действовали шестьдесят иудейских общин. В РСФСР вместе с республиками Прибалтики насчитывался примерно один миллион евреев и функционировали 34 общины (на 80 тыс. верующих), в том числе 26 в России. В регионе Кавказа, Закавказья и Средней Азии, где численность евреев – горских, грузинских, бухарских и ашкеназских – составляла 200 тыс. человек, были зарегистрированы сорок общин (из них 26 – в Грузии). Поскольку евреям-«южанам» в наибольшей степени был присущ культурный традиционализм, уровень религиозности этого региона чуть ли не в несколько раз превышал аналогичный показатель по РСФСР¹⁵.

И все же через год после смерти Сталина либеральные тенденции в официальной религиозной политике стали заметно слабеть. Более того, партаппаратная группировка Хрущева – Суслова, втайне недовольная «уступками церковникам», инициированными конкурировавшими с нею номенклатурными «государственниками» во главе с Маленковым, решила свернуть этот курс, используя его как пробный камень во все усиливавшейся верхушечной борьбе за власть.

22 марта 1954 г. в Секретариат ЦК КПСС из Агитпропа поступила записка «О крупных недостатках в организации естественно-научной, антирелигиозной пропаганды». Ее авторы – заведующий отделом пропаганды и агитации А. М. Румянцев и его заместитель В. С. Кружков (1905–1991) – нагнетали страсти по поводу того, что за последние годы на фоне крайней запущенности антирелигиозной пропаганды «церковь значительно окрепла», а ее «влияние на отсталые слои населения» существенно возросло.

Этот демарш, очевидно, вызвал серьезное сопротивление со стороны «маленковцев». Тем не менее «сусловцы» смогли его преодолеть, и через несколько месяцев, 7 июля 1954 г., им удалось «продать» постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению». В нем билась тревога по поводу «оживления

¹⁴ Государственный антисемитизм в СССР. С. 273–277.

¹⁵ Чарный С. Л. Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели»: 1953–1964. Дисс... канд. истор. наук. М.: РГГУ, 2008.

религии... расширения и укрепления ее влияния на население», а также содержался призыв развернуть активную борьбу с «религиозными предрассудками и суевериями» и принять меры к «разоблачению реакционной сущности и вреда религии»¹⁶.

Однако вскоре Хрущеву пришлось пойти на попятную. Чтобы заручиться поддержкой отколовшегося от «государственников» Н. А. Булганина и с его помощью лишить осенью 1954 г. Маленкова важной прерогативы председательствующего на заседаниях Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПСС вынужден был – дабы «не дразнить гусей» (то бишь госаппаратную элиту) – поспешно «раскрутить гайки» в религиозной сфере. На этот компромисс его заставили также пойти и протесты влиятельных иностранных политических и общественных кругов, обеспокоенных новым антицерковным пароксизмом в СССР.

10 ноября 1954 г. вышло решение ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды», в котором критиковались методы «грубого» администрирования, применявшиеся представителями власти в отношении религиозных объединений и духовенства. Парторганам на местах вменялось в обязанность «решительно устранить ошибки и впредь не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в дела церкви»¹⁷.

Подобная внезапная административная перемена, продиктованная помимо прочего и императивом набиравшей силу «оттепели», сразу же сказалась на положении дел в иудаизме. Даже еще до появления директивы от 10 ноября 1954 г. раввину Шлиферу позволили поздравить своих единоверцев в Англии с еврейским Новым годом. А 20 ноября Московскую хоральную синагогу посетила делегация Англиканской церкви. В двадцатых числах мая 1955 г. такой же визит нанесли прибывшие в СССР представители Общества англо-советской дружбы и Национальной ассамблеи женщин Великобритании. Осенью того же года был отменен установленный в 1950 г. запрет на возведение сукки¹⁸. Однако уже тогда стали проявляться признаки того, что данная «церковная» либерализация носила вынужденный и ограниченный характер и не могла продлиться сколько-нибудь долго. Когда в августе 1955 г. Шлифер направил на согласование в СДРК текст предлагавшегося к изданию молитвенника (сидура), в значительной мере дублировавшего аналогичное дореволюционное издание, бдительные борцы с сионизмом из числа сотрудников этого ведомства изъяли из него традиционное пожелание «В будущем году – в Иерусалиме», заменив на молитву «За мир во всем мире».

Между тем приближался запланированный на начало 1956 г. XX съезд КПСС, который Хрущев наверняка уже загодя считал не только судьбоносным для страны, но и личным звездным моментом, могущим вывести его из тени соратников по Президиуму ЦК и стать чем-то вроде собственной политической коронации.

Подобные амбициозные устремления не могли укрыться от «заточенного» под вождя аппарата власти. Поэтому улавливая подобные веяния политико-идеологической конъюнктуры, чиновники СДРК одобрили включение в сидур молитвы «за здоровье и благополучие Советского правительства», призванной заменить прежнее подобное прославление «товарища Сталина». В 1955 г., также «с дозволения властей», Московская религиозная община впервые с 1920-х гг. издала иудейский календарь (луах) на 1956–1957 гг., отпечатав на mimeографе 7 тысяч экземпляров его 32-страничного текста.

Разыгрывая, таким образом, либеральную «карту» в отношении иудаизма, к тому времени уже полностью «абсорбированного» советским государством, Хрущев стремился обрести политическую поддержку, причем не столько внутри страны, сколько в мире, особенно от влиятельных леволиберальных кругов Запада, которые особенно болезненно реагировали на

¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С. 502–507.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С. 516–520.

¹⁸ Сукка – ритуальный шалаш, сооружаемый близ синагоги во время праздника Суккот.

антииудаистские гонения в СССР. Подобная поддержка была особенно важна для Хрущева с учетом разгоравшейся в Кремле борьбы за власть.

* * *

Последовавшая в марте 1953 г. смерть Сталина позволила созданной им системе власти не только выйти из того состояния политического маразма, которое было присуще режиму в последние годы правления диктатора, но и придать ему посредством некоторого реформирования определенную устойчивость. Правда, эти преобразования, основное содержание которых составила либерализация государственного управления и общественной жизни в стране (так называемая оттепель), носили в 1953–1955 гг. еще очень ограниченный и прерывистый характер. Несмотря на очевидную их насущность, они серьезно сдерживались тогда такими основополагающими и ключевыми моментами, как сохранявшееся примерное «силовое» равновесие между, условно говоря, реформаторами и консерваторами в стане кремлевских наследников Сталина и существовавший между ними конвенциональный консенсус по запрету публичной критики покойного вождя.

Следует отметить, что попытки ревизовать сталинизм с самого начала стали играть важную роль в подспудной борьбе за власть, развернувшейся между номенклатурными олигархами. Одним из первых на это решился член Президиума ЦК и министр внутренних дел Берия. Именно он, как отмечено выше, инициировал в апреле 1953 г. освобождение из-под стражи и реабилитацию кремлевских «врачей-вредителей», провел расследование гибели Михоэлса и добился снятия с него облыжных обвинений в измене Родине. Берия предложил также реабилитировать видных еврейских общественных и культурных деятелей, расстрелянных в 1952 г. по «делу ЕАК». Однако его арест помешал тогда реализации этого плана, что удалось только в ноябре 1955 г.

Тогда случилось парадоксальное: официально было объявлено, что трагическая гибель невинных «еаковцев» – одно из «черных дел» «преступной банды Берия».

Тем не менее в середине 1950-х гг. произошло возвращение доброго имени бывшему заместителю министра иностранных дел СССР Лозовскому, литераторам Маркишу, Бергелсону, врачу Шимелиовичу, другим еврейским общественным и культурным деятелям, заклеянным как «главари еврейских националистов». Потом массово стали освобождаться из-под стражи их выжившие соплеменники, оказавшиеся в ГУЛАГе и в ссылке по аналогичному обвинению (бывшие руководители Еврейской автономной области, Московского автомобильного завода имени Сталина, Кузнецкого металлургического комбината и др.).

Устранив наиболее скандальные последствия сталинского антисемитизма (реабилитация «врачей-вредителей» и негласное снятие обвинений с расстрелянных деятелей ЕАК), власти вплоть до 1956 г. практически ничего не сделали для восстановления уничтоженной Сталиным еврейской культуры. В своем знаменитом «антикультовском» докладе на XX съезде КПСС Хрущев ни словом не обмолвился ни о послевоенной жестокой расправе с деятелями еврейской культуры, ни о нагнетавшемся Сталиным «кадровом» антисемитизме.

Впрочем, печать негласного запрета, наложенная в СССР на обсуждение этой чрезвычайно болезненной для советского руководства проблемы, была легко нарушена западными спецслужбами (главным образом израильскими), что способствовало международной дискредитации хрущевского режима, особенно в глазах симпатизировавшей Москве западной леволиберальной общественности. Только под воздействием скандала, разразившегося на Западе в связи с бедственным положением в СССР еврейской культуры, хрущевский режим с большим скрипом стал ее восстанавливать, причем по самому минималистскому варианту. Достаточно сказать, что официальное добро на издание единственного в своем роде журнала «Советиш

Геймланд» было дано только в 1961 г., да и то накануне XXII съезда партии (дабы «умиротворить» приглашенных представителей западных компартий).

Такое сопротивление режима полноценному возрождению пострадавшей национальной культуры было обусловлено тем, что аппаратный антисемитизм не умер вместе со Сталиным, а, мутировав в более «мягкую» разновидность, так или иначе продолжал существовать. Все это Хрущев отлично осознавал и потому, стремясь расположить к себе номенклатуру, пытался играть на ее антиеврейском комплексе. На одной из встреч с творческой интеллигенцией он, явно оправдывая послевоенные рестрикции в отношении евреев, публично поведал фальшивую историю о «предателе Когане», якобы служившем переводчиком при штабе Ф. Паулюса.

Однако объективности ради необходимо отметить, что Хрущев, в отличие от его предшественника Сталина и преемника Брежнева, хотя бы попытался – пусть и неудачно – вести с творческой элитой некий камерный диалог по проблеме антисемитизма.

Если у Сталина антисемитизм парадоксальным образом носил рационально-параноический характер (воспринимал евреев-националистов как «пятую колонну» Запада), то у Хрущева – плебейско-эмоциональный, зиждившийся на антиинтеллектуализме этой личности, бравировавшей своим сермяжно-пролетарским демократизмом и грубоватым «колхозным» юмором. Его недоверие к евреям имело вульгарно-бытовую основу и строилось на преимущественном восприятии их как фетишистов материального благополучия и носителей «буржуазного разложения».

Такой же ригидной и, в конечном счете, порочной была и официальная «еврейская политика». Думается, глубокую юдофобскую зарубку в душе Хрущева оставило то, что в 1947 г. он был обвинен Сталиным в потворстве украинским буржуазным националистам и заменен Кагановичем на посту первого секретаря ЦК КП(б) Украины. Как представляется, именно вследствие приобретенного тогда психологического синдрома Хрущев так яростно выступил в 1956 г. против Бермана, Ракоши и других евреев-«сталинистов» в руководстве Польши и Венгрии. Между тем первопричина социальных потрясений, возникших тогда в этих странах, крылась в геополитически ошибочной советизации, проведенной в них Сталиным после войны.

Немалый вклад в реабилитацию еврейских жертв сталинского террора внесли правительство Израиля и его спецслужба («Натив»), организовавшие на Западе кампанию общественного давления на СССР. При этом главным для Израиля было добиться от СССР согласия на «большую алию». Однако первые такие попытки, относившиеся к середине 1950-х гг., оказались тщетными. Причины того провала израильской спецслужбы состояли не только в том, что репрессивный потенциал советского режима был еще значителен и «нативовцы были слабо знакомы со спецификой и приемами работы советской контрразведки. Главный их просчет коренился в практиковавшихся ими в СССР узконациональных методах работы и в игнорировании неформального общедемократического движения¹⁹, которое являло собой главный фактор в общественной борьбе за обретение советскими гражданами (в том числе и евреями) права на свободу передвижения как внутри СССР, так и по всему миру.

Предпринятое Хрущевым развенчание «культа личности» носило дозированный, непоследовательный и противоречивый характер. Да и саму эту кампанию он инициировал, во-первых, преимущественно ради того, чтобы застраховать номенклатуру от повторения прежнего «беспредела» госбезопасности, во-вторых, дабы дискредитировать и добиться низвержения своих политических конкурентов, заклеянных им как «антипартийная группа», и только, в-третьих, чтобы повысить уровень благосостояния рядовых граждан, несколько расширив их

¹⁹ Это движение имело широкий диапазон охвата: от либеральных литераторов – бывших «космополитов» – до членов нелегальных кружков либеральной ориентации.

социальные (не политические!) права, причем последнее – в пределах минимума, необходимого для «укрепления морально-политического единства» советского народа²⁰.

И все же начавшаяся «оттепель» позволила более или менее самостоятельно мыслящей творческой интеллигенции, еще недавно жестко придавленной прессом перманентных идеологических проработок и «чисток», перевести дух и обрести робкую надежду на лучшее будущее.

Возникший в обществе оптимистический настрой способствовал повышению его творческого потенциала, необходимого для создания новых талантливых произведений в области литературы и искусства. Однако либерально настроенная интеллигенция недолго пребывала в плену радужных иллюзий. Горькое разочарование она испытала сразу, как только попыталась донести до публики плоды своих вдохновенных «оттепелью» трудов. Тогда она убедилась в том, что идеологическая цензура партии хоть и не свирепствует уже, как в сталинские годы, но остается такой же «непробиваемой» для всего, в чем усматривалась претензия на свободу творчества.

Это стало особенно очевидным, когда власть, напуганная социально-политическим обострением в Польше и Венгрии (так называемый венгерский синдром), вновь стала с конца 1956 г. натягивать ослабленные было административные вожжи и ужесточать цензурный контроль.

Вот почему либеральная интеллигенция, которая поначалу с энтузиазмом восприняла официальные декларации о восстановлении «социалистической законности», потом все более скептически относилась к подобной риторике, призванной камуфлировать продолжавшееся (пусть и в меньших масштабах) попрание государством гражданских прав и свобод.

По этой причине в среде демократически настроенной творческой элиты произошло разочарование в Хрущеве, которого та первоначально (после XX съезда) воспринимала как новоявленного «царя-освободителя». Окончательное охлаждение к нему в этом слое произошло после XXII съезда КПСС, на котором тот хоть и инициировал второй этап десталинизации, но так и не решился на сколько-нибудь основательное реформирование страны, подменив его тупиковым «коммунистическим проектом» – утопией, обернувшейся потом социальным застоём.

По сути, Хрущев оказался заложником межеумочной «застойной» позиции – «ни сталинизма, ни демократизации». Это окончательно «развело» власть с социально активной интеллигенцией, причем не только с либеральной, но и неопочвеннической.

Приверженцы обоих этих направлений начали постепенно отмежевываться от бесплодной официальной идеологии, все более обособляясь в собственных идеологических катакомбах. С противоположных позиций они принялись подспудно оппонировать власти, которая, оказавшись на идеологической обочине, способна была реагировать на подобные «вольности» разве что по примитивному охранительному принципу «тащить и не пущать».

Вместо решения «еврейского вопроса» хрущевское руководство предпочло эту чрезвычайно болезненную для него проблему «замести под ковер» парадной советской действительности. Накладывая такое табу власти, помимо прочего, надеялись нейтрализовать негативное влияние мифа о еврейском всевластии на набравший силу русский национализм. Между тем развитие культуры и религии нацменьшинств само по себе никогда не служит яблоком раздора в их взаимоотношениях с национальным большинством. Зато межнациональным трениям несомненно способствуют непрозрачность власти и тайные интриги в ее коридорах, провоцирующие в населении недоверие к ней, а также различные страхи, в том числе и юдофобию. По сути, в хрущевское время, когда верхи предпочитали «в упор» не замечать «еврейского вопроса», официальный антисемитизм переродился в асемитизм, т. е. в политику его преимущественного игнорирования.

²⁰ Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 380.

Не лучшим образом советское руководство справлялось и с другими проблемами, существовавшими в экономике, в отношениях с интеллигенцией, других ключевых сферах жизнедеятельности общества и его социальных сегментах, деградировавших под бременем несвободы, автаркии и стагнации. В результате уже к концу 80-х гг. Советский Союз не только потерял сотни тысяч покинувших его образованных граждан, в том числе и выдающихся интеллектуалов, деятелей культуры и ученых, но и полностью израсходовал собственный ресурс жизнеспособности, канув в историческую Лету как полностью исчерпавший себя имперский проект.

...Когда проходишь на Новодевичьем правительственном кладбище мимо созданного Эрнстом Неизвестным замечательного бело-черного памятника Хрущеву и видишь на его бронзовом лице лучезарную улыбку, то хочется верить, что в его политике позитивного в отношении евреев было все же больше, чем негативного. Впрочем, такого же мнения придерживаются, как представляется, большинство из ныне живущих бывших советских евреев, считающих Хрущева отцом «оттепели», положившей конец ужасным «черным годам» сталинизма.

Смерть поэта Мандельштама

В ноябре 1933 г. Мандельштам написал эпиграмму на Сталина:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища.
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подкову, дарит за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.

В ночь с 16 на 17 мая 1934 г. Мандельштама арестовали. На Лубянке он признался, что читал стихотворение следующим людям: жене Надежде, брату Александру Мандельштаму, брату жены Евгению Яковлевичу Хазину — литератору, подруге жены Эмме Григорьевне Герштейн — сотруднице ВЦСПС, Анне Ахматовой — поэтессе, ее сыну Льву Гумилеву, Давиду Григорьевичу Бродскому — литератору, Борису Сергеевичу Кузину — сотруднику зоологического музея, Марии Сергеевне Петровых — молодой поэтессе.

Мандельштам назвал девятых, о которых следователь был осведомлен. Кроме них стихи о Сталине слышали еще восемь человек, но следователь их не назвал, и Мандельштам промолчал. Остался не упомянут, например, Пастернак. Пастернак пошел просить за Мандельштама в «Известия» к Н. Бухарину, а Ахматова — к Авелю Енукидзе, в Кремль.

Возможно, это заступничество известных поэтов и Николая Бухарина сыграло свою роль. Известен факт звонка Сталина Пастернаку, в котором предметом разговора был Мандельштам.

Резолюция Сталина была: «Изолировать, но сохранить». И вместо расстрела или лагерей — неожиданно мягкий приговор: ссылка вместе с женой, Надеждой Мандельштам, в город Чердынь-на-Каме Пермской области. Возможно также, что вождю невыгодно было убивать поэта. Стихи казненного звучат сильнее.

В Чердыни у Мандельштама были приступ душевной болезни и попытка самоубийства. Он выбросился из окна больницы и сломал плечо.

Жена и брат обратились в ОГПУ, чтобы Мандельштаму поменяли место ссылки, так как в Чердыни не было квалифицированной медицинской помощи. Вопрос был решен за полмесяца — действовала сталинская резолюция. Осип и Надежда переехали в Воронеж.

У Мандельштама были и другие стихи, за которые грозила кара. В декабре 1930 г. он написал стихотворение «Ленинград», которое по недосмотру напечатала «Литературная газета»:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,

До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! Я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Тогда Мандельштаму пригрозили арестом.

В Воронеже Мандельштам пробыл до 1937 г. Жил нищенски, сперва на мелкие заработки, потом на скудную помощь друзей и постоянно продолжал ждать расстрела.

После воронежской ссылки Мандельштам почти год живет в окрестностях Москвы, по словам А. Ахматовой, «как в страшном сне».

Разрешения жить в столице Мандельштам не получил. Работы не было. И вдруг в начале весны 1938 г. секретарь Союза писателей СССР Ставский, на прием к которому безуспешно пытался попасть Мандельштам, но который так и не принял поэта, – именно он предлагает Мандельштаму и его жене путевки в Дом отдыха «Саматиха», причем на целых два месяца. Как оказалось, это было сделано специально, чтобы поэта легко было найти.

30 апреля 1938 г. был подписан ордер на новый арест поэта. 1 мая 1938 г. в Доме отдыха О. Мандельштама арестовали во второй раз...

После распада Советского Союза специальному корреспонденту «Известий» Эд. Поляновскому удалось посмотреть в архиве КГБ «Дело № 4018 по обвинению гр. О. Э. Мандельштама». В деле он обнаружил донос, который 16 марта 1938 г. Ставский написал наркомму внутренних дел Ежову. В доносе Ставский указал, что, несмотря на запрет, Мандельштам часто бывает в Москве у своих друзей-литераторов. Его поддерживают, делают из него «страдальца». Братья Катаевы и другие литераторы открыто выступают в его защиту. Мандельштама осудили на пять лет лагерей за контрреволюционную деятельность, но он виновным себя не признал.

31 января 1939 г. инициатор и организатор ареста поэта Владимир Ставский был награжден орденом «Знак Почета».

После приговора Мандельштама перевели в Бутырскую тюрьму. Там формировались эшелоны в лагеря, которые уже покрыли всю страну. Осип Эмильевич провел в Бутырках более месяца. Бутырка – не Лубянка. Там он был подследственным, здесь – врагом. Там в двухместной камере была у него постель. В Бутырках же, в общей переполненной камере сидели человек триста. Сидели тесно на каменном полу спиной друг к другу.

В начале сентября Мандельштам вместе с другими заключенными (все по 58-й статье) доставили из тюрьмы к товарному составу. Состав шел более месяца и 12 октября 1938 г. при-

был в пересыльный лагерь под Владивостоком «Вторая речка». В лагере около 14 тыс. заключенных ожидали своей участи. Мандельштам попал в 11-й барак.

В 1991 г. отметили столетний юбилей Мандельштама. Об этом писали газеты. В «Известия» пришло письмо от Юрия Илларионовича Моисеенко, невольного свидетеля жизни и смерти Мандельштама в 11-м бараке. Специальный корреспондент «Известий» Эд. Поляновский взял у Ю. И. Моисеенко, отсидевшего в лагерях двенадцать лет, интервью. Вот что тот рассказал.

«Барак человек на триста, даже больше, нары – по обеим сторонам сплошные. Соседствовали шестером на третьем ярусе. Сначала шел Моисеенко из Смоленска. Рядом – Владимир Лях, ленинградец, геолог. За ним – Степан Моисеев из Иркутской области. Дальше Иван Белкин – шахтер из-под Курска, 24 года, ровесник Моисеенко. За ним – Мандельштам. И наконец – Иван Никитич Ковалев, пчеловод из Благовещенска. Он-то, Ковалев, и стал последней опорой поэту. Помогал влезать на нары и спускаться с нар, защищал его. Соседи по нарам относились к Мандельштаму почтительно, звали по имени-отчеству, на “Вы”.

В лагере Мандельштама называли “Поэт”. Но он чувствовал себя чужим даже с соседями по нарам. Духовного взаимопонимания не было. Мандельштам был совсем седой, страдал сердцем.

В лагере был дефицит воды. Воду охраняли. И Осипу Эмильевичу выпало дежурить. Как он стерег: кто-то постарше его подойдет: “Водички разрешите”. Он отвернется, и люди наливали.

Мандельштам не любил разговоров о следователях, допросах. К соседям по нарам это относилось меньше. Он сам рассказал Моисеенко о ленинградском однофамильце Мандельштаме, который проходил по делу об убийстве Кирова и был расстрелян.

Как-то вечером мы спросили у него, за что его посадили. Он ответил: “Ни за что”. А потом под настроение говорит: “Хотите прочту?” И прочел стихи о Сталине, читал тихо. Иногда вечерами он читал соседям по нарам стихи Пушкина, Лермонтова, Мережковского, Андрея Белого. Читал час, полтора. Рассказывал об Ахматовой, Гумилеве, их сыне Льве. Он очень любил жизнь и держался. А после 7 ноября стал угасать. С середины ноября стал совсем сдавать. Свою порцию баланды отдавал Ковалеву. Силы оставляли поэта. Иван Ковалев часто приносил ему еду на нары.

На лагерь обрушилось бедствие – сыпной тиф. 2 декабря в 11-м бараке объявили карантин, лежали вместе: тифозные больные и здоровые. После 20 декабря Мандельштам не вставал. Лежал тихо, держался мужественно. За все время ни разу не пожаловался.

В полдень 27 декабря 1938 г. Осип Мандельштам умер. Его похоронили в общей могиле, рядом с лагерем».

Надежда Яковлевна Мандельштам так и не сумела отыскать ни одного свидетеля смерти мужа. Не успела.

29 августа 1956 г. Верховный суд СССР отменил Постановление Особого совещания в отношении О. Э. Мандельштама за отсутствием состава преступления.

Мандельштама уничтожили физически, но не сломили нравственно.

Железный дух Мандельштама невозможно было согнуть. Он писал: «Раз за поэзию убивают, значит, ей воздают должный почет и уважение, значит, она власть».

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

Ахматова считала Мандельштама одним из лучших поэтов XX в. Если не лучшим. Ей верят.

Биробиджанская сказка – великое переселение еврейского народа

Неумолимые годы все дальше уносят нас от происходивших с начала XX в. отношений Сталина и его единомышленников к кардинальному решению так называемого еврейского вопроса. Эта политика была нацелена на постепенное устранение «еврейского влияния» на социально-политическую и культурную жизнь общества путем проводимой сверху ассимиляции евреев, с одной стороны, наращивания против них административно-репрессивных мер – с другой.

Торжественно прозвучавшее на весь мир в середине 30-х гг. заявление из Москвы о благополучном решении «еврейского вопроса» на одной шестой земной суши явилось громадным пропагандистским успехом большевиков. Творцом новой счастливой судьбы советских евреев был объявлен «отец народов» Сталин, увенчанный лаврами создателя нового Основного закона страны, самого демократического в мире. И действительно, вклад этого человека в преодоление многовекового проклятия, тяготевшего над евреями, казался многим, причем не только в Советском Союзе, огромным. Как утверждалось, именно он сначала теоретически обосновал возможность реального решения национальных проблем посредством территориальной автономии и последующего формирования на ее территории полноценной нации, а затем на практике предоставил евреям таковую автономию на Дальнем Востоке. Однако Биробиджанский проект, представлявший собой на самом деле не больше чем пропагандистскую акцию, очень скоро обнаружил свою очевидную нежизнеспособность. Но это обстоятельство, скорее всего, мало беспокоило Сталина. Ведь для него, располагавшего огромными возможностями для манипуляции общественным мнением как внутри страны, так и за рубежом, не составляло большого труда выдать любую фикцию за чистую монету. Репрессии, обрушившиеся во время «большого террора» на головы идишских общественных и культурных деятелей, воочию продемонстрировали реальную сущность советской автономизации²¹. Парадокс ситуации заключается в том, что в основном это были люди, которых власть сначала использовала в борьбе с сионизмом и еврейским традиционализмом, а потом, когда эта задача была выполнена, цинично и без сожаления обрекла на смерть. Такова реальность еврейской жизни в Стране Советов.

«Великое переселение» евреев повторялось неоднократно.

История еврейской колонизации – один из последних эпизодов истории СССР, в котором евреи были не объектом, а субъектом исторического процесса.

Перрон Биробиджанского вокзала!
Взошла твоя счастливая звезда.
Ни водокачки, ни большого зала
Тут не было, но были поезда,
Сердито отдуваясь, привозили
Они народ со всех концов России.
Вот едут Туняевка и Шпола,
Вот Витебск, Минск, Одесса и Лугин,
И на вокзале тяжело стонут шпалы,
Висят гудки, протяжны и туги.

²¹ Рабинович Я. И. В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории. М.: Международные отношения, 2002. Т. 2. С. 243–279.

Эти строки молодого Э. Казакевича мало что говорят современному читателю.

А тогда, более семидесяти лет назад, когда задумывалось «великое переселение» еврейского народа, на какое-то, пусть недолгое, время совпали конъюнктурные расчеты партийных вождей, национальные утопии еврейских общественных деятелей и устремления широких еврейских масс.

Что же побуждало советскую власть поддерживать планы еврейского переселения и колонизации? Во-первых, социально-экономические проблемы. В стране проживало около трех миллионов евреев, и большинство их находилось в нищенском положении. Последствия выселения из прифронтовой полосы в период Первой мировой, уничтожение во время погромов Гражданской войны, изменение экономического строя, сворачивание НЭПа поставили еврейское население на грань вымирания.

Семнадцатого января 1928 г. еврейская переселенческая организация КОМЗЕТ (Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Совете национальностей) обратилась в ЦИК СССР с просьбой передать в ее распоряжение для сплошного заселения евреями некую территорию на Дальнем Востоке под условным названием «Бирско-Биджанский район» (на деле – Михайло-Семеновский и Екатерино-Никольский административные районы и часть Хингано-Архаринского района)²². ЦИК СССР не поскупился: его постановление от 28 марта 1928 г. закрепило за КОМЗЕТ свободные земли в Приамурской полосе ДВК, включающие Бирско-Биджанский район и доходящие почти до самого Хабаровска. При этом сразу была оговорена «возможность образования на территории указанного района еврейской национально-административно-территориальной единицы»²³. Автоматически весь выделенный район упоминался как Бирско-Биджанский. При переводе на идиш, подчиняясь правилам грамматики, это название трансформировалось в «Бире-Биджанер район», коротко «Бире-Биджан» или, на русский манер, «Биробиджан» (соединительная гласная «о» не свойственна идишу). Во второй половине 30-х гг. обе формы постепенно слились в одну – русскую – в результате реформ в советском идише.

В считанные недели не существовавший до этого ни на одной карте «Биро-Биджан» стал достоянием еврейской и нееврейской общественности. Так, уже 1 марта 1928-го, еще до решения ЦИК СССР, в новом киевском литературно-политическом журнале «Пролетарише фон» появилось вдохновенное стихотворение Давида Гофштейна «Бире-Биджан», в котором поэт воспекает некую страну на «Дальнем Севере у великого моря», еще не вполне представляя себе ее географическое положение.

20 августа 1930 г. было принято решение ЦИК РСФСР о преобразовании «Биробиджана», занявшего территорию четырех различных административных районов, в отдельную самостоятельную административно-территориальную единицу в составе ДВК²⁴. В апреле 1931 г. этому району площадью около 35 тыс. кв. км²⁵ был передан в административное подчинение примыкающий на востоке огромный Амуро-Тунгусский район, в результате чего площадь «Бире-Биджана» выросла до 72 тыс. кв. км. 30 сентября 1931 г. ЦИК РСФСР принял еще одно постановление касательно «Бире-Биджана», в котором было намечено образование еврейской автономной административно-территориальной единицы в границах Биробиджанского района к концу 1933 г.²⁶ О том, какая это будет единица, речь пока не шла, поскольку темпы еврейского переселения совсем не радовали.

²² Левави (Бабицкий) Я. Еврейская колонизация в Биробиджане. Иерусалим, 1965. С. 349 (на иврите).

²³ См.: «Трибуна еврейской советской общественности», 1928. № 6.

²⁴ Земля, на которой я счастлив. Хабаровск, 1984. С. 81.

²⁵ См.: «Трибуна еврейской советской общественности». 1931. № 11. С. 11.

²⁶ Левави Я. Еврейская колонизация в Биробиджане. С. 352.

Анализ всех этих административно-территориальных пертурбаций и их целей заслуживает отдельной статьи. В данном случае нас интересует другой аспект. В еврейской литературе и публицистике территория «Бире-Биджана» вне зависимости от ее официального статуса с самого начала называлась «ланд» – страна, причем уже тогда это означало «еврейская страна». Жители этой «страны» назывались биробиджанцами; первый совхоз, основанный в мае 30-го на базе корейского села Благословенное, был назван Биробиджанским зерносовхозом, 1 января 1931 г. в селе Екатерино-Никольское начались занятия в Биробиджанском техникуме механизации сельского хозяйства; общерайонные (позже областные) газеты на русском и на идише, основанные в октябре 1930 г., также получили соответствующие названия – «Биробиджанская звезда» и «Биробиджанерштерн». Города Биробиджана на тот момент еще не существовало: лишь в ноябре 31-го, по той же логике, центр района станцию Тихонькая переименовали в рабочий поселок Биробиджан. Первое беллетристическое произведение на идише на биробиджанскую тематику, вышедшее в 1929 г. – путевые заметки Меира Альбертона «Бире-Биджан», – посвящено первым еврейским переселенцам; строительству «еврейской страны Биробиджан» была посвящена первая вышедшая в самом Биробиджане в 1932 г. книга на идише – сборник стихов девятнадцатилетнего поэта Эммануила Казакевича «Биребиджанбой» (Биробиджанстрой); рассказ Моше Гольдштейна «Биребиджанерафн Амур» (Биробиджанцы на Амуре) посвящен строителям коммуны Икор и т. д. и т. п.

Преобразование района в Еврейскую автономную область постановлением ЦИК СССР от 7 мая 1934 г. (окончательная территория составила около 36 тыс. кв. км: Амуро-Тунгусский район был возвращен Хабаровскому краю по просьбе Биробиджанского руководства, а на западе к области присоединили поселок Облучье и окрестности)²⁷ придало более солидный официальный статус «еврейской стране Бире-Биджан», но практически не изменило ее сути, став лишь очередной внешней характеристикой. На вопрос «Что такое Бире-Биджан?» отныне следовало отвечать: «Еврейская автономная область». Официозный сборник, изданный к 50-летию области, – «Земля, на которой я счастлив» – разъясняет решение ЦИК СССР от 28 марта 1928 г., утверждая следующее: «Идея создания Еврейской автономной области лежит в самой сути национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства». Это утверждение, сделанное много лет спустя после образования области, как и многие другие, является по сути дела манипуляцией, основанной на подмене понятий. В том же духе составлено уже в 1992 г. и местное учебное пособие «Еврейская автономная область»: «Мысль о создании автономной области для евреев возникла давно. Еще Ленин в 1919 г. указывал на целесообразность устройства еврейской автономной единицы...»²⁸. Так о чем идет речь – об автономной области как таковой или о какой-то иной «автономной административно-территориальной единице»? Автономии ведь бывают разные. Создается впечатление, что «автономная область» – это максимальный статус, на который евреи с самого начала могли рассчитывать в СССР, в отличие, например, от немцев, для которых была создана автономная республика на Волге.

На самом деле 28 марта 1928 г. ЦИК СССР не ставил своей конечной задачей именно «создание Еврейской автономной области», как не ставил он этого и при провозглашении ЕАО в 1934 г. Речь шла лишь об очередном шаге по закреплению за евреями данной территории. В кулуарах же Центрального бюро евсекций при ЦК ВКП(б) с самого начала поговаривали об автономной республике. А через три недели после провозглашения ЕАО, 28 мая 1934 г., «всесоюзный староста» Михаил Калинин заявил на встрече с еврейскими рабочими Москвы и представителями еврейской прессы, что преобразование области в республику – это вопрос

²⁷ Левави Я. Еврейская колонизация в Биробиджане. С. 357.

²⁸ Богорад Г., Вайсерман Д., Шведов В., Кабанцова Е. «Население и культура», «Еврейская автономная область» // Под ред. Ф. Ряиского. Биробиджан, 1992. С. 59.

времени: нужно лишь подождать, пока в «Бире-Биджане» будут сконцентрированы сто тысяч евреев. Калинин подчеркнул, что правительство видит в Бире-Биджане национальное еврейское государство, являющееся основой для еврейской нации²⁹.

Таким виделся «Бире-Биджан» современникам – как «еврейское национальное государство» по своей сути, тогда как «район», «область» и даже так и не созданная «республика» – лишь его внешние и, при всей их важности, формальные характеристики (определение Татарии как Советской Автономной Социалистической Республики не меняет ее сути как татарского национального государственного образования). То есть, в принципе, неважно, как определяется это государственное образование, важно лишь, насколько оно в самом деле автономно и национально. Евреи, поселившиеся в «Биробиджане», должны были во всех отношениях стать счастливыми хозяевами этой земли.

Надежду именно на это выражает широко распространенная до сегодняшнего дня в «Бире-Биджане» цитата из Э. Казакевича: «Земля, на которой я счастлив», где «земля» – это «Бире-Биджан», а «я» – собирательный образ именно еврея, причем слово «земля» объединяет как минимум два семантических поля – во-первых, кампанию по «землеустройству трудящихся евреев», а во-вторых – извечную тему особой «еврейской земли».

Сочетание «биробиджанский еврей» должно было превратиться в особое понятие, вызывающее чувство национальной гордости и причастности не только у местного населения, но и у всей еврейской «диаспоры». Ярким примером этому могут служить слова наркома путей сообщения Лазаря Кагановича, неожиданно потребовавшего на встрече с артистами Московского ГОСЕТа в конце 1936 г. кардинальным образом изменить репертуар: «Я бы хотел видеть, что ваша игра вызывает чувство гордости за сегодня и за вчера. Где Маккавеи, где Бар-Кохба... где биробиджанский еврей?»³⁰

Со второй половины 1934 г. название «Еврейская автономная область» вошло в широкий обиход, особенно в административном делопроизводстве, при этом массовое использование топонима «Бире-Биджан» не прекратилось. Эта «двойная география» существовала вполне официально и никого не смущала³¹ вплоть до начала войны с нацистской Германией, когда еврейское переселение практически прекратилось. На борту выпущенных во время войны на средства биробиджанских колхозников самолетов уже было выведено «Еврейский колхозник»³², что говорит о формировании нового топонима: не все колхозники были евреями, но все они жили в Еврейской области³³.

В политическом плане было желание противопоставить нечто весомое сионизму, искоренить «политику государственного антисемитизма» царского правительства. Нарком здравоохранения Н. А. Семашко писал: «Мы всеми средствами приходим на помощь любой бедноте любой национальности, но мы не скрываем, что советская власть, как мать, должна, прежде всего, приглядывать к тому ребенку, который веками угнетался, который жил в наихудших условиях».

Работа по еврейскому землеустройству с привлечением зарубежных организаций – Еврейского колониционного общества (ЕКО), Общества ремесленного труда (ОРТ), Американского еврейского объединенного распределительного комитета («Джойнт») – велась в нескольких направлениях.

Задача ставилась грандиозная – переселить «на землю» за десять лет полмиллиона евреев. На деле все выглядело следующим образом. За период с 1925 по 1937 г. было пересе-

²⁹ Калинин М. Об образовании ЕАО. М., 1935. С. 22.

³⁰ Шейн И. Вокруг Московского еврейского театра. Париж, 1964. С. 139–155 (на идише).

³¹ Друзинов М. Еврейская автономная область (Биробиджан). М., 1934 (на идише).

³² Козаченко М. Все для фронта, все для победы. «Биробиджанская Звезда», 10.04.84.

³³ Котлерман Б. Биробиджан или Еврейская автономная область? «Лехаем», 2007. № 5.

лено 126 тыс. человек, из которых на местах закрепилось только 53 тыс., т. е. 42 %. Переселение не стало решением социальных проблем евреев бывшей черты оседлости. Большинство, прежде всего молодежь, переселилось из бывших местечек (штетлов) в большие города. Окончательную точку в истории штетлов поставила война: еврейское население было уничтожено нацистами.

Основными районами переселения стали Южная Украина, позднее Северный Крым и, наконец, Приамурье (Биробиджан). Национальная автономия была представлена национальными еврейскими сельсоветами (160 – в Украине, 29 – в Крыму, 27 – в Беларуси), пятью национальными еврейскими районами (Калининдорфский, Новозлатопольский, Сталиндорфский – в Украине, Фрайдорфский и Лариндорфский – в Крыму) и, наконец, Еврейской автономной областью на Дальнем Востоке. Всего еврейским колонистам (без учета Биробиджана) было предоставлено около 500 тыс. гектаров пахотной земли.

Если советское правительство выделяло вновь создаваемым еврейским хозяйствам землю, то средства на ее освоение – в основном зарубежные организации. Например, одним только «Агро-Джойнтом» в течение двадцатых годов была оказана помощь крымским колониям в размере свыше 5 млн долларов.

В 1924 г. для реализации планов еврейской аграрной колонизации были созданы две специальные структуры: одна – государственная – Комитет по землеустройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ), другая – формально общественная – Общество земельного устройства трудящихся евреев (ОЗЕТ).

КОМЗЕТ и ОЗЕТ возглавили авторитетные старые большевики, первый – П. Г. Смидович, второй – сначала Ю. Ларин (М. А. Лурье), затем – С. М. Диманштейн.

Советский Союз до 1938 г. проводил активную «еврейскую» политику. Аграрная колонизация была важнейшей частью этой политики, а КОМЗЕТ и ОЗЕТ – чем-то вроде «еврейского правительства» в СССР. Кроме того, ОЗЕТ вело большую издательскую работу, выпускавшая на идише, русском, украинском и других языках массу периодики, книг, брошюр, в том числе журнал «Трибуна» (на русском языке). Престиж ОЗЕТа поддерживало то, что членами правления его были видные деятели культуры, такие как С. Михоэлс и В. Маяковский.

Число членов ОЗЕТ к началу 30-х гг. достигло триста тысяч человек, но это членство носило формальный характер, так как коллективными членами ОЗЕТ становились коллективы заводов, воинских частей, вузов и т. п. Задуманное дело было грандиозно по своим масштабам, а средств не хватало. На рассмотрение Совнаркома СССР было вынесено ходатайство ОЗЕТ о проведении первой лотереи.

Всего был выпущен миллион билетов, стоимостью по 50 копеек каждый. Надписи были на идише, русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, арабском языках.

Всего состоялось пять розыгрышей, в 1928, 1929, 1931, 1932 и 1933 гг. Максимальными они были во второй лотерее, в 1931 г. были выпущены уже 6 млн билетов, разыгрывались 25 853 выигрыша на сумму 420 тыс. рублей.

Список выигрышей поражает воображение даже сейчас. Предлагались поездки – вокруг света на четыре месяца, в США на полтора месяца с посещением крупнейших центров со значительным еврейским населением, в Западную Европу по любому маршруту на один месяц или в Биробиджан на полтора месяца, по Волге, по южному берегу Крыма и на Кавказ с отдыхом в санаториях, в еврейские земледельческие поселения и в Одессу. Разыгрывались трехкомнатный дом-квартира в любом пункте СССР, переселенческое хозяйство (дом, скот, сельскохозяйственные машины) на земельном наделе, полное заграничное техническое оборудование кустарной мастерской (слесарной или столярной), автомобиль «Форд» и трактор «Интернациональ», мотоциклы, парусные лодки, велосипеды, швейные машинки, фотоаппараты, американские вечные перья марки «Паркер», самобрейки фирмы «Жиллет». А для духовного развития – собрания сочинений В. И. Ленина, М. Горького и Л. Толстого, Большая советская

энциклопедия, альбом художника И. Б. Рыбака из жизни еврейских земледельческих колоний, ОЗЕТ-библиотека... Это далеко не полный перечень вещей, весьма дефицитных в то время.

Население с энтузиазмом откликнулось на лотерею. На местах возникал «голод» на билеты. Только Украина запросила свыше 500 тыс. билетов.

Широко пропагандировался фильм «Еврей на земле», снятый Абрамом Роммом по сценарию Владимира Маяковского и Виктора Шкловского.

Первый розыгрыш ОЗЕТ-лотереи состоялся 13 мая 1926 г. в Московском государственном еврейском театре. Средства, вырученные от первой лотереи, должны были пойти в основном на обустройство земледельческих колоний в Украине и Крыму. Украинские степи и Крым находились недалеко от районов традиционного расселения еврейского населения. Однако уже в это время существовали проблемы. Своих денег у переселенцев, как правило, не было, а обеспечить всех благотворительной помощью не представлялось возможным. Доходы от первых лотерей не стали той спасительной силой, на которую рассчитывали организаторы. Большая часть средств осела в бюджетных карманах государства и была потрачена на пропагандистские мероприятия. Коллективизация нанесла непоправимый урон еще не окрепшим еврейским поселениям. А нагрянувший вскоре голод погнал массы поселенцев в города, навсегда отбив у них «охоту к перемене мест».

В 1928 г. появился Биробиджанский проект. Противники его находились и среди руководителей еврейских организаций. Но тем не менее план освоения края был утвержден, и под лозунгом «В еврейскую страну!» первые эшелоны с евреями-переселенцами стали прибывать на станцию Тихонькая (будущий город Биробиджан). Опасения противников оказались во многом оправданы. Отдаленность Биробиджана, тяжелый и непривычный климат, отсутствие нормальных бытовых условий заставили многих переселенцев вернуться. В 1928–1932 гг. из двадцати тысяч переселенцев осталось только семь тысяч. К 1938 г. в Еврейской автономной области проживало двадцать тысяч евреев, что составляло 25 % населения края.

Советское правительство старалось усилить привлекательность Дальнего Востока для переселенцев за счет повышения статуса еврейской автономии. В 1934 г. была образована Еврейская автономная область, город Биробиджан должен был стать центром еврейской культуры. Редактором газеты «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда») стал Генрих Казакевич – отец писателя Эммануила Казакевича. Ждали переезда в Биробиджан крупнейшего еврейского писателя Давида Бергельсона, для которого построили отдельный дом. Были организованы еврейский театр и библиотека им. Шолом-Алейхема. О Биробиджане писали Д. Бергельсон, Дер Нистер, П. Маркиш, Д. Гофштейн. В Биробиджане выросла целая плеяда молодых литераторов: Эм Казакевич, А. Вергелис, Б. Миллер, Х. Бейдер.

Все закончилось в 1937–1938 гг. Уже в середине 30-х гг. ОЗЕТ утратил свои функции. В 1937 г. его руководство было репрессировано. А в мае 1938 г. ОЗЕТ было ликвидировано специальным постановлением ЦК ВКП(б) как «притон для всяких контрреволюционных бундовских элементов, перебежчиков и шпионов». В деле еврейской колонизации и создании еврейских автономий была поставлена точка. Переселение евреев как в Крым, так и на Дальний Восток было прекращено, прерваны контакты с зарубежными организациями, советские сотрудники, работавшие в них, были репрессированы. В 1938 г. были упразднены еврейские районы и сельсоветы, закрыты еврейские школы.

Особенно тяжело сталинские репрессии ударили по Биробиджану. Были уничтожены большинство руководителей – от первого секретаря обкома до председателей колхозов. Из ста тысяч населения области репрессиям подверглись более 7,5 тысячи.

Еврейские сельскохозяйственные поселения в Крыму и в Украине вместе с населением смела Вторая мировая война. Слабую попытку возрождения еврейской автономии в Крыму после войны использовали как предлог для уничтожения Еврейского антифашистского коми-

тета. Окончательный удар по Еврейской автономной области был нанесен в 1948–1949 гг., в годы разгула государственного антисемитизма³⁴.

Прежде чем приступить к изложению основных причин, побудивших советское правительство приступить к решению еврейского вопроса по созданию Еврейской автономной области в районе Биробиджана, необходимо кратко вспомнить, что толкнуло государственные власти на этот шаг.

Дело в том, что первые еврейские сельскохозяйственные колонии были созданы на территории Советской Украины в 1922 г. Из земельных фондов Украины, включая Крым, было выделено 320 тыс. десятин земли, ранее принадлежавших крупным помещикам, а также часть земель, которые никогда не использовались в связи с отдалением от водных ресурсов. На эти земли переселилось свыше восьмидесяти тысяч евреев. Осознавая всю сложность создавшейся ситуации, трудности, с которыми встретились евреи-земледельцы, благотворительная американская организация «Джойнт» направляла в хозяйства технику, семена, строительные материалы. Глава ОЗЕТа Юрий Ларин считал возможным переселение в Крым 280 тыс. евреев и создание в Крыму их республики. Однако еврейские коммуны в Крыму находились далеко от моря, им достались окаменевшая земля, сухие изнуряющие ветры и сложные проблемы с водой. Новоселы жили в землянках или наспех сколоченных бараках. При этом, не имея навыков к сельскохозяйственному труду и используя самые примитивные формы земледелия, евреи-крестьяне продолжали бедствовать, хотя трудились с утра до ночи. Даже при существенных инвестициях и трудозатратах доходность и производительность еврейских земельных хозяйств в условиях Северного Крыма были чрезвычайно низкими и в перспективе ничего хорошего не сулили.

Каково было отношение правительственных кругов к переселению евреев на юг Украины и северную часть Крыма? 20 февраля Еврейское телеграфное агентство в Нью-Йорке сообщило, что такие видные советские политики, как Троцкий, Каменев и Бухарин, расценили крымский проект положительно. Той же позиции придерживались нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, председатель ЦИК СССР М. И. Калинин и председатель Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровский. Очевидно, и Сталин поддерживал на первых порах крымский вариант еврейской колонизации. Но самым горячим сторонником и пропагандистом этой идеи стал Ю. Ларин. Выходец из интеллигентной еврейской семьи, уроженец Крыма, он уже в юности вступил на путь революционной борьбы, став одним из организаторов в начале века Крымского союза РСДРП. Хорошо знавший Ларина Ленин высоко ценил его организаторские способности и горячую увлеченность порученным делом, но вместе с тем отмечал авантюризм и эмоциональную неуравновешенность, присущие натуре этого человека. Еще более тесные отношения сложились у Ларина со Сталиным, которого он в записках, относящихся к 1926 г., позволял себе называть «дорогой Коба», позже он горячо поддержал Сталина в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией, а потом в проведении насильственной коллективизации. Ларину главным образом и принадлежала идея еврейской автономии в Северном Причерноморье. Однако в советском руководстве существовала и сильная оппозиция этому намерению. Нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов решительно выступил как против создания КОМЗЕТа, так и еврейской крымской автономии, мотивируя свою позицию тем, что «сильное выпячивание устройства еврейских масс было бы явной несправедливостью по отношению к остальному населению и политически совершенно недопустимым делом, так как сыграло бы на руку антисемитам», а «образование автономной еврейской единицы на чужой территории из пришлых со стороны элементов явится совершенно искусственным и в этом отношении самым резким образом разойдется с принятым порядком образования автономных областей в СССР,

³⁴ Озерянская И. Великое переселение» евреев. «Еврейские вести», 2005. № 8, август.

который основывается на началах самоопределения национальностей...»³⁵. Такой же точки зрения придерживались и некоторые украинские руководители, например нарком юстиции Н. А. Скрыпник, а также секретарь ЦК КП(б)У Э. И. Квиринг, который, выступая в мае на VIII Всеукраинской партийной конференции, заявил: «Мы ничего не имеем против того, чтобы образовывались те или иные республики национальных меньшинств, но специально собирать евреев в одно место – это не логично, это пахнет сионизмом»³⁶.

Однако Ларин и его единомышленники не обращали внимания на подобные выпады. Заручившись поддержкой в верхах, они действовали решительно и оперативно.

Решительно против создания еврейской автономии выступал председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов, который настаивал на приоритете репатриации в Крым сотен тысяч татар, выехавших в Турцию и другие страны в XIX – начале XX в., но в ЦК партии его предложения не нашли надлежащей поддержки.

Необходимо учесть важное стратегическое значение Крыма в системе обороны южных рубежей страны. Однако внешнеполитический фактор лишь отчасти определял настоящее и будущее крымского проекта. Была еще одна весьма существенная причина, препятствовавшая созданию еврейской автономии в Северном Причерноморье. На юге Украины, где, как и в Крыму, проводилось землеустройство евреев, насчитывалось до 5 млн безземельных крестьян из числа коренного населения. Если учесть, что на их глазах еврейские колонисты получали бесплатно земельные угодья, заграничную сельскохозяйственную технику, семена и породистый скот, тогда как коренным жителям власти предлагали искать лучшую долю на обширных пространствах за Уралом, становятся очевидными некоторые причины, вызвавшие взрыв массового антисемитизма в стране. То обстоятельство, что борьба государства с антисемитизмом постепенно оборачивалась репрессиями против самих же евреев, воспринималось создавшимся Сталиным аппаратом отнюдь не как нелепый парадокс, а как своеобразная диалектика жизни, ибо наверху с годами крепло убеждение, что массовую юдофобию порождает не столько шовинизм, сколько провоцирует сама еврейская общественная активность. Уже в 1927 г. исподволь началось свертывание еврейского землеустройства в Крыму. Эта политика правительственными органами велась осторожно (чтобы не лишиться финансовой поддержки, получаемой от «Агро-Джойнта»). В последующие годы роль Крыма в аграризации евреев продолжала падать. Особенно это стало заметным после смерти в 1932 г. Ларина (он был инвалид с детства и страдал прогрессирующей атрофией мускулов). Его прах по указанию Сталина был замурован после пышных похорон в Кремлевскую стену. Такую почесть Ларин заслужил исключительной преданностью вождю.

За все годы переселения в Крым туда было направлено 47 740 евреев, однако на начало 1939 г. в тамошнем сельском хозяйстве из них продолжали работать только 18 065. А всего на полуострове перед войной проживало 65 452 еврея, что составляло 5,8 % общего его населения³⁷.

Дело состояло еще в том, что мыслящая еврейская элита прилагала много усилий для решения еврейской территориальной проблемы. В эти годы еврейская колонизация Палестины вследствие обострения экономических и национальных проблем в этом регионе заметно про буксовывала. По темпам она в четыре раза отставала от еврейского землеустройства в России. Как свидетельствуют документальные данные, дело дошло до того, что в 1927 г. реэмиграция из Палестины превысила иммиграцию на 87 %. 16 мая 1926 г. в Яффе бывшие российские подданные даже организовали некий «Союз возвращения на родину». И хотя 3 января 1927 г. комиссия Совета Труда и Оборона СССР приняла постановление, в котором было сказано:

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 193. Л. 188–189.

³⁶ Там же. Л. 5.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 868. Л. 4. КЕЭ. Т. 8. С. 297.

«содействие массовой эмиграции евреев из Палестины» признано нецелесообразным, тем не менее, например, в 1928 г. группе в сто человек удалось переселиться оттуда в Крым и создать там коммуны «Воля нова»³⁸.

Мировой еврейской общественности, исходя из создавшейся ситуации, пришлось искать выход, эту миссию возложили на «Джойнт». Ее руководитель Джеймс Розенберг в 1926 г. специально приезжал в Москву и, несмотря на противодействие руководства ВСО, настаивавшего на бесперспективности еврейских проектов в России, в этой «стране погромов», 31 декабря 1927 г. заключил с советским правительством новый трехлетний договор, который 15 февраля 1929 г. был продлен до 1953 г. «Агро-Джойнт» обязался представить правительству СССР заем в 9 млн долларов под пять процентов годовых и с семнадцатилетним сроком погашения. Еще большая сумма выделялась советской стороне в виде безвозмездной финансовой помощи. Это весьма важное соглашение было поддержано как официальными кругами США – президентом Г. Гувером, так и финансовыми – Дж. Рокфеллером³⁹.

В эти годы, когда бурными темпами шла реконструкция советской экономики, строились гиганты отечественного машиностроения, весьма важные объекты оборонного значения, Сталина не могли не радовать эти денежные вливания, за которые можно было приобрести необходимое оборудование для строившихся заводов. Эти сделки между СССР и США были заключены в период серьезного ухудшения отношений между СССР и Великобританией, приведшего к разрыву дипломатических отношений между ними в мае 1927 г. Своими конкретными действиями Советский Союз как бы способствовал развитию той важнейшей в понимании Сталина тенденции в мировой политике, которую он сформулировал как «обострение противоречий между двумя гигантами империализма, между Америкой и Англией»⁴⁰.

Необходимо учесть, что внешнеполитический фактор лишь отчасти определял настоящее и будущее крымского проекта. В значительно большей степени его реализация зависела от дальнейшего развития политической и экономической ситуации внутри страны. В эти годы проходил процесс резкого свертывания НЭПа, переход к директивной и централизованной экономической модели развития, насильственная коллективизация сельского хозяйства, перерождение диктатуры партии в диктатуру вождя, происходившее на фоне разгрома партийной оппозиции, закручивания идеологических гаек и ужесточения террора. К тому же причерноморские земли, на которых планировалась организация еврейской автономии, входили в состав двух союзных республик – РСФСР (Крым) и УССР (юг Украины), что также осложняло ситуацию.

Успехи евреев-тружеников в Крыму были очевидными: в 1925 г. в Крыму имелось в наличии 1097 виноградарских и хлеборобских хозяйств, которые обрабатывали 9024 гектара земельной площади. Уже в те годы они имели в своем распоряжении 106 грузовых автомобилей, 34 трактора и другую сельскохозяйственную технику, лошадей, молочные фермы. В 1930 г. еврейских виноградарских и хлеборобских хозяйств на Крымском полуострове было уже 5151. Они обрабатывали 34 928 гектаров земельной площади, имели в своем распоряжении 405 тракторов, четыре тысячи автомашин и другую сельскохозяйственную технику, кроме того – молочный скот.

Уже в 1926 г. еврейское население Крыма насчитывало 45 926 человек, в 1941 г. – 70 тыс., из них в Симферополе проживало около 20 тыс. человек. На крымской земле евреи показали, что они могут запущенные малопродуктивные земли превратить в цветущие сады и виноградники, собирать высокие урожаи зерновых культур, обеспечивать крымские здравницы высококачественными молочными продуктами, а также овощами, мясными продуктами.

³⁸ Большая советская энциклопедия (БСЭ). Изд. 1. М., 1932. Т. 24. С. 55.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1308. Л. 42–43 об.

⁴⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 297.

О том, как трудились евреи в Крыму на колхозных полях, рассказывает непосредственный труженик, комбайнер колхоза «Соцдорф» Михаил Шпигельман:

– Мне выпало в детские и юношеские годы жить среди евреев-хлеборобов, работать комбайнером в колхозе «Соцдорф», что неподалеку от Евпатории. В моей памяти живы самые светлые воспоминания о них: не герои, не выдающиеся – обыкновенные, простые труженики. Но какое трудолюбие, благородство, какая кристальная честность и национальная гордость, самобытность, трезвый образ жизни и чувство юмора!

Бытует предвзятое мнение о якобы неуважительном отношении евреев к физическому, особенно крестьянскому, труду. Есть даже антисемитская поговорка: «Где вы видели еврея с лопатой?».

Это злонамеренная ложь, и я хочу ее опровергнуть. Время торопит – мой восьмой десяток близится к концу.

Мои односельчане с уважением относились к физическому труду, но труду высокопроизводительному, творческому, который дает видимые, ощутимые результаты. Уже в 35-м – колхоз-миллионер, в 37-м – дважды миллионер, а в предвоенном – четырежды миллионер. За всем этим – колоссальный труд в союзе с наукой того времени. Строгие севообороты и подбор семян с помощью ученых, племенное животноводство, свои мини-цеха по переработке сельхозпродукции, мини-мастерские для обеспечения занятости жителей села в зимний период, свой магазин в Евпатории для реализации продуктов, своя электростанция на паровой машине и динамо, колхозная стипендия направляемым на учебу для нужд села, сотрудничество колхозных виноградарей с массандровскими учеными – вот неполный перечень того, что способствовало успеху.

Еврейские колхозы в Крыму являлись прообразом израильских киббуцев⁴¹.

Такое количество еврейского населения не могло не оставить заметный след в развитии экономики, науки, культуры. Большую помощь еврейским поселенцам оказывали американские организации «Джойнт» и «Агро-Джойнт». В тесном содружестве с ними работала государственная организация КОМЗЕТ.

В сложных условиях евреи-труженики осваивали пустующие земли Крыма, где необходимо было использовать искусственное орошение, чтобы вырастить урожай зерновых и технических культур, превратить пустующие земли в цветущие сады, виноградники.

В этой ситуации советская власть могла предложить евреям-земледелцам то же, что и остальным крестьянам, – коллективизацию, и, как во всей стране, она шла принудительно высокими темпами. Так, к 1931 г. – 95 % еврейских хозяйств стали колхозами. Этот процент был самым высоким среди крестьян национальных меньшинств Украины. О тяжелом положении евреев-хлеборобов свидетельствуют архивные документы. Из докладной записки заведующего Евсекцией ЦК КП(б)У: «...на Еврейских переселенческих фондах создалось в высшей степени тяжелое положение, люди также в буквальном смысле голодают. Значительное количество семей уже неделями кормится суррогатами... Это грозит полнейшей катастрофой для всего еврейского населения»⁴².

Из опыта проведения коллективизации понятно, что первыми шли в колхозы преимущественно бедняки и где их было больше, там был выше процент коллективизации. Зажиточных хозяев, которых тогда называли кулаками, в колхозы загоняли силой и репрессиями. В результате чего сельское хозяйство Крыма постепенно пришло к полному краху.

То, что крымская автономия так и не была создана, объясняется прежде всего тем, что еще весной 1927 г. в качестве альтернативы ей было избрано переселения евреев на Дальний Восток. Этот вариант решения еврейского вопроса в СССР представлялся тогда сталин-

⁴¹ «Еврейские вести», 2005. № 8, август.

⁴² ЦГАООУ (Центральный госархив общественных организаций Украины). Ф. 1. Он. 20. Д. 2689. Л. 7.

скому руководству оптимальным, особенно в пропагандистском плане. Во-первых, евреям как бы предоставлялась реальная возможность национально-государственного строительства, что называется, с чистого листа, на необжитой, но собственной территории и превращение в перспективе в соответствии со сталинским учением в полноценную социалистическую нацию. Во-вторых, радикально решалась проблема трудоустройства десятков тысяч разорившихся и оказавшихся безработными вследствие свертывания НЭПа еврейских торговцев, кустарей и ремесленников, которые теперь могли помочь государству в решении важных экономических (в этом регионе были обнаружены богатые залежи графита, золота, марганцевой и железной руд) и военно-стратегических задач на отдаленной и неосвоенной территории. В-третьих, в отличие от Крыма, Дальневосточный регион находился на значительном удалении от центров мировой политики, и Сталин мог без особой оглядки на внешний мир ставить там свои национальные эксперименты. Наличие по соседству, на другой стороне советско-китайской границы, поселений казаков-эмигрантов власти в СССР не смущало. Наоборот, это воспринималось ими как весьма удачное обстоятельство: ведь благодаря присутствию евреев, мягко говоря не симпатизировавших бывшим белогвардейцам, надежность охраны границ могла только усиливаться. В-четвертых, поскольку начиная с 1927 г. вооруженные силы Японии все активнее вмешивались во внутренние дела бурлившего от внутренних распрей Китая и в 1931 г. начали оккупацию его северо-восточной провинции Маньчжурии, советское правительство должно было укрепить общую обороноспособность Приамурья, в том числе и за счет переселения туда евреев. В-пятых, дальневосточный проект, в отличие от крымского, не только не стимулировал рост антисемитизма, но, наоборот, благодаря перемещению евреев из густонаселенной европейской части СССР, с ее исторически сложившимися очагами юдофобии, в почти безлюдный край достигалось сокращением масштабов этой социальной хронической болезни. И наконец, захватившей страну с конца 20-х гг. пафос индустриализации сделал «немодным» решение еврейского вопроса аграрным способом, который, как уже было сказано выше, в условиях Крыма показал свою экономическую несостоятельность, так как был сопряжен с крупными финансовыми издержками.

Учитывая эти и другие моменты и соображения экономической, пропагандистской и политической целесообразности, руководство страны постановлением СНК СССР от 18 марта 1928 г. удовлетворило ходатайство, подготовленное КОМЗЕТом о закреплении за ним примерно 4,5 млн гектаров приамурской полосы Дальневосточного края, и санкционировало начало массового переселения туда евреев.

Планировалось в течение первых пяти лет переместить на новое место 12–15 тыс. хозяйств, а потом довести их количество до 35–40 тыс. Вскоре в район железнодорожной станции Тихонькая, где началось строительство города Биробиджана – будущей столицы еврейской автономии, потянулись первые составы с переселенцами. Однако желающих добровольно отправиться в дикий таежный край с суровым климатом, девственными лесами и топкими болотами нашлось не так уж много. В 1928–1929 гг. туда прибыло только 2825 евреев. Положение несколько улучшилось после того, как 20 февраля 1930 г. Диманштейн (в следующем году он возглавит ОЗЕТ, прежнее руководство которого делало ставку на Крым) обратился в ЦК с просьбой санкционировать восстановление в гражданских правах тех евреев-«лишенцев», которые согласятся переселиться в Биробиджан. Уже 25 апреля ВЦИК удовлетворил это ходатайство, приняв соответствующее постановление. С этого момента началось новое переселение евреев страны.

Следующим шагом по пути следования дальневосточному варианту решения еврейского вопроса в СССР стало образование 20 августа 1930 г. Еврейского национального Биробиджанского района. Тем самым для практического воплощения принималась сталинская территориальная модель формирования социалистической нации, что как бы подводило черту под многолетней дискуссией о путях к еврейскому национальному будущему. Правда, думается, что

сам верховный вдохновитель этого судьбоносного решения не мог с самого начала не понимать, что еврейская многовековая мечта об обретении собственного национального очага вряд ли осуществима в условиях сурового и отдаленного от центров цивилизации региона. Тем не менее планы концентрации евреев в Приамурье были впечатляющими: 60 тыс. человек – к концу первой пятилетки (к 1933 г.) и по завершении второй (1938) – достижение показателя в 150 тыс., при общей численности населения района в 300 тыс. Впрочем, проблема реальной достижимости этих цифр вряд ли особо волновала Сталина. Для него еврейский Биробиджан был скорее всего лишь демагогическим формальным жестом, который, с одной стороны, должен был убедить советское и мировое общественное мнение в его искреннем стремлении обеспечить полноценное национальное будущее для евреев СССР, а с другой – послужить своеобразным прикрытием его ассимиляторской политики.

Между тем, несмотря на значительные усилия властей (материальные и пропагандистские) по еврейскому обустройству в Биробиджане, дела там шли далеко не лучшим образом. Из двадцати тысяч евреев, направленных туда начиная с 1928 г., к 1934-му осталось на постоянное жительство меньше половины. Возникли проблемы с иностранными переселенцами. На призыв Коминтерна международное политически левоориентированное еврейство активно откликнулось помочь своим братьям в СССР. В 1928 г. в США была создана даже специальная общественная организация ЦКОР (*The Organization for Jewish Colonization in Russia*), которая в 1929 г. заключила с советским правительством договор об оказании помощи в освоении евреями Дальнего Востока. Тогда же она направила в Биробиджан экспедицию во главе с профессором Чарльзом Кунцем, которая дала заключение о том, что обследованная ими местность вполне пригодна к заселению. Массовое переселение евреев в Биробиджан из-за границы (главным образом из Аргентины, Польши, Литвы, Палестины) началось после принятия Политбюро 25 мая 1931 г. соответствующего постановления. К началу 1932 г. на советский Дальний Восток прибыло 870 иностранцев, которые трудились в основном в сельскохозяйственной коммуне ИКОР. Однако уже к концу того же года более пятисот человек из них уехали обратно, не сумев приспособиться к суровому таежному климату и преодолеть бытовые трудности. Следующий крупный отток иностранцев произошел после того, как в 1933 г. на Дальнем Востоке разразился голод. Тогда Советский Союз покинул и сам профессор Кунц, а созданная им коммуна распалась.

Чтобы не ударить в грязь лицом перед международной общественностью (как «прогрессивной», так и сионистской) и вдохнуть жизнь в чахнувший на корне проект, сталинское руководство пошло на беспрецедентный шаг: 4 мая 1934 г. Политбюро преобразовало Биробиджанский национальный район в Автономную еврейскую национальную область (ЕАО), хотя ставшая вдруг «титulyной» национальность была представлена на этой территории весьма незначительно. Примерно в то же время Калинин, принимая делегацию рабочих московских предприятий и представителей еврейской печати, заявил, что «образование еврейской автономной области подвело фундамент под еврейскую национальность в СССР».

Принятие правительством кардинальных решений, а также нагнетавшийся пропагандой переселенческий энтузиазм способствовали увеличению количества евреев, пожелавших переехать в Биробиджан. В 1933 г. туда прибыло 5267 переселенцев из Одессы, Москвы, Харькова, Киева и других городов. В ЕАО началось бурное строительство областного центра, промышленных объектов, дорог и мостов. Постепенно налаживалась и культурная жизнь. Стала выходить газета на идиш «Биробиджанер штерн» («Биробиджанская звезда»), редактором которой 7 июля 1935 г. был утвержден Г. Л. Казакевич. Годом ранее в Биробиджане открылся Еврейский государственный театр, которому в 1936 г. присвоили имя Л. М. Кагановича. «Железный нарком» путей сообщения побывал в Биробиджане в феврале того же года в ходе инспекционной поездки по Транссибу. Выступив на совещании областного и городского актива, он, согласно официальному сообщению, «подробно остановился на достижениях ленинско-ста-

линской национальной политики и истории борьбы с различными национальными буржуазными партиями, в частности с сионистами, бундовцами, поалейсионистами и др.»⁴³.

Власти не скрывали, что еврейская автономия на советском Дальнем Востоке учреждена как коммунистический ответ на проект сионистов в Палестине. 10 мая 1934 г. в «Известиях» была опубликована передовица, которая заканчивалась на следующей мажорной ноте: «Не сладенькие разговоры о “земле обетованной” не националистический обман, а подлинную пролетарскую помощь дает страна строящегося социализма всем народам, ее населяющим, в том числе и еврейскому»⁴⁴.

Эта пропаганда, в условиях обострения антисемитизма на Западе после прихода к власти Гитлера, была серьезно воспринята левыми и центристскими еврейскими кругами, надеявшимися на советскую поддержку ставшего гонимым немецкого еврейства, тем более что положение его усугублялось с каждым месяцем. Уже к концу 1934 г. 60 тыс. евреев вынуждены были эмигрировать из Германии, и только 17 тыс. из них смогла принять Палестина, остальные же пытались осесть в демократических странах Европы или добиться выезда в Новый Свет, прежде всего в США. Но практически все эти страны, еще не оправившись от последствий экономического кризиса, закрыли свои границы для массовой еврейской иммиграции. В создавшихся условиях западной общественности, занимавшейся судьбой еврейских беженцев, оставалось только надеяться на гуманизм советского правительства, рекламировавшего себя защитником угнетенных народов. В какой-то мере эти упования начали оправдываться после того, как «Джойнту» удалось добиться разрешения у НКВД на переезд в Советский Союз из Германии для нескольких групп евреев, состоявших в основном из специалистов – инженеров, врачей, ученых. В Нью-Йорке, Париже и Лондоне заговорили о необходимости создания специальных фондов поддержки переселения еврейских беженцев на советский Дальний Восток, тем более что советское руководство обнародовало планы обустройства там в 1935 г. 4 тыс. семей советских и 1 тыс. семей иностранных евреев. 21 декабря 1934 г. советский полпред в Англии И. М. Майский проинформировал заместителя наркома иностранных дел Н. Н. Крестинского, что его посетил лорд Марлей и вручил меморандум, в котором содержалась просьба к советскому руководству рассмотреть вопрос о возможности размещения еврейских беженцев в ЕАО. В случае положительного решения предлагалось на средства западных благотворительных организаций создать в Париже, Лондоне, Варшаве и других европейских городах советские консульско-проверочные пункты для выдачи въездных виз прошедшим отбор беженцам, проявить к ним гуманизм и тем самым содействовать моральной реабилитации своего режима в глазах международной общественности. Вместе с тем сложившаяся к середине 30-х гг. внутренняя ситуация в Советском Союзе с присущей ей массовым террором, ксенофобией и всеобщей подозрительностью отнюдь не способствовала открытию границ социалистической державы. Противоречие это наложило свою печать на постановление Политбюро «О переселении евреев в Биробиджан» от 28 апреля 1935 г. Хотя в нем разрешался в течение 1935–1936 гг. приезд в ЕАО тысячи семейств из-за рубежа, но это оговаривалось следующими жесткими условиями: «а) все переселяемые из-за границы принимают советское гражданство до въезда в СССР и обязуются не менее трех лет работать в пределах Еврейской автономной области; б) отбор переселяемых производится ОЗЕТОм в основном на территории, входившей до империалистической войны в состав Российской империи; в) переселяющиеся в СССР должны иметь при себе 200 долларов».

Еще более существенные ограничения содержались в секретных «Правилах о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в Еврейскую автономную область», утвержденных Политбюро. Ими предусматривалось обязательное участие в

⁴³ «Правда», 1936. 18 февраля.

⁴⁴ «Известия», 1934. 10 мая.

предоставлении гражданства иностранцам органов НКВД, которые должны были тщательно проверить иммигрантов, в том числе выяснить их классовое происхождение, то есть принадлежность к трудящимся (рабочим, служащим, кустарям или земледельцам, не использовавшим наемный труд), а также определить, способны ли они к тяжелой физической работе.

Не был принят предложенный «Агро-Джойнтом» план перемещения на советский Дальний Восток в 1936–1937 гг. нескольких тысяч еврейских беженцев. Его представителю было разъяснено, что в Биробиджане смогут принять не более 150–200 семей, причем исключительно из Польши, Литвы и Румынии, да и то только после тщательной проверки. А 17 сентября 1936 г. все дела, связанные с направлением иностранцев в Биробиджан, были переданы переселенческому отделу НКВД СССР. Тем не менее в период с 1931 по 1936 г. в Биробиджан смогло прибыть 1374 иностранца. Многие из них после недолгого пребывания там уехали обратно, а те, кто не последовал их примеру, стали с 1937 г. постепенно исчезать в недрах ГУЛАГа. А ведь в эти годы в Германии свирепствовала фашистская диктатура, изгонялись из страны сотни и десятки тысяч евреев, многие из которых были классными специалистами в области физики, математики, химии, медицины. Какую неоценимую услугу они могли оказать в развитии этого полудикого, полупустынного Биробиджана. Зная о том, что для немецких евреев, которым пришлось эмигрировать во избежание смерти, пути в Англию, США были закрыты, а въезд евреев в Палестину строго контролировался английскими властями, был установлен строгий лимит по приему евреев-беженцев, пожелавших вернуться на свою историческую Родину.

Прекрасно осознавая, что этих людей ждет неминуемая гибель, Советское правительство чинило всевозможные препятствия, чтобы не принять этих гонимых евреев и спасти их от неминуемой гибели. В то же время таежный край остро нуждался не только в высококвалифицированных специалистах, но и в простых тружениках. Но увы, и в этом вопросе не было, да и не могло быть целомудренных решений, ибо советское руководство искало сближения с Адольфом Гитлером и не собиралось спасать своих, а тем более чужих евреев... Даже те евреи-коммунисты, бежавшие от преследований фашистов в Советский Союз после подписания договора с Германией, были переданы насильно фашистским властям на растерзание, все они погибли в концлагерях. Это не вымысел, а реальность, которая лежит кровавым пятном на сталинской антисемитской политике.

Политические заморозки, начавшиеся в стране в середине 1936 г., сказались не только на связях ЕАО с внешним миром, но и на ситуации в самой области. Одной из первых жертв самого кровавого в советской истории вала репрессий стал председатель исполкома ЕАО И. И. Либерберг, ученый-историк, который в 1929–1934 гг. был директором Института еврейской пролетарской культуры Всеукраинской академии. Его, делегата XVII партсъезда «победителей», направили в Биробиджан, поставив во главе советской власти области.

Приняв за чистую монету пропаганду о пролетарском Сионе на дальнем Востоке, Либерберг с энтузиазмом включился в новую работу. Но уже в октябре 1935 г., когда он попытался придать еврейскому языку (идишу) статус официального языка ЕАО, в его адрес посыпались обвинения в национализме, и ему пришлось покаяться в своем «прегрешении», однако это не помогло. В августе 1936 г. Либерберг был неожиданно вызван в Москву «для отчетного доклада», но, прибыв в столицу, его немедленно арестовали. 9 марта 1937 г. заседание военной коллегии Верховного суда СССР приговорило его к расстрелу. Так оборвалась жизнь выдающегося ученого, энтузиаста, который верил в идеалы славного будущего еврейского народа.

Символично, что начало репрессий в отношении биробиджанского руководства совпало с появлением официальной декларации об успешном решении еврейского вопроса в Советском Союзе. Произошло это 29 августа 1936 г., когда Президиум ЦИК СССР принял специальное постановление, в котором утверждалось, что «впервые в истории еврейского народа осу-

щество его горячее желание о создании своей национальной государственности»⁴⁵. Перед этим, в январе, Диманштейн отрапортовал второй сессии ЦИК СССР VII созыва о том, что «наша Страна Советов, страна диктатуры пролетариата – единственная в мире страна, правильно разрешившая национальный вопрос, в том числе и еврейский вопрос»⁴⁶. Такое сочетание победных реляций с очередным политическим кровопусканием отнюдь не казалось странным советскому человеку, которому уже с 1928 г. был известен постулат Сталина о том, что «по мере нашего продвижения вперед... классовая борьба будет обостряться»⁴⁷.

Не удержался на своем посту и первый секретарь обкома партии ЕАО М.П. Хавкин. Его травля началась после того, как корреспондент «Тихоокеанской звезды» С. М. Кремер направил 23 октября 1936 г. вновь назначенному наркому внутренних дел Н. И. Ежову донос, в котором сообщил, что Хавкин в декабре 1923 г., в бытность его первым секретарем Гомельского горкома РКП(б), критиковал Сталина, встав в ходе проходившей тогда партийной дискуссии на сторону Л. Д. Троцкого и Е. А. Преображенского. 4 мая 1937 г. Хавкина сняли с должности. В начале 38-го его взяли под стражу, но судили только 30 января 1941 г. За «руководство правотроцкистской организацией и проведение вредительской работы» он получил по приговору трибунала Дальневосточного фронта пятнадцать лет лагерей. Хавкина не расстреляли только, видимо, потому, что следствие проводилось в провинциальной глуши и длилось целых три года. На суде Хавкин заявил о «неслыханно зверских допросах в Хабаровской тюрьме, проводившихся следователями Малкевичем и Цевилевым», уже арестованными к тому времени «за нарушение норм социалистической законности». Наказание Хавкин отбывал на Чукотке, в Певеке, работая лагерным портным. В 1950 г. его отправили в ссылку в Магадан, а окончательно освободили в 53-м. Так что судьба подарила бывшему партийному главе ЕАО счастливый шанс пережить большой ежовский террор и дожить до спасшей его бериевской миниреабилитации. Сменивший М. П. Хавкина на посту первого секретаря обкома партии ЕАО А. Б. Рыскин, возглавлявший ранее Минский горком, недолго продержался на этом месте. В начале сентября 1937 г. его арестовали и через несколько недель расстреляли. 20 февраля 1938 г. арестовали председателя ОЗЕТа и редактора журнала «Революция и национальности» Диманштейна. Этот выбор Ежова не был случаен. Коммунист с дореволюционным стажем, хорошо знавший Ленина, он являлся своеобразным лидером советского еврейства и потому был обречен, как и большинство других доживших до «большого террора» так называемых малых вождей, составлявших в свое время конкуренцию Сталину на партийном, экономическом, идеологическом, национальном и других фронтах. Мастер по фальсификации обвинений, Ежов приписал Диманштейну «активное участие в антисоветской, бундовской, диверсионной и шпионско-террористической организации», вредительскую работу, дискредитацию ЕАО и шпионаж в пользу английской разведки. После жесточайших пыток 16 апреля его вынудили подписать первый официально оформленный протокол с признательными показаниями. В марте 1939 г. на заседании военной коллегии Верховного суда СССР его приговорили к расстрелу.

За 1937–1938 гг. органами НКВД было арестовано в стране 29 тыс. евреев по политическим статьям. Ежедневно ГУЛАГи пополнялись невинными жертвами. Среди них было немало энтузиастов, строивших «счастливую жизнь» для евреев в ЕАО. В эти годы обострилась международная обстановка на Дальнем Востоке.

В 1938 г. советско-японский вооруженный конфликт перечеркнул планы организованного заселения ЕАО. Несмотря на то что на 1939 г. было намечено переселение в область 250 еврейских семей, никто из них туда так и не приехал. По переписи того же года население ЕАО

⁴⁵ «Известия», 1936. 26 октября.

⁴⁶ Там же. 25 января.

⁴⁷ Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 171.

составляло 108 938 человек, в том числе 17 695 евреев (16,2 %), из которых в городах области проживал 13 291 человек.

Сменивший Рыскина на посту первого секретаря партии ЕАО Г. Н. Сухарев неоднократно обращался в Москву с просьбами возобновить переселение евреев в область. В записке на имя Маленкова (апрель 1940 г.) он бил тревогу по поводу того, что идет непрерывный процесс снижения доли еврейского населения... еврейские школы не укомплектованы учениками... областная газета на еврейском языке издается тиражом 1 тыс. экземпляров. Сухарев предлагал в «ближайшие два-три года» направить в ЕАО 30–40 тыс. евреев из западных областей Украины и Белоруссии. Однако этим грандиозным планам не суждено было сбыться. Биробиджанский проект, представлявший собой на самом деле не более чем пропагандистскую акцию, очень скоро обнаружил свою очевидную нежизнеспособность.

Итак, переселенческая политика советского правительства, как в крымском, так и биробиджанском варианте, была нереальным мифом властей и привела к полному краху.

Дипломатия Гитлера против дипломатии Сталина

Любопытно, почему же Сталину так необходим был именно этот «образованный» помощник? Вполне очевидно, что на роль палача в годы массовых репрессий мог подойти любой из его окружения. Однако «вождь» готовил для Молотова иную роль, для исполнения которой требовался податливый и преданный ему человек.

В 30-е гг. как член Политбюро и как Председатель Совнаркома Молотов занимался различными вопросами внешней политики. У него часто возникали разногласия с наркомом по иностранным делам М. М. Литвиновым. По мнению бывшего ответственного сотрудника НКВД Е. А. Гнедина, Литвинов оставался в то время «единственным наркомом, сохранившим самостоятельность и чувство достоинства». Такой человек был явной преградой для Сталина, который уже подготавливал свою стратегию «дальнего прицела» по отношению к Германии.

Нет сомнения, что действия Сталина и его окружения не раз играли на руку гитлеровцам, давали им материал для антисоветской пропаганды, наносили ущерб как внутренним, так и международным позициям Советского Союза, а по большому счету – делу мира и безопасности народов. В то же время необходимо иметь в виду, что если «враги народа» внутри страны были выдуманы, то прямая опасность фашистской агрессии становилась в конце 30-х гг. суровой реальностью для Советского Союза. И это требовало от советской дипломатии немалых усилий для того, чтобы, с одной стороны, не дать втянуть себя в ситуацию, когда Советский Союз оказался бы в состоянии международной изоляции, а с другой – делать все практически возможное для предотвращения фашистской агрессии.

При оценке развития советско-германских отношений в 1939–1941 гг. необходимо иметь в виду ослабление в результате сталинских репрессий и утвердившихся авторитарных методов управления роли Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) на формирование и практическое осуществление советской внешней политики. Репрессии, единичные в отношении дипломатических кадров в начале 30-х гг., к концу десятилетия приобрели массовый характер. К лету 1939 г. жертвами репрессий стали пять заместителей наркома – Л. М. Карахан, Н. П. Крестинский, Х. Г. Раковский, Г. Я. Сокольников, Б. С. Стомоняков, 48 полпредов СССР, в том числе С. С. Александровский, А. А. Бекзаян, М. А. Карский, К. А. Хакимов, К. К. Юренев, Я. Л. Янсон и др., тридцать заведующих отделами НКВД, двадцать восемь глав консульских представительств, 140 сотрудников НКВД, из них ИЗ руководящих работников, если учесть, что Советский Союз имел до войны дипломатические отношения лишь с тридцатью странами, а в составе НКВД насчитывалось менее пятисот кадровых дипломатов, то можно с полным основанием сказать, что, по существу, ежовские и бериевские палачи выкосили цвет и гордость довоенной советской дипломатии. Работники советских посольств в некоторых странах (Китае, Монголии, Финляндии, Латвии, Литве, Польше, Чехословакии, Болгарии) были **репрессированы** почти поголовно. Начавшееся сближение с Германией потребовало устранения с поста народного комиссара иностранных дел Литвинова, с которым у *Сталина возникли разногласия по принципиальным вопросам. Да и в самом наркомате евреев было много. За ними шли латыши.* Такая ситуация сложилась исторически. Евреи хорошо знали Запад, многие свободно владели иностранными языками. Это потом начали назначать послами людей, которые не владели языком страны, в которой они представляли СССР. При Литвинове подобное было невозможно. И Суриц, и Розенберг, и многие другие свободно разговаривали на нескольких европейских языках. И были людьми европейской культуры. Но они в новой ситуации не устраивали вождя. И вот 3 мая 1939 г. Сталин направил комиссию в составе Молотова, Берии и Маленкова в Наркоминдел для проведения чистки.

Молотову, новому наркому иностранных дел, Сталин сказал прямо и недвусмысленно: «Убери из наркомата евреев». Что и было сделано. Особой ретивостью в развернувшейся там

антиеврейской чистке отличился первый заместитель Маленкова Н. Н. Шаталин, возглавлявший тогда в Управлении кадров ЦК отдел дипломатических кадров. Впоследствии он стал секретарем ЦКВКП(б). В это же время было создано Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Во главе этой структуры был поставлен ярый антисемит Г. Ф. Александров.

На XVIII съезде партии Сталин дал понять Гитлеру, что их интересы в возможной будущей войне совпадают. Он настойчиво внушал ему, что англо-американцы и французы заинтересованы спровоцировать войну между Германией и СССР, поскольку это ослабит два мощных военизированных государства и даст возможность диктовать им свою волю. Стратегия сталинского «дальнего прицела» заключала в себе два тактических момента: втравить Гитлера в войну против будущих стран – союзниц СССР и, дав Германии и западным державам ослабить друг друга в этой войне, самому выступить на сцену, чтобы навязать всей Европе большевистский порядок вместо гитлеровского «нового порядка». Таким образом, стремясь к союзничеству с Гитлером, Сталин соблазнял его идеей раздела Европы между Германией и СССР. Молотов как раз и нужен был, чтобы прозондировать почву для заключения пакта с новым союзником. С «англофилом» Литвиновым ни Гитлер, ни Риббентроп не желали иметь никаких дел.

Очень скоро о коварном замысле советского лидера стало известно иностранным дипломатам. Подготовка к тайным переговорам велась как в Москве, так и в Берлине. Тогдашний посол США Болен известил свое правительство, что, по данным его осведомителя, СССР и Германия вплотную приблизились к соглашению. Наконец, 19 августа было открыто объявлено, что 23 августа Риббентроп прибудет в Москву. Мировая общественность была шокирована.

Болен писал об этих событиях:

«После шести лет официально проповедуемой вражды к Гитлеру и нацизму такой поворот событий в глазах многих был подобен землетрясению. Возникшее замешательство отразилось даже на самой церемонии приема Риббентропа в Москве. У русских не было нацистских флагов. Наконец им достали флаги с изображением свастики на студии “Мосфильм” (!), где снимались антифашистские фильмы. Советский оркестр спешно разучил нацистский гимн. Этот гимн был сыгран вместе с “Интернационалом” в аэропорту, куда приземлился Риббентроп».

После короткой церемонии Риббентропа увезли в Кремль, где немедленно начались переговоры. В два часа ночи был подписан «Советско-германский пакт о ненападении».

Переговоры вели лично Сталин и Молотов, не поставив о них в известность остальных членов верховной партийной элиты. Даже Ворошилов, которому было поручено вести переговоры с англо-французской делегацией, ничего не знал об этих замыслах. Почему же «пакт Риббентропа – Молотова» готовился с такими предосторожностями? Ответ очевиден: по сути, этот исторический документ развязал войну и расширил границы кремлевской империи.

Вот как размышляет по этому поводу Л. Авторханов:

«Когда советские историки пишут о причинах и предпосылках Второй мировой войны, они либо обходят молчанием “пакт Риббентропа – Молотова” либо явно фальсифицируют его предысторию и содержание. Цель фальсификации ясна всем: обелить Сталина и снять с Кремля вину за развязывание Гитлером Второй мировой войны, ибо “пакт Риббентропа – Молотова”, разделив Европу на сферы влияния, гарантировал Гитлеру свободу действий в Западной Европе, обеспечивал его советским стратегическим и военно-стратегическим сырьем, давал Гитлеру возможность более основательно подготовиться к нападению на СССР, изолированному одним этим пактом от демократического Запада. Даже инициативу заключения пакта советские историки стараются приписать Гитлеру, а не Сталину. Между тем из секретных документов архива германского Министерства иностранных дел видно, что Гитлер хотел заключить со Сталиным только экономический пакт, а Сталин хотел иметь пакт политический... Так, 20 мая 1939 г. на предложение германского посла в Москве графа Шуленбурга

начать экономические (торговые) переговоры между Берлином и Москвой Молотов ответил, что, прежде чем заключать какие-либо экономические сделки, надо “создать политический базис”»...

В ведомстве Риббентропа безошибочно поняли, что предложение Молотова о создании «политического базиса» есть не игра в дипломатию, а серьезный сигнал о возможном повороте во внешней политике Кремля в сторону держав «Оси» – Германии и Италии. Намотав себе это на ус, руководители Третьего рейха начали действовать исподтишка. Сначала они делали все, чтобы разжечь у Кремля аппетит к повороту в желаемую сторону, а потом создали соответствующую психологическую атмосферу среди своего народа, чтобы подготовить его к факту возможного прекращения давнишней идеологической войны против большевизма. В осуществлении обеих целей Риббентроп настолько хорошо преуспел, что 20 августа 1939 г. Гитлер направил Сталину телеграмму, в которой предложил ему принять министра иностранных дел Германии 22–23 августа для заключения пакта... о «дружбе и ненападении». Сталин немедленно ответил согласием. Как толкуют советские историки этот факт?.. «СССР мог либо отказаться от германских предложений, либо согласиться с ними. В первом случае война с Германией в ближайшие недели стала бы неминуемой. Во втором случае Советский Союз получал выигрыш во времени»...

Если верить этому советскому комментарию, Гитлер путем шантажа заставил Сталина подписать пресловутый пакт в течение каких-нибудь двенадцати часов! Если бы мы повели... то выходило бы, что пакт, развязавший Вторую мировую войну и в конечном счете спровоцировавший и нападение Гитлера на СССР, был заключен под диктовку Гитлера, а не подготовлен трехмесячными и весьма интенсивными дипломатическими переговорами и политическим торгом между Гитлером и Сталиным о разделе между ними Европы, как это было на деле...

Я уже указывал, что идея торгового договора принадлежала Риббентропу, а идея политического договора – Молотову. Чтобы добиться заключения этого политического договора, Москве пришлось подписать договор торговый на совершенно невыгодных для СССР условиях, да еще обязаться снабжать потенциального военного противника стратегическим сырьем в явный ущерб интересам обороны собственной страны.

Советский Союз экспортировал в Германию зерно, нефть, платину, фосфор и другое сырье. Доктор Шнурре, подписавший торговый договор с Микояном, телеграфировал в Берлин, что все это сырье «для нас имеет ценность золота». Упоенный этим своим первым успехом, Риббентроп прибыл в Кремль в полной уверенности, что вторая его победа в виде политического пакта с Москвой позволит фюреру кромсать карту Европы так, как это ему захочется. Он не ошибся. 23 августа 1939 г. в присутствии членов Политбюро во главе со Сталиным Риббентроп и Молотов подписали «Договор о ненападении между Германией и СССР».

К договору был приложен «Секретный дополнительный протокол», составленный в Кремле и посланный в Берлин еще накануне. Суть протокола: Гитлер и Сталин делят между собой Польшу. Этнографическая Польша остается Германии со статусом протектората, а польские восточные области – Западную Украину и Западную Белоруссию – аннексирует Советский Союз. Сталин признает свободу действий Гитлера в Западной Европе. За это Советский Союз получает право присоединить к СССР Бессарабию, Северную Буковину, прибалтийские государства и даже Финляндию. После церемонии подписания договора Молотов устраивает в честь Риббентропа пышный банкет в присутствии Сталина и всей его клики.

Эти люди одним росчерком пера и в течение каких-либо пяти минут решили судьбы пяти независимых государств, отлично понимая, что они готовят небывалую до сих пор в истории мировую катастрофу. Тем не менее они торжествовали как свою победу трагедию этих народов. Ели икру, пили шампанское, слушали музыку, а тостам не было конца. Один тост даже вошел в историю. Об этом тосте, совершенно не предусмотренном дипломатическим прото-

колом, Риббентроп нашел нужным немедленно доложить фюреру. Тост этот произнес Сталин: «Я знаю, как крепко немецкий народ любит своего вождя. Поэтому мне хочется выпить за его здоровье»...

Нужно только на минуту вообразить себе антисемита Риббентропа, чокающегося с евреем Кагановичем, чтобы постичь всю бездну аморальности этих торговцев судьбами человечества. Разбойник из Берлина не только по-дружески чокался с разбойниками из Москвы, но даже чувствовал себя там словно в своей фашистской компании. Вспоминая об этом банкете, Риббентроп рассказывал впоследствии министру иностранных дел Италии Чиано, какие мысли обуревали его тогда: «Я чувствовал себя в Кремле словно среди старых партийных товарищей»...

Риббентроп был не единственным фашистом, который питал родственные чувства к большевизму. Им был и сам духовный вождь фашизма Бенито Муссолини, который в октябре 1939 г. авторитетно констатировал: «Большевизм в России исчез, и на его место встал славянский тип фашизма»... Большевики в долгу не остались. Сталин вложил в уста Молотова слова, которые вполне могли бы принадлежать Гитлеру или Муссолини. Вот эти слова Молотова в «Правде» от 1 ноября 1939 г.: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, – это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война на уничтожение гитлеризма».

Эта жуткая по своей сути фраза была произнесена Молотовым в ответ на заверения Англии и Франции в том, что цель объявленной ими войны – «уничтожение гитлеризма». Она красноречиво подтверждает лицемерный характер политики Сталина и его окружения накануне Второй мировой войны.

28 сентября 1939 г. Молотов подписал еще один договор с Германией – «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией». Для ратификации его в Москве была созвана сессия Верховного Совета СССР.

В одной из частей своего доклада сталинский нарком иностранных дел сказал: «Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей». Если принять во внимание, что эти слова были произнесены вторым человеком Советского государства, то стоит ли удивляться тому, что политика – грязное дело? Особенно если она совершается людьми нечистоплотных взглядов и убеждений?

В сентябре 1939 г. Молотов передал личное поздравление германскому правительству по случаю вступления немецких войск в Варшаву.

Когда же в апреле 1940 г. в Москве стало известно о вторжении германских войск в Норвегию и Данию, он направил Шуленбургу послание, в котором выразил понимание такого шага и пожелал дальнейших успехов Германии в данном направлении. Молотов был единственным из советских политических лидеров, кому выпала сомнительная честь пожимать руку Гитлеру.

Но новый союзник СССР, фашистская Германия, не слишком заботился о точном соблюдении заключенных с Кремлем договоров и соглашений. По своим дипломатическим каналам Молотов получал сведения о готовившемся в Берлине нападении на Советский Союз. Он отказывался этому верить и, чтобы не раздражать Сталина, игнорировал эти настойчивые предупреждения. Велико же было его изумление, когда уже после свершившегося нападения Германии посол Шуленбург сообщил ему официальное объявление войны. Нарком иностранных дел смог выдать из себя лишь жалкую фразу: «Чем мы это заслужили?»

22 июня 1941 г. в полдень советские люди слышали по радио взволнованный голос одного из своих вождей. Молотов поведал соотечественникам о нападении Германии на СССР и о начале войны. Он закончил свою речь словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Партийное руководство, пребывавшее в этот момент в шоковом состоянии, держало марку. Сталин впал в депрессию и несколько дней не появлялся в Кремле. Но советские люди знали: их дело правое и поэтому враг – еще в недавнем прошлом союзник и друг – непременно будет разбит. И неважно при этом, кто заварил кашу. Расхлебывать ее приходилось народу.

В годы войны Молотов по-прежнему находился на первых ролях в партии и государство. В ГКО на него были возложены главным образом дипломатические задачи. Вильям Стивенсон в своей книге «Человек, которого звали Неустрашимый», где повествуется о работе западных разведок во время Второй мировой войны, приводит следующий факт: в 1943 г. Молотов ездил за триста километров от линии фронта, чтобы вести с германским руководством переговоры о сепаратном мире. В остальном же деятельность заместителя Председателя Совнаркома и наркома иностранных дел СССР такова: он участвовал во всех межсоюзнических конференциях – в Тегеране (1943), в Ялте и в Потсдаме (1945), на которых решались вопросы о координации военных усилий и о послевоенном устройстве Германии, Польши и Балканского полуострова. В 1944–1945 гг. между СССР, США, Великобританией и Китаем проходили переговоры по созданию международной организации, которая была бы обязана следить за сохранением мира. Молотов принимал участие в разработке Устава ООН от советской стороны.

В этот период, когда Советский Союз приоткрыл свой «железный занавес», со вторым человеком Кремля могли познакомиться множество зарубежных политических и общественных деятелей. Позже в своих мемуарах они давали Молотову почти одинаковую характеристику. Неизгладимое впечатление произвел этот сталинский помощник на Черчилля, который писал о нем:

«Фигура, которую Сталин двинул теперь на престол советской внешней политики, заслуживает некоторого описания, которое в то время не было доступно ни английскому, ни французскому правительству. Вячеслав Молотов был человеком выдающихся способностей и хладнокровной беспощадности. Он пережил ужасающие случайности и испытания, которым все большевистские лидеры подвергались в годы победоносной революции. Он жил и преуспевал в обществе, где постоянно меняющиеся интриги сопровождалась постоянной угрозой личной ликвидации. Это подобная пушечному ядру голова, черные усы и смысленные глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера себя держать были подходящим выражением его качеств и ловкости. Больше всех других он годился для того, чтобы быть представителем и орудием политики неподдающихся учету машины. Я встречал его на равной ноге только в переговорах, где иногда проявлялись проблески юмора, или на банкетах, где он благодушно предлагал серию традиционных и бессмысленных тостов. Я никогда не встречал человека, более совершенно представляющего современное понятие робота. И при всем том это все же был, видимо, толковый и остро отточенный дипломат... один за другим щекотливые, испытующие, затруднительные разговоры проводились с совершенной выдержкой, непроницаемостью и вежливой официальной корректностью. Ни разу не обнаружилась какая-либо щель. Ни разу не была допущена ненужная полуоткровенность...

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезна и, если заходила далеко, кончалась лганьем и оскорблениями. Только раз я как будто видел у него нормальную человеческую реакцию. Это было весной 1942 г., когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов. Мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный полет домой. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались для сохранения секрета, я крепко взял его за руку, и мы посмотрели друг другу в лицо. Внезапно он показался

глубоко взволнованным. За маской показался человек. Он ответил мне таким же рукопожатием, и это было жизнью или смертью для многих...»

Чарльз Болен, бывший одно время американским послом в Москве, вспоминал о Молотове:

«Подозрительный по природе и благодаря сталинской выучке, он не рисковал. Где бы он ни был, за границей или в Советском Союзе, два или три охранника сопровождали его. В Чеквере, доме британского премьер-министра, или в Блэйтер-хаусе, поместье для важных гостей, он спал с заряженным револьвером под подушкой. В 1940 г., когда он обедал в итальянском посольстве, на кухне посольства появлялся русский, чтобы попробовать пищу.

Молотов был прекрасным помощником Сталина. Он был не выше пяти футов четырех дюймов роста, являя пример сотрудника, который никогда не будет превосходить диктатора. Молотов был также великолепным бюрократом. Методичный в процедурах, он обычно тщательно готовился к спорам по ним. Он выдвигал просьбы, не заботясь о том, что делается посмешищем в глазах остальных министров иностранных дел. Однажды в Париже, когда Молотов оттягивал соглашение, поскольку споткнулся на процедурных вопросах, я слышал, как он в течение четырех часов повторял одну фразу: «Советская делегация не позволит превратить конференцию в резиновый штамп»...

...Он никогда не проводил собственной политики... Сталин делал политику, Молотов претворял ее в жизнь. Он был оппортунистом, но лишь внутри набора инструкций. Он пахал, как трактор. Я никогда не видел, чтобы Молотов предпринял какой-то тонкий маневр; именно его упрямство позволяло ему достигать эффекта.

Невозможно определить действительное отношение Сталина к любому из его помощников, но большую часть времени Молотов раболепно относился к своему хозяину».

Чарльз Болен был прав, когда описывал характер взаимоотношений Сталина и его ближайшего окружения. Тиран ни к кому из своей клики не питал чувств привязанности. Всегда подозрительный, страдавший манией преследования, он лишь пользовался услугами подчиненных для установления своей тоталитарной диктатуры. И он без всякого сожаления расправлялся с самыми преданными из своих помощников при первом же намеке на их неугодность. Зачастую мнимый заговор зрел в голове самого диктатора. Не избежал подобной участи и Вячеслав Молотов.

В первые годы после войны он все еще находился подле вождя и занимался вопросами внешней политики. Никому и в голову не могло прийти, что счастливая звезда человека, державшегося на плаву более тридцати лет, может закатиться в одночасье. В марте 1949 г. отмечался 60-летний юбилей Молотова. В довершение к уже имевшимся знакам благосклонности хозяина Герой Социалистического Труда и почетный академик Академии наук СССР получил четвертый по счету орден Ленина. Но неожиданно он был освобожден от обязанностей министра иностранных дел, и его место занял А. Я. Вышинский. Молотов оставался еще членом Политбюро и заместителем Сталина в Совете Министров, но он все реже и реже получал от вождя ответственные поручения. Наконец, Сталин перестал приглашать его на свою дачу, где во время продолжительных обедов и ужинов решались важные государственные дела. Затем в разговоре с Хрущевым Сталин высказал подозрение, что Молотов был завербован во время своих поездок за границу и стал «агентом американского империализма». Он даже просил узнать у Вышинского, каким образом его предшественник передвигался по Америке и не выделялся ли ему специальный вагон, как будто это могло служить доказательством его измены. Сталину словно надоело свое ближайшее окружение, и он решил сменить его.

Тучи продолжали сгущаться над головой Молотова. Открывая XIX съезд партии, Молотов выступил с краткой вступительной речью. В конце этого форума он был избран в состав ЦК и в расширенный, согласно пожеланиям вождя, Президиум ЦК КПСС. Для постоянного руководства партийными делами Сталин предложил избрать Бюро Президиума и продиктовал

список кандидатур. Настоящей сенсацией явился тот факт, что среди девяти перечисленных фамилий не было фамилии Молотова. Так начиналась опала Вячеслава Молотова, которая могла бы закончиться самым трагическим образом, если бы не последовавшая вскоре смерть Сталина. Многих из арестованных в это время людей заставляли давать ложные показания на Молотова, а также на Кагановича, Ворошилова и Микояна.

Почему же верноподданнейший и один из самых осторожных помощников Хозяина впал в такую немилость? Отчасти причиной этого обстоятельства послужил арест Полины Жемчужиной, жены Молотова. Она была еврейкой, и, когда во время войны в СССР был создан Еврейский антифашистский комитет, П. С. Жемчужина стала одним из его руководителей. В 1948 г. на Ближнем Востоке появилось государство Израиль, созданное по решению ООН и при непосредственном содействии Советского Союза. СССР был первым государством, которое установило с Израилем дипломатические отношения. Но дружба между двумя странами длилась недолго. Вскоре стало понятно, что Израиль стремится к самостоятельности и не намерен подчиняться воле СССР.

В 1948–1949 гг. в Советском Союзе набрала силу пресловутая кампания против «безродных космополитов». В энкавэдистские жернова попало множество представителей еврейской интеллигенции. Жемчужина была обвинена в «измене Родине», в связях с международным сионизмом и в тому подобной нелепице. Вопрос о ее аресте обсуждался на Политбюро. После того как Берия изложил данные своего ведомства, все члены Политбюро проголосовали за арест Полины Жемчужиной. Воздержался лишь Молотов, но он не выступил с опровержением. Бывший Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля С. Микунис в своих мемуарах описывал встречу с Молотовым. Он недоуменно спросил у него, почему такой влиятельный среди партийной элиты человек не смог защитить свою жену или хотя бы выступить в ее защиту. На это Вячеслав Молотов ответил: «Потому что я член Политбюро, и я должен был подчиниться партийной дисциплине».

Само собой разумеется, что арест Жемчужиной основывался главным образом не на политическом мотиве. У Сталина был личный мотив для того, чтобы убрать жену своего ближайшего помощника. Дело в том, что эта женщина одно время дружила с Надеждой Аллилуевой, второй супругой диктатора. Она была свидетельницей драматической сцены, разыгравшейся между Аллилуевой и Сталиным в квартире Ворошилова. Утром следующего дня Аллилуеву нашли в спальне с пистолетом в руке и с простреленной головой. Первыми на место совершения самоубийства были вызваны Орджоникидзе с женой Зинаидой и Молотов с Полиной, а затем о трагедии сообщили Сталину. Мстительному Сталину Жемчужина уже тогда стала внушать подозрения. Но он ждал удобного случая, чтобы устранить ее со своего пути.

Смерть Сталина спасла Вячеслава Молотова от дальнейшего скатывания в пропасть. На некоторое время он даже упрочил свои позиции. Пост председателя Совета Министров СССР был занят Г. М. Маленковым, остальные ключевые роли в партии и правительстве распределились между Берией, Молотовым, Ворошиловым, Хрущевым, Булганиным, Кагановичем и Микояном. Фактически Молотов вернулся к исполнению обязанностей министра иностранных дел.

По странному стечению обстоятельств день похорон «великого учителя» совпал с днем рождения его ближайшего помощника. 9 марта 1953 г. после завершения траурного митинга «вожди» советского народа спускались с трибуны Мавзолея. Хрущев и Маленков поздравили Молотова с днем рождения и поинтересовались, что бы он хотел получить в подарок. «Верните Полину», – сухо ответил тот и прошел мимо. Просьбу немедленно передали Берии. Жемчужина в этот момент была уже в Москве. В 1949 г. ее приговорили к нескольким годам ссылки. Но в январе 1953 г. она была включена в число участников «сионистского заговора». Допросы с применением пыток прекратились для жены Молотова лишь в начале марта. 10 марта ее вызвали в кабинет Берии. Она еще не знала о смерти «кровавого Идола века».

Жемчужина уже не понаслышке была осведомлена об участии политзаключенных, а поэтому не могла надеяться на что-либо хорошее. Однако ее ожидало настоящее потрясение. Берия обнял свою гостью и воскликнул: «Полина! Ты честная коммунистка!» Жемчужина потеряла сознание. Ее быстро привели в чувство, переодели и отвезли на дачу к супругу в качестве запоздалого подарка ко дню рождения.

Молотов тайл злобу на Берию, словно тот был единственным виновником страданий его жены. Он поддержал Хрущева и Маленкова, когда те, сохраняя все меры предосторожности, обсуждали с другими членами руководства вопрос об аресте этого сталинского монстра. Но и у самого Вячеслава Молотова руки были по локоть в крови невинных жертв репрессий и политических убийств. Он до конца жизни считал чудовищные преступления Сталина против соотечественников всего-навсего «ошибкой» и свято верил, что «революций без жертв не бывает».

Уже в 1953–1955 гг. в СССР были реабилитированы десятки тысяч человек, главным образом партийных и советских работников. О возвращении им полных гражданских прав просили достаточно влиятельные люди. Молотов не торопился способствовать восстановлению справедливости. На его имя поступало множество просьб о реабилитации, но он не желал помогать. С подобной просьбой к нему обратился и бывший работник МИДа Е. А. Гнедин, который получил быстрый и решительный отказ. В своих воспоминаниях он так описывал этот момент: «...отказ в реабилитации, мотивированный с бесстыдством худших сталинских времен, был ответом на заявление, адресованное мною Молотову. В письме прокуратуры имелось на это точное указание. Адвокат, с которым советовалась моя жена, сказал, что было ошибкой обращаться к Молотову, хотя мы одновременно обратились в различные инстанции. К Молотову не следовало обращаться, потому что в 1953 г. именно он был еще способен предложить генеральному прокурору отказать мне в реабилитации. Молотов, казалось, не был исполнителем чужой воли. Разве что тень диктатора благословила Молотова и Руденко на новые беззакония».

Так или иначе, но Вячеслав Молотов, на мой взгляд, был по-настоящему предан кровавому тирану. Даже опала в последние годы жизни Сталина не изменила его подлобострастной угодливости. После XX съезда КПСС в прессе велось широкое обсуждение доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях». За примером «последствий» далеко ходить было не нужно. Молотов и другие его единомышленники всячески противились попытке «очернить» светлый образ «великого и мудрого вождя и учителя».

Д. Т. Шепилов, бывший в то время главным редактором «Правды», вспоминал о неожиданном звонке, прозвучавшем в его кабинете:

«— Товарищ Шепилов?

— Да, это я.

В голосе говорившего со мной слышалось едва сдерживаемое раздражение, он слегка заикался:

— Прекратите ругать в “Правде” Сталина.

Я сразу понял: это был В. М. Молотов.

— Я Сталина не ругаю. Я выполняю решения XX съезда.

— Я еще раз прошу вас: прекратите ругать Сталина.

— Товарищ Молотов, — отвечаю ему. — Я могу только повторить, что сказал: я выполняю решения XX съезда. Вы недовольны? Тогда выносите вопрос на Президиум ЦК».

Разногласия во взглядах между Молотовым и Хрущевым проявились довольно скоро. Конечно, Вячеслав Молотов не мог смириться с тем, что место Сталина занял один из самых недостойных его учеников, тот, кто осмелился посягнуть на светлый образ «учителя». Положение Хрущева всегда оставалось шатким. Его не любили по разным причинам. В Грузии, на родине «вождя», нелюбовь к Хрущеву достигла наивысшего накала. В марте 1956 г. в Тбилиси состоялись массовые манифестации. Участники антиправительственных демонстраций выхо-

дили на площадь с лозунгами: «Долой Хрущева!», «Долой Булганина!», «Молотов – в премьер-министры!», «Молотова – во главе КПСС!»... Результаты этой массовой акции известны: безоружных людей разогнали с применением военной силы, а Молотов фактически перестал выполнять большинство своих обязанностей в Министерстве иностранных дел. В апреле его не включили в состав правительственной делегации, которая посетила Англию, а в середине 1956 г. он и вовсе был освобожден от обязанностей министра иностранных дел.

Но над страной еще довлела сталинская тоталитарная диктатура, которая проявлялась, прежде всего, в умонастроениях верхнего эшелона власти. Хрущев даже со своими извращенными демократическими принципами явно не вписывался в компанию партийной и советской элиты того времени. В январе 1957 г. в Москве стали распространяться слухи о возможной отставке Хрущева и возвышении Молотова. Наряду с этим ходили разговоры и об отставке Молотова.

Этот период был весьма важным в карьере Вячеслава Молотова. Понимая это, он принимал различные шаги, чтобы усилить свои позиции, одолеть главного противника и самому занять его место. Молотов продолжал играть заметную роль в партии и оставался неоспоримым лидером в глазах соотечественников. Вскоре вокруг него образовался круг недовольных реформаторской политикой Хрущева членов ЦК, многие из которых входили и в Президиум ЦК КПСС. Кадровые и административные изменения влекли за собой возмущение тех ответственных работников министерств, которые должны были покинуть столицу, чтобы возглавить созданные Хрущевым совнархозы и их управления. К тому же был выдвинут лозунг об увеличении производства мяса в СССР в три раза в течение всего трех-четырех лет. Все эти промахи лидера Советского государства были тотчас приняты на вооружение его недоброжелателями.

Вячеслав Молотов пошел в решительное наступление. 22 апреля 1957 г., в день рождения вождя – родоначальника большевизма в России, в «Правде» была опубликована его большая статья под названием «О Ленине». Автор не преминул напомнить, что именно он – единственный из членов Президиума ЦК, который работал непосредственно под руководством Ленина и встречался с ним еще с апреля 1917 г. Попутно он сделал попытку вернуть прежнюю славу и величие верному последователю вождя мирового пролетариата Сталину.

Оправдывая его коварство, он писал: «Мы знаем, что отдельные ошибки, и иногда тяжелые ошибки, неизбежны при решении столь больших и сложных исторических задач. Нет и не может быть гарантий на этот счет ни у кого».

Тем временем в условиях строгой конспирации продолжались встречи и беседы участников антихрущевской оппозиции. На пост секретаря ЦК они предлагали избрать Молотова, а Хрущева, если он добровольно сложит с себя полномочия главы партии и государства, намеревались назначить министром сельского хозяйства или на какой-нибудь другой пост. В случае отказа не исключался даже арест Хрущева. Как показало время, события приняли совершенно иной оборот.

Решающее столкновение между Молотовым и Хрущевым произошло в июне 1957 г., на заседании Президиума ЦК КПСС. Молотов был в большинстве: его поддержали даже такие видные деятели, как Булганин, Первухин, Сабуров, Шепилов, Каганович, Маленков, Ворошилов и многие другие. Но Молотов не вполне объективно оценил свои возможности, позабыв о мудром предостережении «учителя» о «головокружении от успехов». Он не сумел заручиться поддержкой большинства на Пленуме ЦК, созванном по требованию сторонников Хрущева. Он также не пользовался достаточным авторитетом у силовиков – у Серова, стоявшего во главе КГБ, и у Жукова, возглавлявшего армию. Многие из членов главного партийного органа опасались, что с приходом Молотова снова начнутся массовые репрессии. Его поражение на июньском Пленуме ЦК КПСС было настолько сокрушительным, что далее его сторонники проголосовали за принятие постановления, осудившего его деятельность. Пленум вывел Молотова,

Кагановича, Маленкова и Шепилова из состава Президиума и исключил их из ЦК КПСС. Таким образом, политическая карьера бывшего премьер-министра Советского Союза на этом фактически закончилась.

Хрущев старался быть последовательным в своих «демократических» принципах и не настаивал на исключении «фракционеров» из партии, не говоря уже о применении более серьезных мер по отношению к ним. Молотов был назначен сначала послом СССР в Монголии, а затем председателем Международного агентства по атомной энергии при ООН, штаб-квартира которого располагалась в Вене. Он оставался на этих ответственных постах вплоть до трагического в его судьбе 1962 г., когда бюро Свердловского райкома партии Москвы исключило его из рядов КПСС за антипартийную фракционную деятельность и активное участие в массовых репрессиях в сталинские времена.

До последнего момента Молотов не мог примириться со своим положением. Он всячески выказывал свое несогласие с линией партии, возглавляемой Хрущевым. Молотов проявлял несанкционированную Москвой политическую активность. Однако последней каплей, переполнившей чашу хрущевского долготерпения, стали события 1961 г., предшествовавшие XXII съезду КПСС.

Накануне партийного форума был опубликован проект новой Программы КПСС для его всенародного обсуждения. В печати, как водилось в то время, появлялись статьи только с положительными отзывами проекта Программы. Молотов также решил принять участие в ее обсуждении. Незадолго до начала съезда он направил в ЦК КПСС заявление, в котором сделал подробный и критический разбор проекта Программы. В частности, он называл ее ошибочным и «ревизионистским» документом, что привело Хрущева в необычайное раздражение. Уже сам факт выступления Молотова против Программы КПСС рассматривался как недопустимая наглость. На съезде лидер страны снова обрушился на «фракционеров», которые тянули страну назад к сталинской тоталитарной диктатуре. Многие из делегатов форума потребовали исключить Молотова и его политических союзников из партии. В результате бывший премьер-министр СССР действительно был снят со всех своих постов и исключен из партии.

А. И. Аджубей вспоминал, что вскоре после этих событий Полина Жемчужина добилась приема у Хрущева и просила восстановить своего мужа в партии. В ответ на это Никита Сергеевич показал ей документ с резолюцией Молотова о расстреле жен Косиора, Постышева и других ответственных работников Украины, затем спросил, можно ли, по ее мнению, говорить о восстановлении Молотова в партии или надо привлекать к суду.

Лишенный высокого «духовного» покровительства, В. М. Молотов вынужден был отойти от дел. Потерять партийный билет для многих членов КПСС было равносильно смерти, сама жизнь для них утрачивала какой-либо смысл. Но Молотов вынес и это испытание. На протяжении последующих лет, вплоть до 1984 г., когда Генеральным секретарем ЦК стал К. У. Черненко, он неоднократно подавал заявления на имя Косыгина и Брежнева с просьбой восстановить его в партии. Таких заявлений от людей, «обиженных» при Хрущеве, существовало много, по почти все они были отклонены. Бывшие соратники отлично знали друг друга и понимали, какой это рискованный шаг дать новое крещение людям, прошедшим сталинскую школу политических интриг и коварства. Только в 1984 г. просьба Молотова была активно поддержана А. А. Громыко, влияние которого в Политбюро к этому моменту значительно возросло. Хотя об этом не сообщалось в советской печати, Молотов был восстановлен в партии и ему были возвращены привилегии как пенсионеру союзного значения.

Как считал сам бывший глава Советского правительства, бывший нарком, а затем и министр иностранных дел, бывший ближайший помощник Сталина, справедливость по отношению к нему восторжествовала. Однако это уже не имело в его жизни большого значения: он переступил свой 90-летний рубеж.

Еврейские проблемы в семье Сталина

После смерти Сталина в 1953 г. были написаны более ста его биографий. После частичного рассекречивания советских партийных и государственных архивов в 1991–1992 гг. были подготовлены еще сотни книг и обзоров, посвященных изучению различных «сталинских» кампаний: индустриализации, насильственной коллективизации сельского хозяйства, деятельности Сталина в период Второй мировой войны и различным причинам сталинского террора. Немало книг было написано с целью реабилитации Сталина. Появились книги о семье Сталина, его дочери Светлане, сыновьях Якове и Василии и о других родственниках. Были опубликованы и несколько целиком фальсифицированных псевдобιοграфий Сталина, иногда в форме романов. Сталин неизбежно оказывался центральной фигурой в опубликованных, часто посмертно, воспоминаниях его близких и не очень близких соратников и сотрудников, бывших членов Политбюро, министров, маршалов и генералов, сотрудников разведки, дипломатических переводчиков и даже работников его личной охраны.

Первая жена Сталина, тогда еще Джугашвили, Екатерина Сванидзе умерла от болезни в 1908 г., оставив мужу сына Якова, которому не было и года. Как революционер, часто оказывавшийся в тюрьмах и ссылках, Сталин не мог заниматься воспитанием сына, и его вырастили сестры Екатерины, жившие в Грузии. Яков переехал в Москву и стал жить вместе со второй семьей Сталина лишь в 1921 г. В этом же году у Сталина появился еще сын Василий, но его вторая жена – Надежда, которой тогда было лишь двадцать лет, не могла следить за воспитанием выросшего в грузинских традициях подростка.

Только в московской школе Яков по-настоящему овладел русским языком. После школы он поступил в инженерный институт, где получил квалификацию электрика. В этот период он женился на студентке того же института Зое без одобрения отца. Жизнь в Кремле Якову не нравилась, и он переехал в Ленинград. Здесь родилась первая внучка Сталина, которая, однако, умерла в младенчестве. Брак Якова и Зои также распался, в те годы браки и разводы были легкой проблемой. В 1935 г. Яков Джугашвили решил выбрать военную карьеру и, вернувшись в Москву, поступил в Артиллерийскую академию.

В Москве, при посещениях своей тети Анны Аллилуевой, Яков познакомился с молодой и красивой женщиной, приехавшей с Украины. В воспоминаниях Светланы Аллилуевой, опубликованных в 1967 г., сказано о том, что Яков «... женился на очень хорошенькой женщине, оставленной ее мужем. Юля была еврейкой, и это опять вызвало недовольство отца»⁴⁸.

Значительно позже, живя уже за границей, Светлана Аллилуева в интервью, записанном для книги по истории всех ветвей родословного дерева Сталина, привела больше подробностей о новой жене своего брата. «Он встретил Юлию, свою вторую жену, благодаря тете Анне. Юлия была украинской еврейкой, и ее первый муж был крупным начальником НКВД. Он был арестован, и она обратилась к тете Анне за помощью. Они знали друг друга с того времени, когда муж Анны работал в НКВД Украины»⁴⁹.

Сталин был недоволен этим вторым браком сына не столько потому, что его новая невестка была еврейкой. Этот брак тоже был слишком неожиданным, и Яков не искал согласия отца, как это принято по грузинским и кавказским обычаям. Кроме того, Сталин, безусловно, оказался лучше информирован о новой жене сына, чем сам Яков. Составление подробных справок обо всех новых родственниках главы государства и их биографиях, а затем и слежка за ними были одной из обязанностей службы государственной безопасности. У первой жены Якова – Зои отец был священником, и это исключало возможность его «вхождения» в семью

⁴⁸ Аллилуева Св. Двадцать писем другу... М.: «Известия», 1990. С. 124.

⁴⁹ Richardson Rosamond The Long Shadow. Inside Stalins Family. London: Little, Brown and Company, 1993. P. 166.

Сталина. У новой жены Якова – Юлии была более сложная биография, и ее первый муж, работавший в НКВД, возможно, не был «первым». Но Сталин и на этот раз не стал вмешиваться в семейные дела сына – Яков не слишком считался с мнением отца. В 1938 г. в семье Якова родилась дочь Гая.

Анна Аллилуева, старшая сестра покойной жены Сталина, к которой приехала из Одессы за помощью Юлия, была женой Станислава Реденса, профессионального чекиста, начальника НКВД Московской области. Реденс, свояк Сталина, в прошлом польский коммунист, был другом Феликса Дзержинского и его личным секретарем со времени основания ВЧК в 1918 г. Он выдвинулся на высокие посты в ВЧК независимо от Сталина и в период Гражданской войны занимал посты начальника Харьковской, Одесской и Крымской ЧК, которые под его руководством осуществляли массовые расстрелы сдавшихся в плен солдат и офицеров армии Врангеля.

Анна Аллилуева в 1920 г. тоже работала в Одесской ЧК, и именно здесь она и Реденс соединили свои судьбы. Формальных браков тогда не было, но Реденс, безусловно, оценил все преимущества члена семьи генсека, когда в 1926 г. он был назначен председателем ГПУ Закавказской Федерации, а в 1931 г. – председателем сначала Белорусского ГПУ, а затем Украинского.

На Украине Реденс считался одним из главных организаторов жестоких репрессивных мер, связанных с коллективизацией крестьян и конфискациями зерна, которые привели к голоду 1932–1933 гг. в южных областях Украины. В то время, когда Юлия приехала к Анне Аллилуевой за помощью по поводу своего первого мужа, Станислав Реденс имел чин комиссара государственной безопасности 1-го ранга, это было тогда высшее звание, которого можно было достигнуть в органах госбезопасности. Не исключено, что он сумел помочь своему бывшему подчиненному на Украине и вернуть его на какой-либо пост в провинцию. Однако сама Юлия, познакомившись со столь влиятельными людьми, предпочла остаться в Москве.

Другие члены семьи Сталина отнеслись к ней хуже, чем знавшая ее по Украине Анна. В дневнике Марии Сванидзе, жены брата первой жены Сталина – Екатерины, появилась 17 ноября 1935 г. такая запись: «Яша вторично вступил в брак с Юлией Исааковной Бессараб. Она хорошенькая женщина лет 30–32, кокетливая. Яша у нее 3-й или 4-й муж. Она старше его. Не знаю, как отнесется к этому И.»⁵⁰. Под И. имелся в виду Иосиф Сталин.

Родство со Сталиным, кстати, не давало никому, кроме его детей Светланы и Василия, каких-либо преимуществ. Только Светлана и Василий получили с рождения фамилию Сталина. Мария Сванидзе и ее муж Александр, занимавшие влиятельные посты в администрации правительства СССР, были арестованы в 1937 г. Станислава Реденса арестовали в конце 1938 г., когда сменивший Ежова Берия освобождал НКВД от близких сотрудников Ежова. Все эти родственники Сталина были расстреляны.

Судьба семьи Якова Джугашвили также оказалась трагической. В июле 1941 г. 22-я армия, в которой командиром артиллерийской батареи служил старший лейтенант Яков Джугашвили, была окружена в боях за Смоленск. 14-я танковая дивизия, в составе которой находилась батарея Якова Джугашвили, была разгромлена, и 16 июля сын Сталина оказался в немецком плену⁵¹. Именно в этот период поражений на фронте Сталин, Ворошилов и Г. К. Жуков подписали приказ, согласно которому «...командиров, сдающихся в плен, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших родину дезертиров»⁵².

⁵⁰ Иосиф Сталин в объездах семьи: Из личного архива. М.: «Родина», 1993. С. 164 (Б-ка журнала «Источник»).

⁵¹ Красная Звезда. 1988 (14 мая).

⁵² 1941 год. Документы // Ред. В. П. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Книга вторая. С. 478.

В соответствии с этим приказом жену Якова, Юлию, арестовали, а ее дочь Галю, которой было только четыре года, отправили в детский дом. Для семьи сына Сталин не сделал исключения. Жена, вернее уже вдова Якова, была освобождена лишь в 1943 г., после смерти сына Сталина. Это было сделано после того, когда Сталин по агентурным каналам получил сведения о том, что его сын вел себя в плену как патриот и отказывался от всех форм сотрудничества с немцами. Существует несколько версий смерти Якова Джугашвили: по одной из них, он покончил жизнь самоубийством, по другой – был убит охраной лагеря при попытке к бегству.

Вторая проблема возникла в семье Сталина в 1939 г.

Старший брат покойной жены Сталина Павел Аллилуев, участник Гражданской войны, инженер и танкист, служил в 1938 г. в Управлении автобронетанковых войск в Москве. Вернувшись осенью 1938 г. из отпуска в Сочи, он неожиданно умер от сердечного приступа в своем служебном кабинете в здании управления. Ему в то время шел лишь 44-й год. После его смерти остались жена Евгения Александровна Аллилуева и трое детей: младшему, Саше, было семь лет, старшей дочери восемнадцать. Они жили не в Кремле, а в знаменитом доме, который тогда называли «правительственным». Он был построен на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки специально для элиты. В Москве в 20-е и 30-е гг. построили несколько домов для «ответственных работников», и все они тщательно охранялись. Евгения Аллилуева была в трауре не слишком долго и через несколько месяцев снова вышла замуж.

Новым родственником Сталина стал Николай Владимирович Молочников, имевший двух детей от своей первой жены. Молочников был конструктором-металлургом и работал в Ленинграде. В Москве он со своими детьми поселился в пятикомнатной квартире Евгении Аллилуевой. Сталин был недоволен этим браком из-за его быстроты. По грузинским обычаям жена, потерявшая мужа, соблюдает траур значительно дольше. Из НКВД Сталину сообщили, что Молочников, который часто бывал за границей, является негласным сотрудником НКВД. С Евгенией Аллилуевой он познакомился и подружился еще в 1929 г., в период совместной работы в торговом представительстве СССР в Берлине. Павел Аллилуев в это время также работал в Германии, которая, не имея по Версальскому договору танковой промышленности, размещала много военных заказов именно в СССР. Молочников имел еврейское происхождение, хотя носил русскую фамилию. Смена еврейских имен и фамилий на русские была обычным явлением в России среди нерелигиозных евреев, так как формальный переход в православие снимал все ограничения мест проживания и образования. В 20-е гг. смена еврейских фамилий на русские стала еще проще и не требовала религиозных обрядов.

В прошлом Сталин очень часто встречался с Павлом и Евгенией. Но новая семья Евгении Аллилуевой и Молочникова была выведена за пределы круга семейных контактов Сталина.

Среди своих детей Сталин больше всего любил дочь Светлану, девочку не очень красивую, но умную и много читавшую. Светлана училась в школе очень хорошо, успешно изучала английский язык. В то же время у сына Сталина Василия, который был на пять лет старше своей сестры, были постоянные проблемы с учителями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.